

БУРЯ ЖНЕЦА

ТОМ 2

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ СЕДЬМОЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон
Буря Жнеца. Том 2

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Эриксон С.

Буря Жнеца. Том 2 / С. Эриксон — «Эксмо»,
2007 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-04-099680-3

Неспокойно в Летерийской империи. Рулад Сэнгар, Император Тысячи Смертей, попал под демоническую власть своего колдовского меча, который дарит ему бессмертие. Тайная полиция Патриотистов начинает чистки среди подданных. Пророки больше не могут видеть грядущее. Дворец полон заговорщиков, чиновники коррумпированы, и ими движут только личные интересы. Старая Империя на грани войны с окружающими королевствами, которые не забыли давние обиды. Великий флот эдур приближается к берегам древнего государства. Он несет бесчисленную армию со всех концов света. Среди них – два легендарных падших бойца, жаждущих скрестить мечи с проклятым Императором лично. Кровопролитие в таких масштабах не останется без ответа и может изменить судьбу мира. Брутальный роман о войне, интригах и темной, неконтролируемой магии. Самая захватывающая эпическая фэнтези, которую можно себе вообразить.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-099680-3

© Эриксон С., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Список персонажей	6
Летери	6
Тисте эдур	7
Появляются с флотом эдур	8
Оул'даны	9
Беглецы	10
Убежище	11
Малазанцы	12
Другие	14
Книга третья. Костяшки души	15
Глава тринадцатая	15
Глава четырнадцатая	41
Глава пятнадцатая	72
Глава шестнадцатая	103
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Стивен Эриксон
Буря Жнеца. Том 2

© А. Андреев, М. Молчанов, П. Кодряной, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глену Куку

Список персонажей

Летери

Тегол Беддикт, нищий горожанин
Бугг, слуга Тегола
Шурк Элаль, вольная пиратка
Скорген Кабан, первый помощник Шурк
Ублала Панг, безработный тартенал-полукровка
Ормли, член гильдии крысоловов
Рукет, главный следователь гильдии крысоловов
Карос Инвиктад, куратор Патриотистов
Танал Йатванар, личный помощник Кароса
Раутос Хиванар, магистр Свободного попечительства торговцев
Венитт Сатад, главный полевой агент Раутоса
Трибан Гнол, канцлер Новой империи
Нисалл, первая наложница старого императора
Джаналл, свергнутая императрица
Турудал Бризад, бывший консорт
Джанат Анар, политзаключенная
Сиррин Канар, дворцовый стражник
Бруллиг (шайх), номинальный правитель Второго девичьего форта
Йедан Дерриг (Дозорный)
Орбин «Правдолов», командир секции Патриотистов
Летур Аникт, управитель Дрена
Биватт, атри-преда Восточной армии
Пернатая ведьма, летерийка, рабыня Урут

Тисте эдур

Рулад, правитель Новой империи
Ханнан Мосаг, седа империи
Урут, мать императора и жена Томада Сэнгара
К'риснан, колдуны императора
Брутен Трана, эдур, придворный
Брол Хандар, наместник востока в Дрене

Появляются с флотом эдур

Йан Товис (Сумрак), атри-преда летерийской армии

Варат Тон, ее лейтенант

Таралак Вид, грал, агент Безымянных

Икарий, оружие Таралака

Хандари Кхалаг, военачальник тисте эдур

Томад Сэнгар, отец императора

Самар Дэв, ученая и ведьма из Семи городов

Карса Орлонг, воин тоблакаи

Таксилиец, переводчик

Оул'даны

Красная Маска, вернувшийся изгнанник
Масарк, воин из клана ренфайяров
Хадральт, вождь клана гейнтоков
Саг'Чурок, телохранитель Красной Маски
Гунт Мах, телохранительница Красной Маски
Торант, меднолицый
Натаркас, меднолицый

Беглецы

Сэрен Педак, летерийка, аквитор
Фир Сэнгар, тисте эдур
Кубышка, летерийка, сирота
Удинаас, летериец, беглый раб
Сушенный, дух-призрак
Силкас Руин, Взошедший тисте анди

Убежище

Улшун Прал, имасс
Руд Элаль, приемный найденыш
Хостиль Ратор, т'лан имасс
Тил'арас Бенок, т'лан имасс
Гр'истанас Иш'илм, т'лан имасс

Малазанцы

Охотники за костями
Тавор Паран, командующая Охотниками за костями
Лостара Йил, помощница Тавор
Кенеб, Кулак Охотников за костями
Блистиг, Кулак Охотников за костями
Фарадан Сорт, капитан
Мадан'тул Рада, лейтенант Фарадан Сорт
Свищ, приемный сын Кенеба
Клюв, маг, подчиненный капитана Фарадан Сорт

8 легион, 9 рота
4 взвод
Скрипач, сержант
Битум, капрал
Корик, сэтиец-полукровка, морпех
Улыбка, морпех
Спрут, сапер
Флакон, взводный маг
Корабб Бхилан Тэну'алас, солдат

5 взвод
Геслер, сержант
Ураган, капрал
Песок, морпех
Курнос, тяжелый пехотинец
Смекалка, тяжелый пехотинец
Уру Хэла, тяжелый пехотинец
Поденка, тяжелый пехотинец

7 взвод
Шнур, сержант
Осколок, капрал
Хромой, морпех
Эброн, взводный маг
Хруст (Джамбер Валун), сапер
Синн, маг

8 взвод
Хеллиан, сержант
Неженка, капрал 1
Дохляк, капрал 2
Бальгрид, взводный маг
Тавос Понд, морпех
Может, сапер
Мазок, взводный целитель

9 взвод
Бальзам, сержант
Смрад, капрал
Горлорез, морпех

Гальт, морпех
Лоуб, морпех
Непоседа, взводный маг
12 взвод
Том Тисси, сержант
Тульпан, капрал
Скат, тяжелый пехотинец
Джибб, средний пехотинец
Гнойник, средний пехотинец
Врун, средний пехотинец
Беллиг Харн, тяжелый пехотинец
13 взвод
Урб, сержант
Рим, капрал
Масан Гилани, морпех
Таз, тяжелый пехотинец
Ханно, тяжелый пехотинец
Лизунец, тяжелый пехотинец
Воришка, тяжелый пехотинец
8 легион, 3 рота
4 взвод
Правалак Римм, капрал
Милый, сапер
Шелковый Шнурок, сапер
Мелкий, тяжелый пехотинец
Затылок, тяжелый пехотинец
5 отделение
Бадан Грук, сержант
Драчунья, морпех
Худышка, моряк
Неп Хмурый, маг
Релико, тяжелый пехотинец
Большой Простак, тяжелый пехотинец
10 отделение
Примли, сержант
Охотник, капрал
Малван Трус, маг
Неллер, сапер
Мертвоголов, моряк
Молния, тяжелый пехотинец

Другие

Банашар, последний жрец Д`рек
Вифал, оружейник мекросов
Сандалат Друкорлат, тисте анди, жена Вифала
Нимандр Голит, тисте анди, потомок Аномандра Рейка
Фейд, тисте анди, потомок Аномандра Рейка
Кердла, дух в теле тощей рептилии
Телораст, дух в теле тощей рептилии
Онрак, т`лан имасс, развязанный
Трулл Сэнгар, тисте эдур, отступник
Бен Адаэфон Делат, маг
Менандор, одиночница (сестра Рассвет)
Шелтана Лор, одиночница (сестра Сумерки)
Сукул Анхаду, одиночница (сестра Пятнистая)
Кильмандарос, Старшая богиня
Чик, тисте анди
Котильон, Узел, бог-покровитель убийц
Эмрот, разбитая т`лан имасс
Вал, привидение
Старый дед Эрбат, тартенал
Умница, бывшая заключенная
Коротышка, бывшая заключенная
Пулли, ведьма шайхов
Сквиш, ведьма шайхов

Книга третья. Костяшки души

*Осквернив
зверя, что в глубине
наших души,
мы его кроткий взгляд,
столь невинный,
приучаем ко злу –
пусть сидит
в клетке наших грехов.*

*Я возьму
в свои руки судьбу,
чтоб вернуть
зверю веру в людей.
Разобью
цепи, что не дают
прочь бежать.
Зверь убьет, защищаясь,*

*мы убьем,
потому что хотим.
С наших рук
нам не смыть эту кровь,
чистоту
помыслов не вернуть.
Мрачный взгляд
волчьих глаз на лице*

*у тебя.
Этим разнимся мы,
и в душе
вместе зверь мой и я.
Не понять,
кто – ведет, кто – ведом.
Спроса нет
с невинно заблудших.*

*«Пес в переулке»
«Признания»
Тибал Фередикт*

Глава тринадцатая

Мы, потерпевшие кораблекрушение, собрались на остатках палубы и киля, затем спустились в изломанный остов. Ночной шторм развеялся по ветру.

Вокруг меня шептали молитвы, жестами отгоняли всякие беды, как тому приучили всех с детства, надо полагать. Сумею я вспомнить свои молодые лета, мне бы тоже пришлось в голову изображать что-то подобное.

Так что мне оставалось лишь смотреть, как крабы сгребают в кучу крошечные скелетики. То были хвостатые бесы с человеческими лицами, ястребиными когтями и множеством непонятных украшений, подчеркивавших залитое солнцем уродство.

Неудивительно, что в тот день я зарекся ходить в море. Шторм и разбитый корабль подняли нечестивое воинство и, вне всякого сомнения, еще больше были готовы обрушиться на этот проклятый остров.

И самое неприятное наблюдение из всех принадлежало все-таки мне: «Видимо, не всем бесам дано летать».

Вот только было ли все это поводом лишить себя глаз?

– Тобор-Слепец из Предела.

– Вот, друзья, наконец-то хоть одна красotka.

– Странные у вас вкусы.

– Это почему еще, а, грязный гробокопатель? Одного в толк не возьму: почему такие всегда ошиваются в компании безнадежных уродов? Достаточно поманить, и за ней любой бы пошел. Даже я. Так нет ведь, уселась с этим хромым, одноруким, одноухим, одноглазым, безносом... И как его земля только носит?

Третий их товарищ, еще не сказавший ни слова, незаметно покосился на старшего: спутанные волосы, торчащие веслами уши, выпученные глаза, пегие пятна – следы от огня – и лицо, напоминающее раздавленную тыкву. Горлорез быстро отвел взгляд. Не хватало еще расхохотаться, а смех у него в последнее время был визгливый и жутковатый, вгонявший окружающих в оцепенение.

Не припомню, чтобы когда-либо издавал подобные звуки. Аж самому не по себе. Впрочем, пришлось же ему хлебнуть масляного пламени, вот горло и не выдержало. К счастью, проявлялось это, только когда Горлорез смеялся, а в последние месяцы – после тех... *событий* – поводов для веселья почти не было.

– А вот и таверщик, – заметил Смрад.

По-малазански здесь никто не говорил, так что они втроем могли сколько угодно обсуждать всех и вся.

– Ага, еще один слюни пускает, – осклабился сержант Бальзам. – А она с кем сидит? Худ меня побери, ничего не понимаю.

Смрад навалился на стол и медленно наполнил себе кружку.

– Они – доставка. Видите тот бочонок? Это для Бруллига. Похоже, кроме красавчика и мертвой девки, других добровольцев не нашлось.

Глаза Бальзама выпучились еще сильнее, чем были от природы.

– Мертвая! Чего ты городишь, Смрад? Знаешь, кто мертвый? Гнилой червяк у тебя в штанах, вот кто!

Горлорез посмотрел на капрала.

– *Странные у вас вкусы.*

Он сдавленно булькнул, отчего оба спутника поморщились.

– А ты-то какого Худа ржешь? – строго спросил Бальзам. – Не смей. Это приказ.

Горлорез больно прикусил язык. В мозгу кольнуло, глаза заволокли слезы. Он молча замотал головой. *Я? Ржу?*

Сержант снова буравил взором Смрада.

– Мертвая, говоришь? А по виду и не скажешь.

Капрал отхлебнул эля. Рыгнул.

– Зуб даю. Эта девка уже порядочно мертва, пусть и умело скрывает.

Бальзам склонился над столом и стал расчесывать пальцами колтун на голове. На темное дерево посыпались белые хлопья.

– Нижние боги, – прошептал он. – Может, ей того... это... ну, сказать?

Смрад вскинул выгоревшие брови.

– Ага... Кхм, прошу простить, госпожа, но ради такой внешности и умереть не жалко. Вот вы, кажется, уже?

Горлорез снова булькнул.

– Госпожа, а что, красивый парик и дорогой грим вправду всё скрывают? – продолжал капрал.

Горлорез издал хлюпающий звук.

Посетители стали оглядываться.

Смрад глотнул еще эля. Он входил во вкус.

– Просто, знаете, вы никак не похожи на мертвеца.

Раздался визгливый, с присвистом смех.

Когда он смолк, в общем зале таверны повисла тишина, только гроыхнула упавшая на пол кружка.

Бальзам уставился на Смрада.

– Доигрался. Всё неймется. Еще одно слово, капрал, и, клянусь, ты будешь мертвее, чем она.

– Чем это пахнет? – спросил Смрад. – Ну да, верно. Разложение вызывает возбуждение.

Щеки Бальзама надулись, лицо приобрело какой-то лиловатый оттенок. Пожелтевшие глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит.

Горлорез зажмурился, но глаза слишком хорошо запечатлели сержантскую рожу. Он приснул, зажал рот руками и беспомощно огляделся.

Никто из посетителей так не произнес ни слова, все уставились на троицу. Даже красотка, которую сопровождал калечный олух, и сам олух, сверкавший единственным глазом из-под наспуленных бровей, так и замерли рядом с бочонком эля. Таверщик, который его принес, тоже разинув рот смотрел на Горлореза.

– Ну, теперь нас точно перестанут бояться, – подытожил Смрад. – Надеюсь, индейки тут не водятся, а то Горлица пошел исполнять брачные песни. А вам, сержант, будто голову «руганью» начинили – вот-вот взорвется.

– Это всё из-за тебя, скотина! – прошипел Бальзам.

– А вот и нет. Я, как видите, спокоен. Хоть, увы, компания у меня подобралась так себе.

– Хорошо, катись отсюда. Худом клянусь, Гилани даст фору этой...

– Вот только она живая, сержант. А значит, не в вашем вкусе.

– Я же не знал!

– Весьма жалкое оправдание, не находите?

– погоди, Смрад, – вмешался Горлорез, тыкая пальцем в капрала. – Я-то ее тоже не раскусил. Еще одно доказательство, что ты треклятый некромант. И не надо тут изображать удивление, нас больше не проведешь! Ты всё знал, потому что чуешь мертвецов, их трупный смрад. И имечко какое подходящее. Бьюсь об заклад, Смелый Зуб не зря тебе его дал – уж он-то людей насквозь видит!

В таверну понемногу возвращалась жизнь, но теперь разговоры сопровождались суеверными жестами. По грязному полу закрипели стулья, и группка местных незаметно просочилась на улицу.

Смрад пил эль и молчал.

Мертвая девка и ее спутник, с трудом удерживающий равновесие с бочонком на плече, направились к выходу.

– Уходят, – буркнул Бальзам. – А мы, как всегда, в меньшинстве.

– Не бойтесь, сержант, всё под контролем, – сказал Смрад. – Если, конечно, хозяин не решит составить им компанию...

– И пожалеет, – отозвался Горлорез.

Он встал и застегнул армейский дождевик.

– Везет вам, будете насиживать тут задницы в тепле. А снаружи, между прочим, мерзко и холодно.

– Заношу выговор за нарушение субординации, – проворчал Бальзам и постучал себе по лбу. – Вот сюда.

– Ну, тогда не страшно, – сказал Горлорез и вышел из таверны.

Шайх Бруллинг, тиран Второго Девичьего форта и будущий король Острова, развалился в высоком кресле, которое раньше принадлежало тюремному надзирателю, и исподлобья глядел на двоих чужеземцев, что сидели за столом у входа в покои. Они играли в очередную дурацкую игру: костяшки, какая-то продолговатая деревянная миска и выщипанные вороны перья.

– Два отскока, и выигрыш мой, – сказал один солдат.

Наверное. Учить язык исподтишка, по обрывкам фраз, – тот еще труд, впрочем, Бруллингу языки давались легко. Сначала шайхский, затем летерийский, фентский, наречия тисте эдур, мекросов, торговое, а теперь еще и это... *малазанское*.

Одно к одному. У шайха отняли инициативу с той же легкостью, что и кинжал, и боевой топор. Он вспомнил, как чужеземцы вошли в гавань: всего лишь горстка – неприятность, не более, как тогда казалось. К тому же были проблемы посущественнее. С моря на Остров надвигались огромные ледяные глыбы, и это куда страшнее любого флота или воска. Чужеземцы пообещали, что разберутся, а утопающий, как известно, и за соломинку ухватится.

Какое зрелище: будущий король Острова, смятый и размазанный бесчувственной глыбой. От одной мысли его парус сдулся, словно разодранный драконьими когтями. После всех трудов?..

Одно к одному. А не сами ли малазанцы притащили этот лед? С них станется: направили его по гуляющему течению, каких немало в это время года, а сами тут как тут, мол, давайте мы прогоним лед прочь. Бруллинг ведь не поверил ни единому слову, но вместо него тогда говорило отчаяние: *«Спасите, и обещаю вам королевский прием на сколько пожелаете»*. Те лишь улыбнулись.

Какой же я дурак. А то и хуже.

И вот пожалуйста: два каких-то жалких взвода подмяли под себя Остров со всеми его жителями, а он – шайх – бессилен что-либо с этим поделать. *Выход один – держать происходящее в тайне. Но с каждым днем это всё труднее и труднее.*

– Выигрыш в корытце. Вытащи костяшку, и он почти у тебя в кармане, – сказал второй солдат.

Наверное.

– Ты дыхнул, она скатилась! Шулер! Я всё видел.

– Я не дышал.

– Рассказывай! Тоже мне, Худов труп нашелся!

– Говорю тебе, в тот раз я не дышал. Вот, гляди: она в корытце. Не веришь?

– Дай взгляну... Ага! А вот и не в корытце!

– Чтоб тебя! Это ты вздохнул, вот она и сдвинулась!

– Я не вздыхал.

– Ну да, а теперь еще скажи, что не проигрываешь.

– Даже если и проигрываю, это не значит, что я вздохнул. Не в корытце она, посмотри сам.

– Погоди, вот сейчас я дыхну...

- Тогда я вздохну!
- Дышат победители, вздыхают проигравшие. Значит, я выиграл.
- Стало быть, ты жульничаешь, как дышишь?

Бруллиг медленно перевел взгляд на еще одного солдата, находившегося здесь с ним. Шабаш и все ведьмы его, ну что за красавица! Кожа темная, чарующая, а в раскосых глазах так и горит огонь влечения – о боги, да в их глубинах скрыты все тайны мироздания. А какой рот! Какие губы! Избавиться бы от тех двоих да, пожалуй, от ее жутких кинжалов, вот он бы тогда всласть поразгадывал эти тайны.

Я – король Острова. Почти. Еще неделя, и если никто из дочерей умершей королевы – чтоб им провалиться – не объявится, всё достанется мне. Почти король Острова. Значит, имею полное право так себя называть. И какая женщина не предпочтет мягкую и теплую постель первой королевской наложницы жалкому солдатскому существованию? Летерийская мода, знаю, но раз я – король, то и правила мои. А если шабаш будет против, что ж, утесы здесь высокие.

- Снова этот взгляд. Берегись, Масан, – заметил один из сидевших за столом.

Женщина, которую звали Масан Гилани, выпрямилась и, вскинув гладкие сильные руки, по-кошачьи выгнула спину. Потертая туника обтянула ее полные груди, превратившиеся в два полушария.

- Всё в порядке, Лоуб. Пока он думает не головой, а тем, что ниже, его можно не опасаться.

Закончив потягиваться, она расслабилась и выпрямила безупречные ноги.

- Надо привести ему еще одну шлюху, – предложил солдат по имени Лоуб, сгребая костяшки в кожаный мешочек.

- Не надо, – возразила Масан Гилани. – Смерд чудом оживил предыдущую.

Но дело не в этом, ведь так? Бруллиг усмехнулся. Ты сама меня хочешь. Обычно я куда нежнее, уверяю тебя. Просто надо было... злость сорвать. И всё. Улыбка поблекла. Зачем же они так руками размахивают? Что ни слово, то жест. Странные они, эти малазанцы. Он привлек внимание гостей и заговорил на летерийском – медленно и отчетливо, специально для них:

– Мне нужна прогулка. Ногам не хватает движения. – Подмигнул Гилани, та понимающе ухмыльнулась в ответ, отчего между ног возникло нарастающее напряжение. – Люди должны меня видеть, понимаете? Иначе пойдут слухи. Поверьте, жители Второго Девичьего форта прекрасно знают, что такое домашний арест.

- Твой эль тебе приносят сегодня, так оно? – спросил Лоуб, страшно коверкая язык. – Лучше ты будешь ждать оно тут пока. Мы гуляем тебя сегодня ночью.

Будто Госпожа свободы своей собачонке. Какая прелесть! А если я задеру ногу и помогу на тебя, Лоуб, как тебе оно понравится?

Эта троица Бруллига не пугала, в отличие от еще одного взвода в другой части острова. В нем состояла та тощая немая девчонка, которая умела появляться из ниоткуда. Интересно, как объяснили бы такой фокус шайхские ведьмы? Вспышка света – и вот она. Лоубу, Масан Гилани, Гальту – любому из троих – стоило лишь позвать ее по имени.

Синн.

Вот подлинный кошмар, причем даже без клыков и когтей. Против нее придется выставить весь шабаш. Многие полягут. И к лучшему: эти ведьмы вечно путаются под ногами у избранных шайхских правителей. Скоро они явятся, будут вопить и ругаться, словно воронье над падалью. Только вот летать они не умеют. И даже плавать. Так что пересекать им пролив на лодках. А ну как Предел тоже весь во льду? Если смотреть отсюда, очень на то похоже.

Солдат по имени Гальт встал со стула, поморщившись, потер поясницу и подошел к шпалере, занимающей всю стену. Краски выцвели от времени, а нижний левый угол был замаран кровью бедняги надзирателя, но все равно это был самый ценный предмет в доме. Вышивка изображала Первую Высадку поселенцев-летери, хотя на самом деле – далеко не первую. Корабли стояли на рейде где-то у берегов Предела. Навстречу пришельцам выплыли лодчонки фентов. Они везли приветственные дары, но знакомство не удалось: всех фентских мужчин перебили, а женщин и детей увели в рабство. Так поступили с первым поселением, затем с тремя следующими. Жители еще четырех, что южнее, поспешно оставили свои дома.

В конце концов летери обогнули полуостров Садон на севере моря Изгнания и прошли мимо мыса Лент в залив Гедри. Как раз там, в устье реки Летер, и был основан город Гедри – точно на месте Первой Высадки. Доказательством тому и служила шпалера, которой насчитывалось без малого тысяча лет. Нынче, однако, царило убеждение, что высадка произошла там, где находится столица, то есть гораздо выше по реке. Поразительно, как прошлое перекраивают в угоду настоящему. Будущий король, без сомнения, сделает из этого выводы. Шайхи привыкли к неудачам, считая себя народом, обреченным на жалкое существование. Стражи Берега, не сумевшие защититься от прожорливого моря. Всё это надлежит... исправить.

У летери тоже бывали поражения. И немало. Их история в здешних краях полна крови, предательств, лжи, бессердечия и жестокости, зато превозносится как подвиг.

Верно, так и должно народу относиться к своей истории. И нам, шайхам, тоже. Слепительный маяк на темном берегу. Как только стану королем...

– Посмотри-ка сюда, – позвал Гальт. – Вот тут, по краю, надпись. Похоже на эрлинский.

– Похоже, но не он, – пробурчал Лоуб.

Перед ним на столе лежал разобранный кинжал: яблоко, пара заклепок со штифтами, деревянная рукоять в кожаной обмотке, крестовина с прорезью для клинка с хвостовиком. Солдат растерянно глядел на детали, как будто его сбили с мысли.

– Но тут буквы...

– У эрлинского и летерийского общий язык-предок, – пояснил Лоуб.

Гальт уставился на напарника с подозрением.

– А ты откуда это знаешь?

– Да ниоткуда, дубина. Просто услышал от кого-то.

– От кого?

– От Эброна, наверное. Или от Осколка. В общем, от кого-то умного – не важно... Худ побери, у меня от тебя голова разболелась. Как теперь его обратно собирать?

– Это что, мой кинжал?

– Сейчас – нет.

Он вдруг наклонил голову и сказал:

– Снизу на лестнице. Шаги.

В то же мгновение Гальт двинулся к двери, а руки Лоуба замелькали над столом. С невероятной быстротой он прикрутил яблоко на место и швырнул кинжал Гальту наперерез. Тот, не глядя, поймал, даже с шага не сбился.

Бруллиг вжался в кресло.

Масан Гилани поднялась, высвобождая из набедренных ножен жуткого вида длинные ножи.

– И почему я не со своим взводом, – сказала она и, сделав шаг к Бруллигу, добавила вполголоса: – Не двигайся.

Тот, судорожно сглотнув, кивнул.

– Эль несут, скорее всего, – предположил Лоуб, занимая позицию сбоку от двери.

Отомкнув замок, Гальт приоткрыл ее и выглянул.

- Похоже на то. Только шаги незнакомые.
- Что, не тот похотливый старикашка с сынком?
- Совсем нет.
- Понял.

Лоуб извлек из-под стола арбалет. Сразу видно, оружие из других краев: целиком железное или из металла наподобие летерийской стали. Тетива толщиной с мужской палец, наконец-ник заряженного болта в форме перекрестья – такой пробьет летерийский щит, словно тот из березовой коры. Солдат покрутил ручку, натягивая тетиву, и закрепил ее. Потом затаился в углу со стороны двери.

Пришельцы уже поднялись по лестнице. Гальт обернулся и о чем-то просигналил руками. Масан Гилани хмыкнула, послышался треск ткани, и Бруллиг ощутил между лопатками лезвие кинжала – оно прошло прямо сквозь спинку кресла.

– Веди себя как ни в чем не бывало, – велела Гилани, наклонившись. – Мы знаем, кто это, и догадываемся, зачем они здесь.

Гальт посмотрел на нее, кивнул и, распахнув дверь, вышел в коридор.

– Так-так, – протянул он по-летерийски с жутким акцентом, – это у нас капитан и ее первый помощник. Деньги кончаются так быстро? Зачем это вы приносят сюда эль?

– Чего-то он там сказал, капитан? – пророкотало из-за двери.

– Не важно, все равно неправильно.

Женщина. И голос... Бруллиг нахмурился. Он уже его слышал. Кончик кинжала впился глубже.

– Мы принесли эль для шайха Бруллига, – продолжала женщина.

– Хорошо очень, – ответил Гальт. – Вы оставляете, мы делаем, что он его получает.

– Мы с шайхом Бруллигом старые друзья. Я хочу с ним поговорить.

– Он занятый.

– Чем?

– Думает.

– Это Бруллиг-то? Что-то не верится. Да и ты еще кто такой, Странник тебя побори? Не летериец и не из местных заключенных, насколько можно судить по твоим приятелям, что рассаживают в таверне. Я поспрашивала: ты с того корабля, который бросил якорь в бухте.

– Это очень просто, капитан. Мы приходим, весь лед уходит. И Бруллиг – он нас платит. Гости. Королевский прием. Теперь мы вместе. Он всегда нас улыбается, добрый. Мы добрые тоже.

– Дураки, один другого добротнее, – прорычал мужской голос за дверью, принадлежавший, по всей видимости, старшему помощнику. – Уйди с дороги, дай бочонок поставить. У меня уже рука затекла.

Гальт оглянулся на Масан Гилани.

– Чего тебе? – спросила она по-малазански. – Мое дело маленькое – следить, чтобы у нашего приятеля все мысли были ниже пояса.

Бруллиг облизнул влажные губы. *Я это знаю, она это знает – так почему я все еще поддаюсь? Неужели я настолько туп?*

– Пропустите, – тихо сказал он. – Я их успокою, а потом выпровожу.

Гальт опять посмотрел на Масан Гилани. Та ничего не ответила, но они явно о чем-то договорились. Солдат пожал плечами и сделал шаг в сторону.

– Заносят эль.

Вошли двое: Скорген Кабан по прозвищу Красавчик и следом за ним... верно, она.

– Шурк Элаль, какая встреча. – Будущий король улыбнулся. – Не постарела ни на день. Скорген, опускай бочонок, а то вывихнешь плечо, и к твоим болячкам добавится еще кособокость. Вбей краник и налей всем по кружке. Кстати, – добавил он, когда пираты увидели

остальных военных (Скорген чуть не подскочил, заметив в углу Лоуба с арбалетом), – разрешите представить моих почетных гостей. Тот, что у двери, – Гальт, в углу – Лоуб, а красавицу у меня за спиной зовут Масан Гилани.

Шурк Элаль взяла стул, стоявший у двери, и поставила напротив кресла, в котором расположился Бруллиг. Села, закинула ногу на ногу и сцепила пальцы.

– Подлый обманщик и прижимистая сволочь, чтоб тебя. Будь ты один, я бы без промедления свернула твою жирную шею.

– Меня не удивляет твоя враждебность, – ответил Бруллиг, испытывая внезапную радость от того, что его стерегут малазанцы. – Однако твои обвинения ошибочны. Всё не так, как ты думаешь. Если бы ты дала мне возможность объяснить...

Шурк улыбнулась очаровательно и мрачно одновременно.

– Ты бы – и объяснил? Бруллиг, на тебя это не похоже.

– Люди меняются.

– Впервые слышу, чтобы это касалось мужчин.

Бруллиг хотел пожать плечами, но тогда острие кинжала распорол бы ему спину. Поэтому он лишь всплеснул ладонями.

– Давай просто забудем обо всем. Твоя «Бессмертная благодарность» здесь, в гавани, целая и невредимая. Товар разгружен, ты в немалом барыше. Уверен, тебе не терпится поскорее оставить наш славный остров за кормой.

– В этом ты прав, – подтвердила Шурк. – Но вот беда: нас, как бы сказать, не пускают. Выход из бухты перегородил какой-то гигантский корабль – я таких никогда не видела, – а у главной пристани пришвартовалась необычной формы боевая галера. Такое впечатление, что остров... – она мимолетно ухмыльнулась, – берут в блокаду.

Бруллиг вдруг перестал чувствовать кинжал. Масан Гилани, убирая оружие в ножны, отошла в сторону, затем заговорила, но на каком-то совершенно незнакомом языке.

Лоуб снова вскинул арбалет, навел его на шайха и ответил Гилани на том же наречии.

Скорген стоял на коленях у бочонка и вбивал в него краник.

– Во имя Странника, Бруллиг, что тут творится? – спросил он, поднимаясь.

– Ничего особенного, – ответили ему из дверей. – Твой капитан прав. Мы дождались.

У косяка, сложив руки на груди, стоял солдат по имени Горлорез.

– Отличная новость, а? – улыбаясь, обратился он к Масан Гилани. – Так что ты со своими прелестями и округлостями можешь отправляться на пристань. Уверен, Урб и прочие смертельно по ним истосковались.

Шурк Элаль осталась сидеть и, громко вздохнув, произнесла:

– Что ж, Красавчик, похоже, мы тут задержимся на какое-то время. Будь добр, разыщи кружки и налей всем эля.

– Мы теперь пленники?

– Нет, что ты, – ответила капитан. – Гости.

Масан Гилани, преувеличенно виляя отменными бедрами, освободила покой.

Бруллиг еле слышно застонал.

– Как я и говорила, – сказала Шурк вполголоса, – мужчины не меняются. – Гальт тем временем пододвинул еще один стул. – А ты здесь, я так понимаю, чтобы не дать мне придумать этого богомерзкого червяка?

– Увы. – Солдат мимолетно улыбнулся. – По крайней мере, пока.

– Так что за «друзья» там в гавани?

– Скажу по секрету, капитан, – Гальт подмигнул, – мы тут по делу, а этот остров – прекрасное место для штаба.

– Твой летерийский стал заметно лучше, я погляжу.

– Вы благотворно на меня влияете, капитан.

Горлорез всё еще стоял в дверях.

– Не распинаясь, – сказал он. – Глаза тебя обманывают. Смерд говорит, она уже давно по ту сторону Худовых врат.

Кровь отхлынула от лица Гальта.

– Не понимаю, о чем он, – проговорила Шурк Элаль, обращая на солдата полный страсти взор. – Моих аппетитов это нисколько не умерило.

– Фу... как мерзко.

– И ты поэтому так напрягся, да?

Гальт поспешно утер пот со лба.

– А я еще на Гилани жаловался, – проворчал он.

Бруллиг заерзал в кресле. Одно к одному. Как у этих треклятых малазанцев всё ладится! *Свободы страшно не хватает.*

– Эй, Красавчик, нельзя ли поживее с бочонком?

Один, оторванный от дома, среди своры недовольных солдат – худшего кошмара для командира не придумаешь. *А когда ты посреди океана и гонишь всех вперед незнамо куда, добром это не кончится.*

Какое-то время армия держалась на злости. А потом, будто личинки оводов под кожей, зашевелилось осознание: родина желает своим воинам смерти. Близких – мать с отцом, жену или мужа – больше не увидеть. Сына или дочку не понянчить, гадая, от кого из соседей им достались глаза. Ни с кем не помириться, ни перед кем не загладить вину. Все, кого ты знаешь и любишь, всё равно что мертвы.

Это даже хуже, чем лишить армию добычи и жалованья. Так и до бунта недолго.

Мы служили империи. Взамен наших родных освобождали от налогов, они жили на наше жалованье, компенсации и пенсии. Многие из нас еще молоды, им не поздно уволиться и начать новую жизнь: без воплей, мечей и головорезов, жаждущих разрубить тебя пополам. Другим же всё равно, они просто страшно устали.

Так почему мы до сих пор не разбежались?

Видно, корабли не плавают в одиночку.

Впрочем, Кулак Блистиг знал, что дело не только в этом. Запекшаяся кровь скрепляет надежнее клея. Прибавьте к тому ожоги от предательства, боль ярости. И командующего, который ради спасения армии пожертвовал своей любовью.

Блистиг денно и ночью стоял на палубе «Пенного волка», буквально в пяти шагах от адъюнкта, пока та всматривалась в суровые волны. Она ничем не выказывала, что у нее на душе, но есть чувства, которые человеку скрыть не под силу: например, горе. Глядя на напряженную спину адъюнкта, Блистиг задавался вопросом: сдюжит или нет?

И тогда кто-то – скорее всего, Кенеб, который понимал Тавор лучше кого бы то ни было, а порой и лучше ее самой, – принял судьбоносное решение. В Малазе адъюнкт потеряла помощницу. Причем не просто помощницу, а возлюбленную. Возлюбленную, конечно, заменить нечем, но личный помощник командующему положен по уставу. Точнее, помощница, поскольку это непременно должна быть женщина.

Блистиг помнил ту ночь: потрепанный флот, зажатый между изморскими Престолами войны, в трех днях пути к востоку от Картула, начинал плавный разворот на север, чтобы обойти бурные и опасные проливы между островом Малаз и корельским побережьем. Скланки отбили одиннадцать, и адъюнкт в полном одиночестве стояла на баке, прямо за фок-мачтой. Ветер трепал дождевик, придавая адъюнкту сходство с раненой вороной. За левым плечом Тавор кто-то возник. *Это место личного помощника командующего, место Ян'тарь.*

Тавор испуганно оглянулась и что-то сказала – слишком тихо, Блистиг не расслышал. Новая помощница отдала честь.

Адъюнкт одинока. Эта женщина тоже, и горе ее не менее глубоко, чем у Тавор, вот только в ней есть стержень – злора, закаленная, как арэнская сталь. А еще – нетерпение, что сейчас весьма к месту.

Твоя задумка, Кенеб?

Конечно, Лостара Йил – в прошлом капитан Красных клинков, теперь такой же изгой, как и все, – едва ли захотела бы лечь в постель с женщиной. Да и вообще с кем-либо. Внешностью она, впрочем, не отталкивала, найдись среди окружающих ценители битого стекла. И пардийских татуировок. С другой стороны, адъюнкт тоже не стремилась к близости. Не та женщина. Слишком свежа утрата.

Со всего флота приходили донесения: офицеры сообщали, что среди солдат назревает бунт. Исключение, как ни странно, составляли морпехи; их, казалось, заботила только ближайшая кормежка да партия в «корытца». А донесения продолжали поступать, становясь всё тревожнее, однако адъюнкт не могла – либо не желала – обращать на них внимание.

Душевные раны убивают так же верно, как раны плоти, а залечить их нельзя.

Так вот, Лостара Йил впиалась в отрешенную Тавор как клещ. Личная помощница? Значит, будет помогать. Раз командующий не в состоянии отдавать приказы, руководство почти восьмидесяти тысяч подавленным войском возьмет на себя Лостара. Первым делом – жалованье. Флот идет на Клепт, крошечное королевство, истерзанное вторжениями малазанцев и гражданской войной. Нужно закупить припасы, но еще нужнее дать солдатам отпуск, причем не просто заплатив, но и посулив прибавку. В противном случае армия растворится при первом же заходе в порт.

Обеспечить всех армейская казна не могла.

Тогда Лостара выследила Банашара, бывшего жреца богини Д`рек, – выследила и взяла за горло. После этого деньги в армии не переводились.

Почему именно Банашар? Откуда у Лостары такие сведения?

От Свища – от кого же еще? Вон он, заморыш, лазит по канатам с этими странными родичами бхок`аралов. Совсем оттуда не спускается, даже в самую непогоду. Как же он прознал про потайную мощь Банашара, да еще Лостаре рассказал?

Так или иначе, Четырнадцатая армия вдруг разбогатела. Раздать всё и сразу – безумство, и Лостара это понимала. Достаточно, чтобы кто-то увидел деньги и пустил слух, а дальше пускай он сам разбегается по кораблям, как стая хорьков.

Солдат, впрочем, хлебом не корми, дай пожаловаться. Новый повод нашелся весьма скоро, и на сей раз помощница адъюнкта не знала, как ответить.

Во имя Худа, куда мы направляемся?

Мы всё еще армия? Если да, то за кого воюем? Оказалось, что никто не горел желанием становиться наемником.

Поговаривали, что как-то ночью Лостара Йил повздорила с адъюнктом. Из каюты Тавор доносились крики, ругань и даже, кажется, плач. А может, всё было не так. Может, Лостара брала командующего измором, как черви на службе у Д`рек, которые вгрызаются в корни земли и проедают себе дорогу. Так или иначе, адъюнкт словно... очнулась. А ведь всего несколько дней промедления, и Четырнадцатая распалась бы на части.

По армии прошел приказ: Кулакам и офицерам в звании капитана и старше собраться на «Пенном волке». Ко всеобщему изумлению, на палубу вышла сама Тавор Паран и выступила с речью. Специально вызванные чародеи Синн и Банашар сделали так, чтобы ее слова слышал каждый, до самого последнего матроса на мачтах и дозорного в «вороньих гнездах».

Худова, чтоб ее, речь.

И от кого – от Тавор. Молчаливее шенка у Тогговых сосцов, а ведь заговорила! Недолго, просто. Без изысков и красот. Каждое слово подобрано из пыли и нанизано одно за другим на

жеванный шнурок. Их даже не пытались оттереть, чтобы придать лоск. Да и не было среди них самоцветов: ни жемчужин, ни опалов, ни сапфиров.

Необработанные гранаты – в лучшем случае.

В лучшем случае.

На поясных ножнах Тавор висела фаланга пальца, пожелтевшая и обугленная. Адьюнкт молчала, лицо у нее было усталое и постаревшее, а глаза – тусклые, как осколки сланца. Потом она заговорила – тихо, блекло и странно монотонно.

Однако ее слова глубоко врезались в память Блистигу.

– До нас были армии. Их преследовали названия, напоминая о встречах, о битвах, о предательствах. Всё это – тайный язык, который другим ни за что не понять и не постичь. Для Дассема Ультора, Первого Меча Империи, это Унтские равнины, Грисские холмы, И'гхатан и Ли-Хэн. Для «Мостожогов» – пустыня Рараку, Чернопесий и Моттский леса, Крепь, Черный Коралл. Для Седьмой армии Колтейна – Гэлорова гряда, Ватарский брод и день Чистой крови, Санамон и Падение.

Для кого-то из вас эти названия тоже что-то значат – там пали ваши товарищи, там развеян их прах. Они – треснувшие сосуды, в которых закупорена ваша скорбь и ваша гордость. И стоит вам где-то надолго задержаться, земля под ногами превращается в бездонную трясиину.

Тавор опустила глаза – мгновение, еще – и снова взгляделась в мрачные лица выстроившихся перед ней солдат.

– Теперь такой язык есть и у нас, «Охотники за костями». Он зародился в Арэне, омытый в реке старой крови. Крови Колтейна. Не мне вам рассказывать. Вам это известно. У нас была и своя Рараку, и свой И'гхатан. Теперь есть и Малаз.

В ходе гражданской войны в Клепте побежденные армии было принято уничтожать. Не умерщвлять, нет, – каждому пленнику отрубали указательный палец на руке, которой он держит оружие. А потом искалеченных воинов отправляли восвояси. Двенадцать тысяч мужчин и женщин, чей удел отныне – сидеть дома, на шее у родных, и переваривать горечь поражения. Я позабыла про эту историю... пока мне не напомнили.

«Да, – подумал тогда Блистиг, – и я даже знаю кто. Боги, да все знают».

– Мы тоже искалечены. Искалечены сердцем. Вам это известно.

Именно поэтому мы носим на поясе кусок кости – в память об отрубленных пальцах. И да, от горечи нам тоже не уйти.

Тавор замолчала, погруженная в думы. Тишина грозила разорвать череп изнутри.

– Отныне «охотника за костями» сможет понять только другой такой же «охотник», – продолжала адьюнкт. – Мы с вами плывем за очередным названием. Может статься, на этом наша летопись завершится. Сама я в это не верю, но будущее укрыто завесой туч, непроницаемой и непроглядной.

Остров Сепик находился под защитой Малазанской империи. Всех его жителей – мужчин, женщин и детей – перебили, зверски вырезали. Нам известно лицо врага. Мы видели черные корабли. Видели смертоносное колдовство.

Мы с вами – малазанцы. И останемся ими, как бы ни повелела императрица. Стоит ли ради этого идти на войну?

Нет, не стоит. Сострадание не повод, как и жажда мести. Но пока что ничего иного у нас нет. Мы с вами – «охотники за костями» и плывем на другой край света за очередным названием. Не Арэн, не Рараку, не И'гхатан, а оно станет для нас первым. Только нашим и больше ничьим. Ради этого стоит пойти на войну.

И это не всё. Однако я скажу вам лишь: *«То, что ожидает вас в сумерках гниющего мира, пройдет... без свидетелей».* Так говорила Ян'тарь.

И снова долгое, тяжелое молчание.

– Жестокие слова, даже обидные, коль скоро мы позволим себе подобное малодушие. А как ваш командир, я добавлю: *мы сами себе свидетели, и этого хватит. Должно хватить. Ничего другого нам и не надо.*

Даже теперь, больше года спустя, Блистиг терялся в догадках, об этом говорила Тавор или нет. Да что там, он затруднялся даже сказать, о чем именно она говорила. О чем и зачем. *Есть свидетели, нет свидетелей – какая кому разница?* Впрочем, ответ на этот вопрос был ему известен, хоть он и не смог бы внятно его выразить. Что-то в глубине души забурлило, словно под мутными водами сознания скрывались рифы, которые создавали течения, даже будучи невидимыми.

Боги, да есть ли в этом хоть какой-то смысл? У меня даже слов нет.

А вот она нашла, чтоб мне пусто было. Нужные слова. В нужную минуту.

«Без свидетелей». От этих слов веяло несправедливостью, против которой протестовало всё его существо. *Молчаливый протест. Как и у всех других «охотников». Наверное. Нет, так и есть: я вижу по глазам. Вижу, как всем противна эта несправедливость. Наши поступки должен увидеть хоть кто-то. Хоть кто-то должен дать им оценку.*

Худ тебя дери, Тавор, до каких глубин тебе удалось достучаться? С чего ты взяла, что мы сдюжим?

И никто ведь не дезертировал – непостижимо. Разум Блистига отказывался это принять. Странная ночь, странная речь.

По сути, она сказала, что нам не суждено увидеть родных и близких. Да, именно так. Или нет?

Что же тогда нам остается?

Видимо, держаться друг друга.

«Мы сами себе свидетели».

Но хватит ли этого?

Наверное. До сих пор хватало.

И вот мы здесь. На чужой земле. Флот объят пламенем. Боги, что на нее нашло? Не уцелело ни единого судна. Все сгорели и ушли на дно у этих проклятых берегов. Пути назад... нет.

Ну что, «Охотники за костями», добро пожаловать в Летерийскую империю.

Вот только радоваться тут, увы, нечему.

Они прошли через предательские льды, зазубренной грядой заполонившие море и напившие на Предел Фентов, круша все на своем пути. Не осталось даже развалин, которых далекие потомки могли бы изучать, равно как и всякого намека на то, что среди этих скал когда-то жили люди. Лед не оставил ничего. Тем он и отличался от песка, который только заметал следы. Таков замысел яггутов: стереть все лишнее, оставив лишь голые камни.

Лостар поплотнее запахнулась в плащ с меховой оторочкой и последовала за адъютантом на бак «Пенного волка». Корабль входил в узкую бухту, где стояли на якоре с полдюжины судов, в их числе и «Силанда». Головы гребцов-тисте анди укрыли плотной парусиной. Помнится, забрать костяной свисток у Геслера было непросто, а пользоваться им согласился только один солдат из двух взводов, которым доверили корабль с мертвецами, – тот капрал, Смард. Синн к свистку даже прикасаться не стала.

Перед тем как разделить флот, солдат оперативно раскидали по разным ротам, а взводы перетасовали. Грядущая война требовала определенной подготовки, но, как и ожидалось, перемены мало кого воодушевили. *До чего ж они упёртые в своих привязанностях...*

Хоть бы нам удалось отстранить Блистига от полноценного командования, не то совсем сдал, хуже старого больного пса.

Ожидая, пока Тавор заговорит, Лостар оглянулась и посмотрела на Престол войны, перегородивший выход из гавани. Единственный изморский корабль в этих водах. Оставалось надеяться, что его хватит.

– Где сейчас взвод сержанта Шнура? – спросила адъютант.

– На северной оконечности острова. Пока Синн сдерживает лед...

– Как она это делает? – в который раз допытывалась Тавор.

– Не могу знать, адъютант, – в который раз ответила Лостара и, помолчав, добавила: – Как полагает Эброн, эти льды умирают. Ритуал яггутов исчерпал свою силу. Судя по здешним скалам, уровень воды еще никогда не поднимался так высоко.

Адъютант ничего не сказала. Если не видеть ее бледное, как будто обескровленное лицо, такое впечатление, что ни холод, ни пронизывающий ветер ей нипочем. Волосы, подстриженные короче некуда, лишили ее последнего намека на женственность.

– Свищ утверждает, что мир уходит под воду, – заметила Лостара.

Тавор слегка повернула голову и посмотрела на темную завесу в вышине.

– А, Свищ... Та еще загадка.

– Он, похоже, умеет общаться с нахтами. Удивительный талант, надо сказать.

– «Общаться»? Да он как будто стал одним из них!

Лавируя между судами, «Пенный волк» приближался к каменному причалу. На нем стояли двое: судя по всему, сержант Бальзам и капрал Смрад.

– Спускайтесь, капитан, – приказала Тавор, – и сообщите всем, что мы сходим на берег.

– Слушаюсь.

«*Твое дело солдатское*, – напомнила себе Лостара Йил. Эта мысль исподволь преследовала ее, всплывая по сто раз на дню. – *Все остальное не в счет*».

Небо на востоке только-только зарозовело. Отряд летерийских всадников проскакал по узкой прибрежной тропе, по левую руку – старая песчаная насыпь, по правую – непролазная чаща. Дождь закончился, оставив после себя липкий туман, которым ночь из последних сил цеплялась за день и в котором утонул стук копыт. Стоило последнему всаднику скрыться, так он и вовсе стих.

Вода в лужицах, мутная от грязи, перестала дрожать. Клубы тумана ускользнули за деревья.

За скачущим отрядом с высокого засохшего дерева наблюдала сова. Люди давно уже проехали, а она не улетала, сидела неподвижно, уставившись огромными немигающими глазами на кустарник вперемешку с колючками, буйно разросшийся среди чахлых тополей. Птица беспокоилась. Хищнический инстинкт подсказывал ей: тут что-то не так.

Вдруг подлесок подернулся рябью, будто под мощной бурей – хотя не было ни ветерка, – и на его месте из ниоткуда возникли люди.

Сова решила подождать еще. Несмотря на голод, ее мозг испытал странное удовлетворение и тут же – пустоту, словно что-то... покинуло его.

Флакон перекатился на спину.

– Всадники, три с лишним десятка. Броня легкая, вооружены пиками. Стремена необычные. Худов дух, голова прямо раскалывается. Терпеть не могу Моккру...

– Хватит скулить, – отрезал Скрипач.

Он ждал, пока подойдет остальной взвод, за исключением разлегшегося на земле мага. В нескольких шагах своих собирал Геслер.

– Они точно ничего не почуяли?

– Головные разведчики едва по нам не проехали. Было что-то... в одном из них особенно. Как будто он... как будто его, не знаю, натаскали. Либо так, либо дело в этом хреновом побережье, где нам не рады...

– Мне нужно только «да» или «нет», – снова перебил его Скрипач.

– Нужно было подстеречь их и перерезать, – проворчал Корик, проверил, надежно ли привязаны талисманы, а затем принялся за ремни на своем необъятном рюкзаке.

Скрипач мотнул головой.

– Никакой резни. Терпеть не могу драться в сырых сапогах.

– Какого ж рожна вас занесло в морпехи, сержант?

– Так совпало. Кроме того, с летерийцами нам приказано пока не пересекаться.

– Хочу есть, – сказал вдруг Флакон. – То есть нет. Это мысли совы. Проехали. Короче, вы не поверите, каково смотреть ночью глазами совы. Светло, как ясным днем в пустыне.

– Пустыня, – отозвался Битум. – Скучаю по пустыне.

– Достань тебя кто-нибудь из выгребной ямы, ты и по ней бы скучал, – гоготнула Улыбка. – Кстати, сержант, а вот Корик держал всадников на прицеле.

– Я тебе что, старший брат? – взревел Корик и, передразнивая Улыбку, пожаловался: – Сержант, а вот он пописал и не встряхнул хозяйство! Я видела, видела!

Улыбка засмеялась.

– Видела? Да для этого мне бы пришлось подойти вплотную! Не дожدهшься, полукровка.

– А девка растет, – оценил Спрут.

Корик лишь пропыхтел что-то неразборчивое.

– Так, умолкли, – приказал Скрипач. – Мы не знаем, кто еще скрывается в этой чаще или пользуется этой дорогой.

– Нет тут никого, – выговорил Флакон, медленно привстал и схватился за голову. – Ух, спрятать четырнадцать пыхтящих и пердящих солдат – та еще задачка. Что же будет, когда мы окажемся рядом с поселениями.

– Поверь, заткнуть одного вечно ноющего мага куда труднее, – сказал Скрипач. – Ладно, всем проверить снаряжение, и выдвигаемся. Как заберемся поглубже в лес, встанем на дневку.

На пути к этим берегам «охотники за костями» целый месяц приучали себя спать днем, а бодрствовать ночью. Выяснилось, что это ох как непросто. Впрочем, теперь уже перестроились почти все.

Хотя бы загар сошел. Если не считать золотокожего сержанта с его щетинистым капралом.

Скрипач присел рядом с Геслером.

– Твои готовы?

Геслер кивнул.

– Пехотинцы жалуются. Говорят, доспехи могут заржаветь.

– Главное, чтобы не сильно скрипели.

Скрипач взглянул на продрогших солдат Геслера, потом на своих.

– Тоже мне, войско, – пробормотал он.

– Тоже мне, вторжение, – поддакнул Геслер. – Не знаешь, подобное кому-нибудь прежде в голову приходило?

Скрипач пожал плечами.

– Если вдуматься, в плане есть резон. Станный, но все же. Разведчики в один голос доносят, что силы эдур сильно растянуты. Зато всяких угнетенных не счесть – взять хоть тех же летерийцев.

– Знаешь, те всадники не очень-то походили на угнетенных.

– Нет смысла спорить, сами в конце концов все увидим. Ладно, поднимай своих, продолжим вторжение.

– Секунду. – Геслер положил покрытую шрамами ладонь Скрипачу на плечо. – Скрип, она сожгла все корабли к Худовой матери.

Сержант поморщился.

– Заставляет задуматься, не так ли?

– О чем? Хочешь сказать, что здешние дозорные заметили пламя? Или что отступить нам теперь некуда?

– Худов дух, полегче, я за тобой не поспеваю! Что до первой мысли, то на месте этой треклятой империи я бы еще до заката выслал все войска к побережью. Неважно, насколько наши взводные маги успели поднатореть в Моккре, в конце концов мы облажаемся. Рано или поздно.

– До или после того, как начнем проливать кровь?

– Скажи еще, когда начнем убивать тисте эдур, Худ их дери. Я так далеко не загадываю.

– Если на нас кто-то наткнется, наша задача хорошенько их вымотать, а затем удрать.

– Ага, и при этом умудриться выжить. Лучше некуда. А если летерийцы нам не обрадуются?

– Придется воровать. В остальном план не меняется.

– Нужно было высадиться всем скопом, а не посылать одних морпехов. И что бы делали эдур, увидев перед собой стену щитов?

Скрипач потер загривок. Вздыхнул.

– Геслер, ты прекрасно знаешь, что они могут сделать. Только в этот раз Быстрый Бен и его пляски в воздухе не спасут. Нас ждет ночная война. Засады. Вылазки. Ударили и скрылись.

– Без путей к отступлению.

– Именно. Потому и спрашиваю: зачем сжигать корабли? Чтобы показать им, что мы здесь, или показать нам, что бежать некуда? Или за тем и за другим.

– «Мы сами себе свидетели», – проворчал Геслер, повторяя слова адъютанта. – Всё, уже пора?

Скрипач, пожав плечами, привстал.

– Похоже на то. Ладно, двигаем, а то уже громче птиц шумим.

Солдаты углублялись в прелый, гниющий лес, а сержанта не покидал последний вопрос Геслера. *Всё так, адъютант? Уже пора?* Всего два взвода против целой империи. Помощи и поддержки ждать неоткуда, а жизни солдат зависят от одного-единственного взводного мага. *А если Флакона убьют в первой же стычке? Тогда всё, конец. Надо приставить к нему Корабба и молиться, чтобы удача продолжала вести старого мятежника.*

Что ж, они хотя бы снова при деле. И под ногами твердая почва. Сойдя на берег, они шатались как пьяные – при иных обстоятельствах это было бы даже смешно. *Вот только, попадись мы в таком виде какому-нибудь патрулю, было бы не до смеха.* Хвала Худу, сейчас все твердо стоят на ногах. Ну, насколько возможно, когда продираешься через заросли, ямы, укрытые мхом и спутанные корни. *М-да, как будто я снова в Чернопесьем лесу... Нет, Скрип, гони прочь эти мысли. Смотри вперед. Смотри только вперед.*

Над головой, между переплетенными, будто по воле безумной ведьмы, ветвями, проступало светлеющее небо.

– Еще хоть одна жалоба, и я отсеку себе левую сиську.

Солдаты во все глаза уставились на нее. Отлично, значит, угроза, как всегда, сработала.

– Повезло, что рядом была вода и вы протухли, – сказал Таз.

Сержант Хеллиан сурово взглянула на верзилу. *Это кто тут протух? Я?*

– Пехотинцы – кретины. Вот так-то.

Прищурившись, она попыталась сосчитать, сколько бочонков с ромом ей удалось спасти из трюма, пока пламя не поглотило его. Шесть. Или нет, десять... Девять. Она обвела рукой двоящуюся добычу:

– Расчехляйте рюкзаки, и каждый берет по бочонку.

– Сержант, а нам разве не следует встретиться с Урбом и его взводом? Они должны быть где-то рядом, – сказал капрал Нежняк Дыхалка, потом добавил другим голосом: – Согласен. Таз, припомни, как ты на нас вышел.

– Да не помню я. Темно было.

– погоди-ка. – Палубу – тьфу ты, землю – под ногами вдруг качнуло, и Хеллиан шатнулась в сторону. – Ты ж не из моего взвода, Таз. А ну проваливай.

– С радостью, – ответил пехотинец, глядя в окружающую их гряду деревьев. – И вот еще: выпивку тащить я не собираюсь. Сержант, да на вас живого места от ожогов нет.

Хеллиан выровнялась.

– Разговорчики! Это жизненно важный груз, и точка... Но должна предостеречь. То пожарище по-любому кто-то видел. Надеюсь, что недоумок, который его устроил, сам превратился в кучку пепла. Очень надеюсь. В общем, пламя наверняка увидели.

– Сержант, сгорели вообще все корабли, – подал голос другой солдат: бородатый, широкогрудый, крижистый, как дуб, и наверняка такой же тупой. Как же его?..

– А ты еще кто?

Тот удивленно заморгал.

– Бальгрид.

– То есть, Бульк, хочешь сказать, какой-то недоумок нарочно запалил каждый корабль? Так, что ль? Ага, рассказывай.

– Кто-то идет, – шепотом оповестил всех взводный сапер.

Имя у него еще такое... глупое. Вечно из головы вылетает. Наверное? Нет. Порой? Возможно? А, *Может. Саперы зовут Может. Его приятеля – Мазок. А этого, высоченного, – Тавос Понд. Как он жив-то до сих пор с таким ростом? Просто чудо, что ему еще стрелу промеж глаз не засадили.*

– Лук есть у кого? – спросила Хеллиан.

В кустах зашуршало, и на темную поляну вышли двое.

Сержант взглядела в первого, чувствуя, как внутри все закипает от гнева. Она задумчиво почесала подбородок, пытаясь вспомнить, чем же ей не угодил этот печального вида воин. Гнев растаял без следа, сменившись глубокой симпатией.

Таз вышел вперед.

– Сержант Урб, хвала Худу, вы нас нашли.

– Урб? – спросила Хеллиан, нетвердой походкой подошла ближе и взглядела в широкое лицо. – Так это ты, что ль?

– Я смотрю, ты добралась до рома?

– Она погубит себе печень, – заметил у нее из-за спины Мазок.

– Печень у меня будь здоров, солдат. Надо только отжать слегка.

– То есть отжать?

Хеллиан вперилась во взводного целителя.

– Резчик, по-твоему, я печени не видела? Обычная губка, сочащаяся кровью. Вываливается, стоит кого-нибудь раскроить.

– Это скорее легкое, сержант. Печень – она сплюснутая такая, грязно-коричневого или лилового...

– Неважно, – отмахнулась Хеллиан и снова обратилась к Урбу: – Одна сдохнет, вторая останется. Выживу. Вот, – шумно выдохнула она, Урб аж отшатнулся. – Друзья, я в самом лучшем – пре-от-лич-ней-шем – расположении духа. И раз все собрались, тогда вперед, выпол-

нять поставленную задачу – ведь какая-то задача у нас есть? – Она улыбнулась капралу. – Что скажешь, Нежняк Дыхалка?

- Полностью поддерживаю, сержант.
- Отличный план, сержант.
- Зачем ты постоянно так делаешь, капрал?
- Как?
- Как?
- Здесь, кроме Булька, все хорошо слышат...
- Я теперь тоже нормально слышу, сержант.
- Да? Тогда кто у нас туг на ухо?
- Никто, сержант.

– И незачем так орать. Бульк все слышит, а если не слышит, то стоило его бросить на корабле вместе с тем, длинным, у него еще стрела из головы торчит, – всё одно толку от них никакого. Слушай меня: нам нужны серокожие душегубцы, которые прячутся в этих деревьях. Ну, то есть за ними. В дереве сидеть небось неудобно. В общем, идем за деревья и ищем. Но сперва каждый берет по бочонку, и можно выступать.

Ну, чего zenки вылупили? Я тут командую, а еще у меня целый новый меч – таким откромсать вот эти сиськи раз плюнуть. Так что пошевеливаемся, враг не дремлет. Вон там, за деревьями.

Вид у Гнойника был вороватый, как у хорька, забравшегося в курятник. Он утер нос рукой, сощурился и сказал:

- Переключка закончена, командир. Все в сборе.
- Кенеб кивнул. За спиной у него кто-то с шумом скатился по склону.
- Тихо там!.. Так, Гнойник, теперь разыщи капитана и отправь ко мне.
- Слушаюсь.

Солдаты чувствовали себя уязвимыми. Оно и неудивительно. Одно дело, когда один-два взвода уходят в дозор, а за ними следует армия: есть куда отступить. Сейчас же, случись что, оставалось только разбегаться. А командовать-то этим затычным и беспорядочным предприятием Кенебу. Как тут не тревожиться? В его подчинении ударный батальон из шести взводов – спрятать такую ораву почти невозможно. Да и магов ему оставили самых посредственных: просто потому, что батальон двигался в арьергарде с четким приказом не вступать ни в какие столкновения. Остатки легиона – множество небольших подразделений по десятку солдат в каждом – рассеяны по всему побережью на тридцать лиг и готовы начать скрытое вторжение, которое может затянуться на месяцы.

После отхода из Малаза в структуре Четырнадцатой армии произошли существенные изменения. Основным средством связи должна была стать магия, для чего всех колдунов, шаманов, заклинателей и чародеев собрали в единый реестр. У морпехов, среди которых теперь было поровну пехотинцев и саперов, взводных магов обязали овладеть кое-какими ритуалами Моккры, чтобы те умели накладывать маскировку, поглощать звуки, путать запахи.

Все это наводило только на одну мысль. *Она знала. С самого начала знала, куда мы направляемся. И готовилась.* Как всегда, ни слова офицерам. Адьюнкт совещалась только с мекросским оружейником да тисте анди с Плавучего Авали. *Что они вообще могут знать об этих землях? Никто из них тут даже ни разу не бывал.*

Кенебу хотелось верить, что они наткнулись на два корабля эдур, отбившихся от остального флота в ходе шторма, по чистой случайности. Потрепаны они были так, что еле плыли, дальше дело за морпехами. Но потрудиться пришлось изрядно: понимая, что терять нечего, тисте эдур дрались до последнего, даром что валились с ног от голода и жажды. В плен взяли только офицеров – остальных солдат пришлось убивать.

Пытки тоже были кровавыми. Из пленников вытянули немало, но наиболее ценными для этой странной кампании все же оказались сведения из судовых журналов и карт. *Да уж, «странной». Еще мягко сказано. Конечно, тисте эдур насылали эскадры на нашу империю – пока она еще была нашей – и вырезали на корню целые народы, которые мы якобы защищаем. Но это все заботы Ласиин, разве не так?*

Адьюнкт, кстати, от своей должности так и не отказалась. Не странно ли, учитывая, что Императрица сделала все, чтобы избавиться от своей правой руки? Да и что вообще произошло той ночью в Паяцевом замке? Из всех, кто мог хоть что-то рассказать, выжили только Тавор и сама Ласиин. Ян'тарь погибла. Калам Мехар – тоже. *Боги, от этой утраты мы еще долго не оправимся.* Кенеб никак не мог отделаться от подозрений: а не спланировала ли Императрица всю эту заварушку в Малазе заранее, на пару со своим драгоценным адьюнктом? Но каждый раз память подсовывала одни и те же доводы в опровержение. *Она бы ни за что не согласилась на смерть Ян'тарь. Худов дух, да Тавор сама чуть не погибла там, на пристани. А Калам?* Да что уж там, даже Тавор Паран не настолько жестока, чтобы в угоду лжи оставить виканцев умирать. Или же нет?

Однако Ласиин подобное уже проворачивала. Взять хоть Дюджека Однорукого с его Войском. В тот раз целью было полностью уничтожить «Мостожогов» – по крайней мере, так казалось. Что же мешает... повторить?

А если бы мы взяли и вошли в город? Если бы перебили всех, кому хватило глупости встать у нас на пути? Что случилось бы, пойдя мы за Тавор на Паяцев замок?

Гражданская война – вот что. Других вариантов нет, сколько Кенеб ни ломал над этим голову последние месяцы.

Нехорошие мысли и предчувствия глодали не только его. Блистиг потерял веру во что бы то ни было, и прежде всего в себя. В его глазах будто залегла тень будущего, которую видел только он. Умом он все давно для себя решил, и только тело отказывалось подчиниться, отчего Блистиг напоминал бродячего мертвеца. «Охотников» покинули и Красные клинки во главе с Тином Баральтом, хоть это, впрочем, не так печально. *Да уж, если вдуматься, от близкого окружения Тавор никого-то и не осталось. Вырезали всех. Хвала Худу, я никогда не входил в число приближенных... Потому и торчу здесь, посреди леса, по колено в замшелом болоте.*

– Все собрались и ждут, Кулак.

Кенеб дернул головой: перед ним стоял капитан. *И давно она здесь?* Прищурившись, он посмотрел на сереющее небо. *Проклятье.*

– Отлично. План такой: двигаться в глубь континента, пока не выйдем из болот.

– Хорошо.

– Ах да, капитан, вы нашли себе подходящего мага?

Глаза Фарадан Сорт на мгновение сузились, она вздохнула. В белесом свете лицо ее казалось еще более угловатым.

– Думаю, да, Кулак. Я возьму Клюва. Из взвода сержанта Ворчуна.

– Клюва? Вы уверены?

Капитан пожала плечами.

– Невелика потеря, его все равно не любят.

– Никто вас, капитан, на верную смерть не посылает. – Кенеб говорил тихо и слегка раздраженно. – Я вообще не уверен, что эта затея с магической связью сработает. Стоит паре взводов потерять магов, все рассыпется, и вы останетесь единственным связующим звеном между нашими частями...

– Если сумеем раздобыть лошадей, – уточнила она.

– Именно.

Фарадан Сорт долго смотрела на него молча, затем сказала:

– У Клюва есть навыки следопыта, Кулак. В определенном роде. Он говорит, что чувствует магию. Думаю, это поможет нам отыскивать своих.

– Отлично. Тогда пора выдвигаться, капитан.

– Так точно, Кулак.

Вскоре небольшой батальон под командованием Кенеба начал пробираться через зловонную черную трясину. Припекало солнце. Тучами роились голодные насекомые. Разговаривали мало.

Сомневаюсь, чтобы эта затея была кому-то по душе. Отыскать местных угнетателей тисте эдур и перебить. Освободить летерийцев, поднять восстание. Одним словом, разжечь гражданскую войну. А ведь мы бежали из Малазанской империи как раз затем, чтобы подобного не допустить.

То есть мы несем чуждому народу то, чего не пожелали бы самим себе. Подозрительно как-то.

Отмыться после такого будет потруднее, чем от болотной грязи. Нет, адъютант, нам такое не по нраву. Совсем не по нраву.

Клюв ничего в этом не соображал. И раз уж на то пошло, если бы кто-то сказал, что он вообще ни в чем не соображает (ну, может, разве что в колдовстве), он бы даже не спорил. Одно, впрочем, он знал точно: его никто не любит.

Висеть рядом с ножнами на поясе у этой жутковатой женщины ничего хорошего не сулило. Лицом она напоминала Клюву мать, и одного только этого должно было хватить, чтобы пресечь на корню всякое желание. Должно было – но не хватало. Отвратительно, если задуматься, но он не задумывался. Почти. Впрочем, в отличие от матери, капитан не гнобила Клюва по поводу и без, чем, безусловно, располагала к себе.

Разговор с новыми знакомыми он начинал обычно так: «Я дурачок, сын очень богатых и благородных родителей». Затем он говорил: «Я пошел в армию, чтобы быть среди равных». Дальше разговор почему-то не клеился, и Клюва это расстраивало.

Он бы с радостью водил дружбу с другими взводными магами, но и в беседах с ними не мог вполне передать свою глубокую любовь к магии.

– Тайна, – говорил он, постоянно кивая. – Тайна ведь, да? И поэзия. Вот что такое колдовство. «Тайна и поэзия» – так, по крайней мере, мама говорила моему брату, заходя к нему в постель по ночам, когда отец был в отлучке. – «Жизнь наша, мой милый, – это тайна и поэзия». Я притворялся, что сплю, потому что однажды я встал и она очень сильно меня побила. Обычно она так не делала – ну то есть сама, кулаками. Этим всю занимались мои наставники. Но тогда она прямо вышла из себя. Наш домашний целитель сказал, что я едва выжил той ночью. Вот так я и узнал, что такое поэзия.

До сих пор чудо под названием колдовство оставалось его главной, а возможно, и единственной любовью. Впрочем, Клюв почему-то верил, что однажды встретит спутницу жизни: красивую и такую же глупую, как он. Слушая все эти рассказы, – а от волнения Клюв еще имел обыкновение заговариваться, – другие маги лишь не мигая смотрели на него. Кое-кто потом молча обнимал Клюва и уходил. Один маг так и вовсе расплакался. Клюва это напугало.

Собеседование батальонных магов капитан закончила на нем. Он стоял вторым в шеренге.

– Откуда ты родом и кто вбил тебе в голову, что ты дурачок?

Клюв не вполне уловил суть вопроса.

– Я родился в великом городе Квон на континенте Квон-Тали в Малазанской империи, самом просвещенном месте в мире, которым правит маленькая Императрица, – как мог, ответил он. – Дурачком меня называли все наставники, уж им-то виднее. Никто с ними не спорил.

– Кто обучал тебя колдовству?

– За конюшего в загородной усадьбе у нас была ведьма-сэтийка. Она объяснила мне, что для меня чародейство как одинокая свеча во тьме. Одна-единственная свеча. Сказала, все прочие свечи у меня в голове погасли, чтобы эта горела ярче. Потом показала свою, сэтийскую магию, которой владела лучше всего. А еще она постоянно откуда-то приводила других слуг, других людей, которые владели другой магией. *Путями*, как они их называли. Все они как разноцветные свечи: серая – Моккра, зеленая – Руз, белая – Худ, желтая – Тир, синяя...

– Ты владеешь Моккрой?

– Да. Прикажете показать?

– Потом. Сейчас ты идешь со мной, Клюв. Я забираю тебя у взвода.

– Хорошо.

– Мы с тобой будем путешествовать отдельно ото всех, скакать от отряда к отряду, обеспечивая связь.

– Скакать – то есть верхом?

– Да. Умеешь?

– Моя семья разводила лошадей. Квонская порода лучшая в мире. Так что это почти как еще одна свечка у меня в голове. Ведьма, правда, сказала, что нет, просто я таким родился: верховая езда заложена во мне точно так же, как письмо – в чернилах.

– А сумеешь отыскать другой взвод, если он будет скрываться под волшебной маскировкой?

– Конечно, сумею. Я чую магию. Огонек моей свечи начинает дрожать и склоняется в сторону, откуда идет колдовство.

– Отлично, Клюв. Теперь ты подчиняешься капитану Фарадан Сорт – мне. Я выбрала тебя среди остальных.

– Хорошо.

– Собирай вещи и следуй за мной.

– Как близко?

– Как будто висишь у меня на поясе рядом с ножнами. И да, Клюв, лет-то тебе сколько?

– Я сбился со счета. Было три десятка, но уже прошло шесть лет, так что не знаю.

– А сколько путей... сколько свечей тебе известно?

– Много. Все.

– Прямо все?

– Последние два года у нас служил финский кузнец-полукровка. Он как-то попросил меня перечислить, а потом сказал, что это все. Так и сказал: «Это все, Клюв».

– И больше ничего?

– Нет, только сделал мне этот ножик. – Клюв похлопал по внушительному тесаку на поясе. – А потом сказал: «Беги из дома, вступи в малазанскую армию, там тебя за глупость бить не будут». Я послушался. Мне тогда было на год меньше трех десятков. С тех пор меня и правда больше не били. Никто меня не любит, но и больно не делает. Хотя я и не думал, что в армии будет так одиноко.

Капитан пристально глядела на Клюва, как это обычно делали его собеседники.

– Тебе приходилось защищаться или давать кому-то отпор с помощью магии? – спросила она наконец.

– Нет, не приходилось.

– А с родителями или с братом ты потом общался?

– Брат наложил на себя руки, а родители умерли – в тот вечер, когда я ушел из дома. Вместе с наставниками.

– Как это случилось?

– Не знаю, – вздохнул Клюв. – Помню только, что показал им свою свечу.

– Кому-нибудь еще ты ее показывал?

– Целиком – нет, больше нет. Кузнец сказал, это только на крайний случай.

– И тем вечером был крайний случай?

– Да, был. Помню, кузнеца высекли и погнали со двора – за то, что дал мне этот ножик. Потом полезли ко мне, хотели отобрать. И вдруг я понял, что вот он – крайний случай.

Капитан ведь сказала, что забирает Клюва с собой, – так почему они по-прежнему идут вместе с остальными, среди насекомых, которые кусают и жалят, особенно в загривок, забиваются в уши и ноздри? Клюв подумал, что опять чего-то недопонял.

Капитан, Впрочем, шла рядом и никуда не делась.

Батальон добрался до круглого бугорка, одиноко торчавшего из черной воды, будто остров. Под толщей мха обнаружились какие-то развалины.

– Видать, постройка тут была, – сказал кто-то из солдат.

– Яггуты! – не сдержал возгласа Клюв. – Омтоз Феллак. Но не свечка, а так, огарок. Магия ушла, из нее получилось это болото. Остаться нельзя: под обломками мертвые тела и голодные призраки.

Увидев, что все уставились на него, Клюв втянул голову в плечи и пробормотал:

– Простите.

Капитан Фарадан Сорт положила руку ему на плечо.

– Не извиняйся. Так что за тела? Яггутские?

– Нет. Форкрул ассейлы и тисте лиосан. Они тут воевали, а называлось все это Войнами справедливости. Здесь была только стычка, все погибли. Последняя воительница пала с пронзенным горлом и истекла кровью ровно на том месте, где стоит Кулак. Она была из форкрул ассейлов и перед смертью думала, что победители правы, а проигравшие – нет.

– Проклятье, это единственный клочок суши в округе, – воскликнул Кулак Кенеб. – Кто-нибудь умеет изгонять призраков? Нет?.. Вот Худов дух. Клюв, а что они с нами могут сделать?

– Вгрызутся нам в мозги, станут внушать ужасные мысли и в итоге заставят перебить друг друга. В этом вся суть Войн справедливости: они бесконечны, потому что бог справедливости слаб и у него слишком много имен. Лиосаны звали его Серканос, ассейлы – Ринтан. Но на каком бы языке он ни обращался к своим поклонникам, его никто не понимал. Речи его слишком запутанны, и потому бог не имеет власти. Каждый толкует его слова по-своему и не соглашается с другими, так что конца войнам не видать. – Клюв замолчал, глядя на бледные лица соратников, потом пожал плечами. – Но, может, я сумею с ними договориться. Давайте я вызову кого-нибудь, и мы побеседуем.

– Не стоит, Клюв, – сказал Кулак. – Так, всем подъем, двигаемся дальше!

Никто даже слова против не сказал.

Фарадан Сорт отвела Клюва в сторону.

– Теперь мы их оставим. В какую сторону надо идти, чтобы поскорее отсюда выбраться?

Клюв указал на север.

– Далеко?

– Тысяча шагов. Там проходит граница старого Омтоз Феллака.

Она проводила взглядом Кенеба с его батальоном. Они сошли с островка и, шлепая по болоту, направились точно на запад, в глубь материка.

– Сколько им еще надо пройти в том направлении? Я имею в виду – на запад.

– Шагов тысяча двести, если не забредут в реку.

– Ладно, от лишней пары сотен шагов не развалятся. Ну что ж, Клюв, на север так на север. Веди.

– Слушаюсь, капитан. Пойдем по старинке, пешком.

Она засмеялась, но над чем – Клюв не понял.

На войне есть особый звук, когда при осаде, за мгновения до штурма, единым залпом выстреливают онагры, баллисты и пороки. Огромные снаряды врезаются в каменные стены, укрепления и здания, в результате чего рождается нестройный хор падающих камней и кирпичей, крушащихся крыш и колонн. Даже воздух дрожит, словно потрясенный подобной жестокостью.

Именно этот звук вспоминал сержант Шнур, стоя на уступе, наклонившись против порывистого ледяного ветра. В водах пролива, где когда-то находился Предел Фентов, друг с другом схлестывались гигантские айсберги. Огромные пласты льда, словно куски крепостных стен, в тишине отделялись от глыб и обрушались в море. Спустя несколько мгновений ветер доносил грохот, поднятые ударом серебряные облака, брызги и...

– Горный хребет, бьющийся в агонии, – прошептал откуда-то сбоку Эброн.

– Осадные орудия, крушащие городские стены, – возразил Шнур.

– Ледяная буря, – добавил из-за спины Хромой.

– Нет, все не так, – вставил, клацая зубами, Хруст. – Это огромные глыбы льда... обрушивающиеся вниз.

– Как... как возвышенно, Хруст, – заметил капрал Осколок. – Да ты прямо поэт, Худ тебя дерит. Поверить не могу, что Моттские ополченцы отпустили такой талант. Нет, правда, Хруст, как такое могло случиться?

– А у них выбора не было, – отозвался долговязый, кривоногий сапер, яростно растирая щеки. – Я просто взял и ушел, по-тихому. Взял рыбий скелетик и взломал наручники. Потому что нельзя арестовать главмаршала. Так я им и сказал. Нельзя. Ничего не выйдет.

– Ну что, удалось поговорить с сестрой? – обратился Шнур к капралу. – Она не устала сдерживать льды? Мы-то не знаем. Непоседа и рад бы помочь, да только не понимает, как она вообще это делает.

– Без понятия, сержант. Она и со мной не разговаривает. Спать она больше не спит, но и вымотавшейся я бы ее не назвал. Худов дух, я ее с трудом узнаю. После Игхатана Синн будто подменили.

Шнур помолчал задумчиво, потом кивнул.

– Ладно, тогда Непоседу отошлю. Адьюнкт вот-вот должна высадиться в форте.

– Уже, – сказал Эброн, осторожно ощупывая нос. Вроде не отвалился.

Как и Непоседа, взводный маг понятия не имел, каким образом Синн сдерживает ледяные глыбы. Мало того что это больно било по самолюбию, так еще и скрыть не получалось.

– Бухта перекрыта, местный авторитет под домашним арестом. Все идет как задумано.

– Хорошо, что ты не из суеверных, Эброн, – пробормотал Хромой. – Вы как хотите, а я спускаюсь отсюда. Не то, чего доброго, поскользнусь и ногу сломаю.

– Давно пора! – рассмеялся Осколок.

– Капрал, вы, как всегда, очень заботливы.

– А то! Я пять джакат поставил на то, что ты до конца месяца оправдаешь свое прозвище.

– Сволочь.

Посмеиваясь между собой, они смотрели, как Хромой аккуратно спускается с уступа.

– Осколок, а где сейчас Синн? – поинтересовался Шнур.

– В старом маяке, вон там, – ответил капрал.

– Отлично. Предлагаю и нам перебраться куда-нибудь под крышу, пока не попали под ту ледяную тучу.

– Это ж надо!.. – взревел вдруг Эброн. – Сержант, она тут не просто сдерживает лед. Она его разрушает! Вот отчего вода прибывает так быстро.

– Хм, я думал, он сам по себе разваливается.

– И это тоже. А она еще и подгоняет: берет, знаете, Омтоз Феллак, как корзинку, и расплетает. Вот только прутья не выбрасывает, а складывает из них... что-то новое.

Шнур смерил подчиненного мага недовольным взглядом.

– Уж лучше б ты молчал, как Синн, чем говорил загадками. «Что-то новое» – это что?

– Худова мошонка, да не знаю я! Не знаю!

– Что-то корзин поблизости не видать, – заметил Хруст. – Свиньи болотные, Эброн, у тебя глаз хороший, погляди, а? Я вот даже сощурившись не вижу...

– Хватит, сапер, – отрезал Шнур, еще поглядел на Эброна и отвернулся. – Ладно, пошли, а то у меня между ног сосулька, не говоря уже про все остальное.

Они направились вниз, к рыбацкой лачуге, которую приспособили под штаб.

– Вам бы избавиться от нее, сержант, – посоветовал Хруст.

– От кого?

– От сосульки, что у вас между ног. Руками, к примеру.

– Спасибо за заботу, Хруст, но я еще не столь безнадежен.

Как ни крути, а в Малазе жилось неплохо. Да, конечно, на «жемчужину» империи город не тянул, но зато ему не грозило развалиться на части и затонуть во время шторма. К тому же компания подобралась вполне сносная: среди разношерстных чудаков, навевывавшихся в таверну Купа, Вифал чувствовал себя как дома.

Смелый Зуб. Норов. Банашар. Хорошо, что он здесь, кстати, – хоть одно знакомое лицо, помимо троицы нахтов и, естественно, жены. *Естественно. Куда без нее.* Когда Старший бог говорил про ожидание, Вифал думал, что оно затянется на подольше. *А лучше и вовсе навсегда. Пропадите вы пропадом, боги. Вечно вмешиваетесь и используете смертных в своих целях.*

Даже проведя год на одном корабле с адъюнктом, Вифал так и не понял, что она за человек. Конечно, Тавор долгое время пребывала в трауре – еще бы, поговаривали, в Малазе убили ее возлюбленную, – и оттого казалась скорее мертвой, чем живой.

Но вот только если сейчас она пришла в себя, то разницы он, мягко говоря, не видел.

А богам все равно. Они решили воспользоваться ею – точно так же, как и Вифалом. В невзрачных глазах Тавор он читал хмурый протест. Но даже если она решила выступить против богов, то бороться ей придется в одиночку.

У меня бы ни за что не достало смелости на такое. Даже близко. Ведь чтобы осуществить задуманное, ей придется отказаться от человечности. Или же стать больше, чем человеком? Одно из двух, видимо. А со стороны может показаться, что ее окружают друзья: такие, как Вифал, Банашар, Сандалат, Синн, Кенеб... Но это не так. *Мы всего лишь наблюдаем. Ждем. Размышляем.*

И не можем решить.

Не этого ли ты хотел, Маэль? Нашей встречи? Да, я искал именно такую, как она.

Правда, неизбежно возникает вопрос, весьма непростой: *почему я?*

Да, он мог рассказать Тавор про меч. Про меч, который он сотворил и выковал по приказу Увечного Бога. Но что толку, если противопоставить этому оружию нечего?

И все же адъюнкт была непреклонна. Она пошла на войну, которой не желали даже солдаты. Цель – повергнуть империю, а вместе с ней – Императора с его мечом. Императора, обезумевшего от собственной власти. Еще одну пешку в играх богов.

Однако заставить себя отнестись ко всему этому спокойно, довериться отважному решению адъюнкта было непросто. Морпехов выбросили на берег летерийцев, но не всем скопом, не единым войском, а незаметно, по частям, под покровом ночи. И тут же, словно передумав, подожгли все корабли.

Этим Тавор как бы во всеуслышание заявляла: *Мы здесь. Отыщите нас, если осмелитесь. Или же рано или поздно вас найдем мы.*

Большая часть армии, впрочем, осталась в отдалении от летерийского побережья. И только адъютанту было ведомо, куда ушли хундрилы с изморцами.

– Ты что-то стал мрачен в последнее время, муж.

Вифал медленно поднял голову. Напротив него сидела женщина с кожей цвета оникса.

– Я склонен к глубокомысленным раздумьям.

– Нет, ты просто ленивая жаба, погрязшая в самоупоении.

– Не без того.

– Скоро сходим на берег. Учитывая, как ты стонал и жаловался, я ожидала увидеть тебя среди первых, столпившихся у трапа. Мать Тьма свидетель, с твоим непреодолимым отвращением к морю я бы ни за что не подумала, что ты мекрос.

– Непреодолимое отвращение, говоришь? Нет, скорее... раздражение. – Вифал показал огромные ладони. – Чинить корабли – это профессия. Но не моя. Жена, я всего лишь хочу делать то, что у меня выходит лучше всего.

– Ковать подковы?

– Именно.

– Ободы для щитов? Рукояти для кинжалов? Клинки?

– Если придется.

– Армии всегда водят с собой оружейников.

– Не моя профессия.

– Вздор. Ты можешь превратить кусок железа в меч не хуже любого оружейника.

– Говоришь так, будто немало оружейников повидала.

– Поверь, за свой долгий век я повидала немало всего, порой даже чересчур. Ну что, наши несчастные подопечные, наверное, снова в трюм забились. Кто пойдет за ними – ты или я?

– А что, уже пора?

– Мне кажется, адъютант уже на берегу.

– Ты иди. У меня от них до сих пор мурашки по коже.

Сандалат поднялась.

– Самоупоение всегда затмевает сочувствие, Вифал. Эти тисте анди еще юны. Сначала их оставил Аномандр Рейк. Затем – Андарист. Их братья и сестры пали в бессмысленной схватке. Их жизнь – сплошные потери и хрупкость бытия, наполняющая их души отчаянием.

– Наслаждаться упадническим пессимизмом – право, доступное только молодым.

– В отличие от твоих глубокомысленных раздумий.

– Ничего общего с моими глубокомысленными раздумьями, Санд.

– И ты хочешь сказать, что они такого права не заслужили?

Он чувствовал, как в ней закипает гнев. В конце концов, речь шла о ее соплеменниках – тисте анди. Есть вещи, которые надо обходить стороной. *Вулканические острова. Плавающие ледяные горы. Огненные моря. И множество разных тем в беседах с Сандалат Друкорлат.*

– Да нет, заслужили, – осторожно ответил Вифал. – Вот только с каких пор пессимизм считается добродетелью? К тому же он ужасно надоедает.

– Не поспоришь, – сказала она мертвенным тоном и, развернувшись, вышла из каюты.

– А вот раздумья – другое дело, – бормотал он, обращаясь к пустому стулу напротив. – Начнем с того, что ты сам выбираешь тему для размышлений. И необязательно что-то пессимистичное. Скажем, вмешательство богов в жизнь смертных... нет, плохой пример. Вот, кстати, кузнечное дело. Подковы. В подковах ничего пессимистичного нет... полагаю. Ну да, подковы – это хорошо, лошади с ними быстрее скажут. Прямо в гущу битвы, навстречу ужасной гибели.

Вифал нахмурился и замолчал.

Лицо Фейд – широкое, с высоким лбом и заостренным подбородком – было мертвенно-серым, цвета мутного сланца. Взгляд пустой, если только не наполнялся ядом – вот как сейчас, когда Фейд смотрела в спину Сандалат Друкорлат.

Краем глаза Нимандр Голит наблюдал за своей названной сестрой и в который раз задавался вопросом, откуда в ней неиссякаемый источник злобы. Она ведь с детства такая, начисто лишенная сострадания. В образовавшейся пустоте расцвело нечто холодное, вызывавшее в ней мрачное наслаждение каждой победой, реальной и вымышленной, явной и неявной.

Эта юная красавица состоит из одних противоречий. С первого взгляда она очаровывает и кружит голову неким врожденным шармом. Безупречное произведение искусства, поэма любви и красоты.

Но очарование быстро проходит – как правило, после первого же ненавязчивого вопроса, на который Фейд неизменно отвечает ледяным молчанием. Это молчание выворачивает поэму наизнанку, где место любви и красоты занимает неприкрытое презрение.

Те же, кто узнавал Фейд получше, замечали еще и злобу. Нимандр с содроганием понимал, что сестра способна на убийство. Горе проницательным наблюдателям, которым удавалось разгадать ее душу, увидеть внутри пульсирующий клубок темноты с прожилками невыразимых кошмаров, но которые забывали затем скрыть то, что поняли.

В общении с Фейд Нимандр давно научился притворяться наивным и улыбчивым, и это приводило ее в умиротворенное состояние. Увы, именно в такие минуты она охотнее всего делилась своими кровавыми замыслами, нашептывая изощренные схемы мести за каждую мелкую обиду.

Проницательности Сандалат Друкорлат не занимать, но это, впрочем, неудивительно. За долгие и долгие века она повидала все – от благородства до беспросветной подлости, – так что ей не составило труда определить, к какой категории относится Фейд. На холод она отвечала холодом; презрение отскакивало от нее, как камешки от щита, не оставляя даже царапин. Однако наиболее болезненным было то, что безмолвные выходки Фейд забавляли Сандалат, вызывая порой откровенную насмешку. Все это оставляло глубокие раны на сердце Фейд – раны, которые неизбежно начинали гноиться.

И Нимандр не сомневался, что прямо сейчас в высоком лбу сестры зреет мысль об убийстве Сандалат – женщины, заменившей им всем мать.

Он признавал и собственный раздраз – накатывавшую временами полную безучастность к происходящему. В конце концов, у него самого хватало внутренних демонов, которые так просто уходить не желали. Даже когда Нимандру случалось забыть о них, те продолжали играть в свои темные игры, и скромный куш – то есть Нимандрова жизнь – постоянно переходил из рук в руки, заставляя весы качаться из стороны в сторону без остановок. Возгласы победителей, ругань проигравших, звон рассыпающихся монет – все это сливалось в какофонию хаоса и раздора. Неудивительно, что он нередко чувствовал себя оглохшим и дезориентированным.

Возможно, такие качества отличали всех тисте анди. *Замкнутость без стремления к самокопанию. Тьма в крови. Непонятные даже сами себе.* Нимандр очень хотел разделять веру Андаришта в то, что престол необходимо защитить, потому и без колебаний бросил своих подопечных в ту бойню. Возможно, тогда ему и правда удалось себя убедить.

Стремление к смерти. Чем дольше жизнь, тем меньше она ценится. Отчего так?

Видимо, это и называется самокопанием? Вот только найти ответы – задача сложная. Куда проще следовать чужим приказам. Покорность. Еще одно качество тисте анди? Если вдуматься, на кого в его племени положено равняться? Вовсе не на юных воинов вроде Нимандра Голита. Не на таких, как Фейд, поглощенных злобными стремлениями. *На Аномандра Рейка, который всех бросил. На его брата Андаришта, который остался. На Силкаса Руина...* Что за семейка! Среди потомков Матери они выделялись больше всех. Их жизнь была полна великих свершений, она звенела, как натянутая тетива. Они не боялись говорить жестокую правду в

лицо друг другу, и именно это навсегда развело их в стороны. Даже уход Матери Тьмы не стал таким ударом. В прошлом их жизнь являлась одой величию и доблести. *А что же мы? Мы – ничто. Мягкотелые, запутавшиеся и забытые. Утратившие простоту и чистоту. Одна тьма и ничего больше.*

Сандалат Друкорлат – свидетельница тех древних эпох, в чьей душе наверняка живет скорбь по павшим тисте анди, – повернулась и поманила за собой разношерстную группу беженцев с Плавучего Авали. Выйдя на палубу (*«Нимандр, у тебя волосы цвета звезд»*), они увидели захолустный портовый городишко, которому полагалось стать их новым домом. *На следующую долю вечности*, как язвительно отметила Фейд.

– Когда-то этот остров был тюрьмой. Здесь одни душегубы и насильники. – Она вдруг заглянула брату в глаза, будто что-то в них искала, затем улыбнулась – точнее, оскалилась – и добавила: *– Отличное место для убийства.*

Тысячелетия назад такие слова могли вызвать гражданскую войну или того хуже – гнев самой Матери Тьмы. Теперь же они едва ли всколыхнули спокойное безразличие Нимандра.

«У тебя волосы цвета...» Но прошлое не вернуть. *Плавучий Авали. Наша собственная тюрьма, в которой мы узнали смерть.*

Ужасную цену слепого подчинения.

Узнали, что любви нет места в этом мире.

Глава четырнадцатая

*Каменную чашу взял
обеими руками
и вылил свое время
из нее на землю
Тонули в нем насекомые,
питались им травы,
а затем взошло солнце
и жарким светом своим
высушило все.*

*Глядя на чашу сию
в мириадах трещин,
я вспоминаю весь путь,
что до сих пор прошел.
Каждый мой след на нем –
утраченное воспоминание.
Кто бы ни сотворил сию чашу,
глуп был, но все же глупее
тот, кто ее несет.*

**«Каменная чаша»
Рыбак кель-Тат**

Пологий ледяной склон, по которому они шли, видно, много раз замерзал и оттаивал, от чего земля была вся в рытвинах и буграх, напоминая кору исполинского дерева. Ветер, то теплый, то холодный, задувал в ложбинки и уныло завывал на сотни голосов. Валу казалось, что каждым шагом он навеки давил чей-то одинокий крик. От этой мысли становилось не по себе, а разномастный мусор, усеивавший ледяную пустошь, только усугублял мрачность происходящего.

Повсюду, будто неубранные с поля камни, следы яггутов – предметы обихода, по которым можно восстановить историю и быт целого народа. Если бы только Вал разбирался в этом и мог связать увиденное воедино. Призраки, как он теперь понимал, жили в вечном смятении: бескрайние просторы, усеянные бессмысленной шелухой. Никаких истин не открывалось, загадки так и оставались неразгаданными. Призрак мог дотянуться, но не мог коснуться, мог на что-то повлиять, но сам выпадал из хода событий. Сопереживание также теряло свой смысл. Хотя нет, не сопереживание. *Переживать*-то он мог, почти как при жизни. Чувства по-прежнему пронизывали все его существо. А вот физических ощущений – уверенности, которую давало взаимное противодействие, – не доставало.

Вал сам выбрал себе это тело, в облике которого тяжело шагал рядом с Эмрот – обтянутым кожей скелетом. Теперь он ощущал себя частью физического мира вокруг. Лед хрустит под ногами, пальцами можно коснуться древних черепков. Вот только не было ли это ощущение иллюзией, не находился ли он среди таких же призраков, как и он? Увы, глаза не могли дать ответа на этот вопрос, слуху и осязанию верить нельзя, и Вал казался себе отзвуком заблудившегося эха.

Они с трудом пробирались по плато, а высоко над головой, на темно-синем своде, зажигались звезды. Казалось, ледяному миру нет конца. Все вокруг было усеяно мусором: куски ткани, одежды или, может, вышивки, осколки горшков, столовые приборы, загадочные ору-

дия из дерева и камня, обломок музыкального инструмента со струнами и выпуклыми ладами, отломанная ножка стула или табуретки. Лишь в самом начале путникам попало оружие – древко копья, – да и то оно принадлежало имассам.

Эти льды стали для яггутов могилой. Была бойня, поделилась Эмрот, но куда делись тела – не сообщила. Вал предположил, что их унесли – возможно, кто-то из выживших. Устраивали ли яггuty похороны? Неизвестно. Сколько Вал ни путешествовал, он ни разу не слышал рассказов о яггутских гробницах или кладбищах. Даже если они и существовали, их местонахождение не разглашалось.

Здесь же противник настиг яггутов во время бегства. Среди кусков материи попадались обрывки палаток. Живые имассы не стали бы устраивать погоню. Стало быть, здесь сражались т'лан имассы. Участники ритуала. *Такие же, как и Эмрот.*

– А ты, Эмрот, – обратился к ней Вал, снова подивившись своему непривычно громкому голосу, – участвовала в этой бойне?

Она ответила не сразу.

– Не уверена. Но возможно.

– Хочешь сказать, одна сцена бойни неотличима от другой?

– Да. Это так.

Такие слова испортили Валу настроение еще сильнее.

– Я вижу что-то впереди, – сообщила т'лан имасс. – Полагаю, мы вот-вот узнаем ответ на свой вопрос.

– На какой?

– Куда делись тела.

– А, вот ты про что...

В месте, где они оказались, ночь наступала внезапно – как будто свечу задули. Солнце, днем почти не поднимавшееся над горизонтом, вдруг проваливалось за кроваво-красную кромку неба. Свод над головой тут же чернел, на нем появлялись звезды, которые гасли только с появлением светлых разводов непонятного оттенка. Сверху доносился тонкий стеклянный звон.

По тому, что теплых волн ветра становилось все меньше, а тлеющее светило на западе погружалось в жуткую и неестественную тень, Вал почувствовал скорый приход ночи.

Также он понял, что привлекло внимание Эмрот: некий бугор, окруженный темными силуэтами. На вершине возвышалось что-то вроде ледяной мачты. Подойдя ближе, Вал увидел, что внутри все черное, вплоть до самой земли.

Силуэты у подножия бугра оказались телами, закутанными в тряпье, совершенно иссохшими и сморщившимися.

Дневной свет снова разом погас, и ледяной порыв ветра возвестил о наступлении ночи. Вал с Эмрот замерли перед возвышением.

Мачта на самом деле представляла собой ледяной трон, на котором восседало замороженное тело яггута, одновременно отвратительное и внушительное. Холод и сухой ветер источили его, но в нем все равно угадывались властные черты – например, то, как он, слегка склонив голову, смотрел на своих распростертых ниц подданных.

– Смерть взирает на смерть – как символично, – прошептал Вал. – Выходит, он собрал тела, принес сюда, сел на трон и умер. Сдался. Ни мыслей о возмездии, ни желания воскреснуть. Вот это и есть твой заклятый враг, Эмрот.

– Ты даже не представляешь, насколько прав, – ответила т'лан имасс и, аккуратно обойдя трон, пошла дальше. Под ее закутанными в шкуру ногами хрустел лед, взметаясь облачками снежной пыли.

Вал смотрел на яггута, восседающего на полурастаявшем троне. *Надо бы все их делать из льда.*

Как тебе сидится, дорогой правитель? Зад закоченел, сам проваливаешься, и все вокруг растекается лужей? А теперь расскажи мне о своих грандиозных замыслах.

Само собой, разваливался здесь не только трон. Зеленая засохшая кожа на лбу яггута отслаивалась, обнажая грязно-желтую кость. В полумраке казалось, будто она светится. Из-под истлевшей кожи плеч проглядывали гладкие ключицы. Сверкали и костяшки на обеих руках, что покоились на разъехавшихся в стороны подлокотниках.

Вал всмотрелся в лицо. Клыки цвета потемневшего серебра, вместо носа – пустота, на месте глаз – черные провалы глазниц. *Я думал, что они не умирают совсем и что их нужно непременно заваливать грудой камней. Или рубить на части и на каждую ставить по валуну.*

Даже не предполагал, что они могут умереть вот так.

Он встряхнул головой и устремился вслед за Эмрот.

Они могли продолжать поход и ночью. В конце концов, костер, еда, сон – это все заботы живых.

– Эмрот! – окликнул Вал.

Она со скрипом повернула голову.

– Так то чудовище... оно ведь мертво, так?

– Да. Дух отошел.

– То есть?.. Взял и отошел?

– Да.

– А такое вообще бывает?

– Престол Льда умирал. Умирает до сих пор, призрак. Подданных не осталось, новых не появилось. По-твоему, он должен был сидеть там до скончания веков? – спросила Эмрот и, не дожидаясь ответа, сразу продолжила: – Я не бывала здесь раньше, Вал-«мостожог». Иначе я бы его узнала.

– Узнала кого?

– Я никогда раньше не видела истинного Престола Льда, в самом сердце Обители. В самом сердце мира яггутов.

Истинный Престол Льда? Вал оглянулся.

– А... кто им был, Эмрот?

Она не ответила.

Впрочем, спустя какое-то время он понял. Оказалось, он всегда это знал.

Вал пнул разбитый горшок, тот упал, покатился и замер где-то внизу. *Царь на тающем троне вдохнул, выдохнул... и испустил дух. Все. Вот так просто. Когда остаешься один, твой последний дух становится знаком гибели.*

И он летит по ветру.

По всем ветрам.

– В Малазе жил ученый – жалкий старый чудак по имени Обо. Утверждал, что якобы наблюдал гибель звезды. Когда же астрономы сравнили свои записи с небосводом, выяснилось, что одного огонька и правда не хватает.

– Звезды уже не те, какие были при моей жизни, призрак.

– Погасли?

– Некоторые – да.

– Погасли – то есть... *погибли?*

– Заклинатели костей так и не пришли к единому мнению. Разные наблюдения приводили к разным выводам. Звезды удаляются – уходят – от нас, Вал-«мостожог». Возможно, когда они уходят слишком далеко, мы перестаем их видеть.

– Звезда, за которой наблюдал Обо, была довольно яркая. Если бы она удалялась, то гасла бы постепенно, а не вот так сразу.

– Возможно, верно и то и другое. Звезды могут погибнуть. А могут и уйти.

- А тот яггут – он погиб или ушел?
- Твой вопрос не имеет смысла.
- Вот как?* Вал хрипло расхохотался.
- Вранье не твой конек, Эмрот.
- Нет в мире совершенства.

Свод над их головами с привычным тихим звоном заливался красками, вокруг дул ветер, трепал ткани и меха, завывал в крошечных отверстиях и расщелинах. Призрак с т'лан имассом продолжали свой путь через плато, а под ногами у них хрустел лед.

Онрак опустился на колени у ручья, окунул руки в ледяную воду, потом вынул и наблюдал, как с ладоней стекают прозрачные струйки. Темно-карие глаза смотрели удивленно, как и в момент преобразования, когда к нему чудесным образом снова вернулась жизнь.

Если бы у того, кто наблюдал процесс перерождения и невинную радость воина-дикаря, который просуществовал мертвецом сотню тысяч лет, ничего не шевельнулось в груди, значит, у него нет сердца. Для Онрака каждый камешек был драгоценностью; он проводил мозолистыми пальцами по мху и лишайнику, целовал сброшенные олени рога, чтобы почувствовать их вкус и вдохнуть запах жженных волос. Однажды, пройдя через колючие заросли каких-то северных роз, он замер и с удивленными возгласами разглядывал алые царапины на ногах.

В который раз Трулл Сэнгар поразился, насколько имасс не похож ни на какие его представления об этом народе. Волос на теле практически нет, если не считать густо-коричневой, почти черной гривы, ниспадающей ниже широких плеч. За несколько дней, что троица провела в этом странном мире, вдоль подбородка и над верхней губой начала появляться щетина, черная, как у кабана, причем щеки и шея оставались гладкими. Лицо широкое и плоское, на нем отчетливо выделяется приплюснутый нос с выдающейся переносицей, словно костяшка между широко посаженными, утопленными глазами. Массивные надбровные дуги кажутся еще мощнее из-за редких бровей.

Ростом Онрак не отличался, но все равно казался великаном. Мощные кости покрыты бугристыми мускулами, широкие ладони венчают пальцы-обрубки. Руки длинные, а ноги, напротив, короткие и кривые, с широко выдающимися в стороны коленями. При этом двигался Онрак легко и незаметно, как лань, постоянно оглядываясь по сторонам и нюхая запахи, разносимые ветром. Но стоило имассу проголодаться (аппетит у него был знатный), как лань превращалась в грозного, целеустремленного хищника, наблюдать за которым было довольно страшно.

Этот мир принадлежал ему – во всех смыслах. Лес на юге плавно переходил в тундру, время от времени поднимаясь к огромным ледникам, окружавшим долину. В лесу вразнобой росли хвойные и лиственные деревья. Под ногами то разверзались овраги, то вздымались сыпучие скалы, то били прозрачные ключи, то булькала топь. Кроны деревьев кишели птицами, и их непрерывный гомон почти заглушал все прочие звуки.

По границе были протоптаны тропинки. Олени в поисках пастбищ перебирались то в лес, то в тундру. У ледников, на голых плато, жили звери, похожие на козлов. При появлении двуногих чужаков они запрыгивали на уступы и подозрительно смотрели оттуда.

Всю первую неделю их блужданий Онрак то и дело пропадал в лесу, и каждый раз возвращался с обновкой: заточенное древко, которое он потом закалил на костре, стебли и лианы, из которых он плел силки и сети. Закрепив их на копье, он с поразительной ловкостью ловил птиц на лету.

Онрак свеживал зверьков, попавшихся в расставленные на ночь ловушки. Из заячьих желудков и кишок выходили полавки для неводов, которыми он вылавливал в речушках хариусов и осетров. Рыбьи скелеты послужили иголками, с помощью которых он сшил себе сумку

из шкур. В нее Онрак собирал угольки, древесный сок, лишайники, мхи, клубни, перья, жир и всякую всячину.

Преобразился он и внутренне. Череп, обтянутый сухой кожей, стал лицом, на котором отражалось все богатство эмоций. Изменился и голос, прежде ровный и безжизненный. Трулл будто заново открывал для себя друга.

Теперь Онрак улыбался – искренне и радостно, от чего у Трулла перехватывало дыхание и, чего греха таить, наворачивались слезы. Даже Быстрый Бен при виде этой улыбки замолкал, а на темном лице возникало удивление, с каким благообразные взрослые смотрят на играющих детей.

Сама внешность и поведение имасса располагали к дружбе, словно его улыбка обладала волшебными свойствами, вызывающими мгновенную и безотчетную привязанность. Даже если это и был морок, Трулл Сэнгар не видел смысла сопротивляться. *Все-таки я сам избрал Онрака себе в братья.* Но порой он ловил в глазах малазанского мага отблеск недоверия, как будто Быстрый Бен шел по ненадежному обрыву и ждал, что вот-вот свалится.

Трулла это не пугало, он знал, что Онраку незачем манипулировать спутниками. Как и всякого духа, который вырвался из посмертного существования и снова жил, его интересовал только он сам. *Прозябал в демоническом кошмаре, а переродился в раю. Друг мой Онрак, ты искуплен, и к тебе вернулось осязание, зрение, а также все запахи и песни леса.*

Накануне вечером имасс вернулся из очередной вылазки с куском коры. На нем он принес несколько комочков желтой охры. Сев возле костра, на котором Быстрый Бен дожаривал остатки оленя, убитого Онраком два дня назад, имасс размолот охру в порошок, смешал со слюной и жиром. Получилась желтоватая масса. В процессе он напевал что-то – гудящий, вибрирующий мотив, наполовину из голоса и мычания. Звук был нечеловеческим, как и его речь: такое ощущение, что он пел на два голоса – высокий и глубокий. Размешав краску, Онрак замолк. Посидев неподвижно, он принялся наносить охру себе на лицо, шею и руки, и тут же зазвучал иной мотив – быстрый и стремительный, как топот убегающей дичи.

С последним мазком краски по янтарной коже песня закончилась.

– Нижние боги, Онрак! – ахнул Быстрый Бен, хватаясь за грудь. – У меня сейчас сердце из ребер выскочит!

Имасс снова уселся, скрестив ноги, и спокойно посмотрел на мага.

– Тебе в жизни, видно, часто приходилось убегать.

Быстрый Бен поморщился, затем кивнул.

– Кажется, всегда.

– То были «Агкор Раелла» и «Аллиш Раелла» – «Волчья песнь» и «Оленья песнь».

– Ага, вот, значит, и вскрылась моя травоядная душонка.

– Однажды тебе придется стать волком. – Онрак улыбнулся.

Быстрый Бен помолчал.

– Может, я уже им стал. Я видел волков, тут их много водится. Такие, с длинными лапами и маленькими головами...

– Аю.

– Да, аю. А еще они страшно пугливы. Бьюсь об заклад, они не кинутся на жертву, пока на их стороне не будет значительного перевеса. Среди игроков такие относятся к худшему сорту. Зато живут дольше.

– Пугливые, да, – кивнул Онрак, – но любопытные. Вот уже три дня нас преследует одна и та же стая.

– Им нравится подьедать за тобой пададь. Ты берешь на себя риск, а они получают пищу. Все довольны.

– До сих пор особому риску мы не подвергались.

Быстрый Бен оглянулся на Трулла, потом покачал головой.

– Тот горный баран – или как он у вас зовется – не просто поддел тебя, Онрак, а швырнул, да так, что мы думали, ты себе все кости переломал. Еще ведь и двух дней с твоего перерождения не прошло.

– Чем больше жертва, тем выше ставки, – снова улыбнулся Онрак. – Так говорят игроки?

– Именно, – ответил маг, проверяя мясо на шампуре. – Просто, по-моему, волки ведут себя как олени, пока жизнь не вынудит. Если перевес сил не в их пользу, они убегут. Главное – верно выбрать момент, когда удирать, а когда давать отпор. А нас эти волки преследуют просто потому, что прежде никого подобного не видели...

– Нет, Быстрый Бен. Все совсем наоборот.

Трулл вгляделся в друга, а затем спросил:

– Мы здесь не одни?

– Аю не просто так за нами идут. Да, ими движет любопытство, но и память тоже. Они прежде уже ходили за имассами. – Онрак вскинул голову и шумно вдохнул. – Сегодня они близко. Их привлекла моя песня, они ее уже слышали. Аю поняли, что завтра мне предстоит охота на опасного зверя. И когда я буду убивать... впрочем, сами увидите.

Труллу вдруг стало не по себе.

– Насколько опасного? – спросил он.

– Здесь обитают хищные кошки – эмлавы. Сегодня мне попались метки когтей на камнях и деревьях. Судя по запаху мочи, мы попали на территорию самца. Аю стали вести себя настороженнее обычного, поскольку эмлавы убивают их не задумываясь, причем из засады. Однако мое пение их успокоило. К тому же я нашел тог'тол – желтую охру.

– Значит, если волки знают о нашем присутствии, – проговорил Быстрый Бен, глядя на истекающее соком мясо, – то и кошка тоже?

– И кошка тоже.

– Прекрасная новость, Онрак! Теперь мне придется весь день держать свои пути наготове. Это, знаешь ли, страшно выматывает.

– Пока над головой солнце, бояться нечего, чародей, – ответил Онрак. – Эмлавы охотятся по ночам.

– Худов дух! Хорошо бы волки учуяли его раньше нас!

– Не учуют. – Спокойствие имасса раздражало. – Помечая территорию, эмлавы густо пропитывают воздух, а сами пахнут очень слабо. В своих угодьях зверь может передвигаться почти незаметно.

– И почему тупые чудовища всегда так умны и коварны?

– А почему коварные умники вроде нас всегда чудовищно тупы? – парировал Трулл.

– Я испытываю животный ужас, эдур. Не смей расшатывать мое самообладание еще больше.

Ночь прошла тихо, и на следующий день они зашли еще глубже на территорию эмлавы. Онрак остановился у ручья и, встав на колени, провел ритуал омовения рук – по крайней мере, так полагал Трулл. С другой стороны, это могло быть очередное проявление восторга, какой часто посещал Онрака, что неудивительно. Если бы Трулл пережил подобное возрождение, он бы не приходил в себя месяцами. *Впрочем, конечно, он мыслит не так, как мы. Отчего-то мне гораздо легче понять человека по имени Быстрый Бен, нежели имасса – мертвого или живого. Как такое возможно?*

Онрак поднялся и обратился к спутникам. В одной руке он держал копье, в другой – меч.

– Мы приближаемся к логову эмлавы. Он спит, но чувствует нас. Сегодня он решил одного из нас убить. Я вызову его на дуэль за территорию. Если проиграю, он растерзает меня, но вас, скорее всего, оставит в покое.

Быстрый Бен замотал головой.

– Нет, Онрак, один ты не пойдешь. Я, конечно, не уверен, что мое колдовство здесь работает в полную силу, но это всего лишь тупая кошка. Яркая вспышка, громкий шум...

– Я тоже пойду, – подал голос Трулл Сэнгар. – Первыми в ход пускаем копыя, так? Мне доводилось драться с волками. Когда они прыгают, их принимают на копыя, а потом добивают клинками.

Онрак молча выслушал обоих, затем улыбнулся.

– Что ж, вижу, вас не разубедить. И все-таки постарайтесь не вмешиваться. Я уверен, что одержу верх, – и скоро вы поймете почему.

Вслед за имассом Трулл с Беном начали взбираться по зандровому вееру, который заполнял собой почти всю расселину. Развороченные камни были покрыты слоем лишайника. За базальтовым уступом поднималась отвесная стена серого сланца, испещренная кавернами, вымытыми бесконечным потоком ледниковой воды. Ручей, в котором Онрак полоскал руки утром, начинался с этого утеса. Вода скапливалась в небольшой ложбине, образуя озерцо, а затем стекала вниз по склону. Правее зияла треугольная пещера, с одного бока заваленная осыпавшимся сланцем. Тропу к ней усеивали ломаные кости.

Обходя озерцо, Онрак вдруг замер и поднял руку.

Огромный силуэт заполнил проем пещеры, и спустя три удара сердца оттуда появилась эмлава.

– Худов дух... – прошептал Быстрый Бен.

Трулл ожидал, что хищник будет вроде кугуара, только темнее – такие, по слухам, живут в чащах у него на родине. Однако тварь, вышедшая на свет, оказалась размером с равнинного бурого медведя. Угольно-черные глаза сонно моргают; огромные клыки, отполированные до янтарного блеска, размером с охотничьи ножи, свисают ниже подбородка. Голова – плоская и широкая, уши – маленькие, почти на затылке. Шея короткая, а за ней поднимался мускулистый горб. Шкура темно-серая в черных разводах, а на горле – белое пятно.

– Довольно неповоротливая туша, я погляжу.

Трулл оглянулся на Быстрого Бена; в руке у мага был один кинжал.

– Тебе нужно копье, – сказал тисте эдур.

– Возьму какое-нибудь из твоих запасных, если ты не против.

Трулл скинул с плеча связку.

– Выбирай.

Эмлава разглядывал пришельцев, затем раскрыл пасть в зевке, и Онрак в полуприсяде двинулся к нему навстречу.

Тут же послышался стук камушков, и Трулл развернулся.

– Похоже, к нашему имассу подмога.

Появились волки – «аю» на языке имассов – и выстроились за спиной Онрака, опустив головы и не сводя глаз с огромной кошки.

Внезапное появление еще семерых противников явно не понравилось эмлаве. Он согнул передние лапы, пока грудь не коснулась земли, и подобрал задние. Снова раскрыл пасть и издал гулкое шипение.

– Что ж, думаю, нам лучше не мешать, – с явным облегчением произнес Быстрый Бен и сделал шаг назад.

– Интересно, а не так ли человек одомашнил псов? – предположил Трулл, наблюдая за противостоянием. – Не в ходе совместной охоты, а истребляя других хищников?

Онрак взял копьё на изготовку, но не для того, чтобы встретить прыжок, а чтобы метнуть его с помощью рогового атлатля с каменным противовесом. Волки веером рассыпались за его спиной, обнажая зубы.

– Никто не рычит, – заметил Быстрый Бен. – Отчего-то так даже страшнее.

– Рычат в знак угрозы, – отозвался Трулл. – За рычанием кроется страх, как и за шипением этой кошки.

Шипение наконец затихло. Эмлава набрал в легкие еще воздуха и снова издал звук.

Онрак сделал выпад, копьё вылетело у него из руки и вошло глубоко в грудь кошке, прямо под ключицу. Она завопила, и в тот же миг на нее бросились волки.

Рана была смертельной, но эмлаву она не остановила. Двумя судорожными взмахами передних лап он атаковал ближайшего волка. Первым ударом он вонзил когти ему в спину и подтащил поближе, вторым – прижал к земле. Волк завопил, а кошка сомкнула на его шее массивные челюсти. Раздались хруст и чавканье.

Потом эмлава навалился всем весом на умирающего волка и, кажется, переломал ему все кости.

Оставшиеся хищники кинулись к его брюху, разодрали острыми клыками мягкую плоть, а затем отскочили, когда эмлава, развернувшись, с воплем попытался их отшвырнуть.

И подставил шею.

Онрак молниеносным движением вонзил свой клинок в горло кошке. Она дернулась в сторону, задев подвернувшегося волка, потом поднялась на задние лапы, как будто пытаясь закатиться в пещеру, но тут силы оставили ее. Эмлава грузно рухнул наземь и затих.

Оставшиеся шестеро волков попятились от троицы, один ощутимо хромотал. Через несколько секунд они скрылись из виду.

Онрак подошел к эмлаве и выдернул заляпанное внутренностями копьё, а затем опустился на колени рядом с трупом.

– Прощения просишь? – поинтересовался Быстрый Бен с легким оттенком иронии.

Имасс посмотрел на спутников.

– Нет, чародей, это было бы бесчестно.

– И то верно. Рад, что ты не ударяешься в болтовню о священности душ и прочей ерунде. Всем известно, что войны шли еще до того, как начали воевать народы. Каждому приходилось избавляться от тех, кто охотится на его добычу.

– Это правда. Мы даже находили союзников. Если желаешь увидеть иронию, Быстрый Бен, то знай: избавившись от охотников, мы затем истребляли почти всю добычу и оставляли союзников – тех, кто не желал идти под нашу опеку, – погибать от голода.

– Едва ли это свойственно только имассам, – возразил Трулл Сэнгар.

Быстрый Бен фыркнул.

– Мягко сказано, Трулл. И все-таки, Онрак, что такого ты нашел в этой туше?

– Я совершил промах, – ответил имасс.

Он поднялся и уставился в проем пещеры.

– Как по мне, удар был вполне точным.

– Удар – да, Быстрый Бен. Но я о том, что эта эмлава – самка.

Маг вздохнул, глаз у него как будто бы дернулся.

– Хочешь сказать, самец где-то рядом?

– Не знаю. Иногда они... уходят. – Онрак опустил взгляд на окровавленное копьё. – Другая, признаюсь... я в смятении. Давным-давно, возможно, я бы не размышлял: ты верно сказал, чародей, мы воевали за место под солнцем. Но этот мир – дар. Все, что мы безжалостно уничтожили, снова живет. Вот оно. Неужели все еще можно исправить?

Ответом ему стало молчание, и в тишине они услышали, как из пещеры донесся первый жалобный крик.

– Удинаас, приходилось ли тебе жалеть, что ты не можешь провалиться в камень и всколыхнуть его память...

Бывший раб взглянул на Сушеного – темное пятно в сумерках – и ухмыльнулся.

– Чтобы увидеть то, что видели они? Проклятый дух, у камней нет глаз!

– Верно. Зато они умеют впитывать звук и удерживать его внутри. Они беседуют с холодом и жарой. Их кожа крошится от речей ветра и журчания воды. В их плоти живут тьма и свет, и каждый камень несет в себе отзвуки того, как его били, ломали, насильно изменяли...

– Да умолкни ты! – рявкнул Удинаас и ткнул палкой в костер. – Сам иди и растворяйся в этих руинах, сколько захочешь.

– Кроме тебя, все спят, друг мой. А что до сих руин, то я уже в них бывал.

– Подобные игры доведут до безумия.

Молчание.

– Ты знаешь то, что не должен знать.

– Хочешь, поделюсь? Провалиться в камень легко, а вот выбраться из него... Там, в лабиринтах, легко потеряться, а воспоминания подомнут тебя и раздавят.

– Это ты во сне узнаешь, ведь так? Кто говорит с тобой? Назови мне своего зловещего наставника!

Удинаас рассмеялся.

– Как же ты глуп, Сушеный. Какой наставник? Это все лишь мое воображение!

– Не верю.

Спорить не имело смысла, и Удинаас устался в костер, вслушиваясь в убаюкивающий треск. Он устал и хотел спать. Лихорадка прошла, кошмарные видения, питавшие бред, растворились – *ушли, как моча в мох. Сила, которую я ощутил в тех мирах, – иллюзия. Ясность – обман. Все пути через грядущее ведут в тупик. Следовало догадаться.*

– Эти развалины принадлежат к'чейн на'рукам.

– Ты все еще здесь, Сушеный? Чего тебе надо?

– Когда-то здесь было плато, на котором стоял город Короткохвостых. Теперь, как видишь, оно расколото и не осталось ничего, кроме ужасных плит, наваленных друг на друга, сколько бы мы ни спускались вглубь. Ты почувствовал? Скоро мы дойдем до центра кратера и там увидим, от чего погибло это место.

– Руины помнят холодную тень, – сказал Удинаас. – Затем – удар. Тень нахлынула на них, Сушеный, предвещая конец света. А удар последовал из тени, так?

– Ты знаешь то...

– Глупый дух, ты будешь меня слушать или нет?! Мы поднялись на это плато, думали, что дальше пойдем по ровному, а оно оказалось как замерзшая лужа, в которую бросили тяжелый камень. Вот так – плюх! – и края завалены внутрь. Мне не нужны никакие тайные знания, Сушеный, чтобы это понять. Что-то упало сюда с неба – метеорит ли, летающая крепость ли, неважно. Мы вот уже несколько дней бредем по пепелищу, под которым скрываются древние снега. Пепел и пыль разъедают снег, как кислота. А в руинах все развалено, взорвано и опрокинуто. Сначала наружу, потом – внутрь. Как будто земля под ними вдохнула, а затем выдохнула. И чтобы все это понять, Сушеный, достаточно посмотреть. Просто *посмотреть* – и все. Так что хватит нести эту мистическую околесицу, ладно?

Эта гневная речь разбудила остальных. *Плохо. Могли бы поспать еще чуть-чуть.* Удинаас послушал, как спутники шевелятся; кто-то закашлял, отхаркался. *Кто? Сэрен? Кубышка?* Бывший раб едва заметно усмехнулся.

– Твоя беда, Сушеный, в том, что ты невесть что себе надумал. Вот уже многие месяцы ты преследуешь меня, а теперь думаешь, что пора бы выжать из всего этого пользу, и поэтому пичкаешь сломленного раба мудрыми откровениями. Однако я сказал тебе тогда, повторю и сейчас: я никто, и звать меня никак. Понимаешь? Я просто человек, у которого есть голова на плечах, и иногда я ею думаю. Представь себе, думаю, потому что мне не нравится быть дураком. В отличие, пожалуй, от большинства – большинства летери, во всяком случае. «Я

дурак и горжусь этим» – девиз, достойный имперской печати. Неудивительно, что я оказался таким никчемным для них.

Сэрен Педак перебралась к костру и села погреть руки.

– Никчемным в чем, Удинаас?

– Да во всем, аквитор. Нет нужды уточнять.

– Насколько я помню, – раздался из-за спины голос Фира Сэнгара, – ты добротню чинил сети.

Удинаас не стал оглядываться.

– Да, возможно, это я заслужил, – кивнул он с улыбкой. – Со мной говорит мой благонамеренный мучитель. Хотя... благонамеренный? Пожалуй, что нет. Безразличный? Возможно. До тех пор, пока я не совершил промашку. Плохо починил сеть и – а-ай! Снять дурню кожу со спины! Конечно, для моей же пользы. Ну, или для чьей-нибудь еще.

– Опять не спал всю ночь, Удинаас?

Он посмотрел на Сэрен, но та внимательно наблюдала, как пляшут огоньки костра, словно не ожидала ответа.

– Вижу свои кости, – проговорила она, помолчав.

– Это не настоящие кости, – отозвалась Кубышка и уселась, поджав под себя ноги. – Больше похожи на сучки.

– Спасибо, дорогая.

– Кости твердые, как камень. – Девочка положила ладони на колени и стала растирать. – Холодный камень.

– Удинаас, – сказала Сэрен, – я вижу золотые лужицы в золе.

– А я нашел обломки рам. – Он передернул плечами. – К'чейн на'руки вешали у себя картины, представляете? Странно как-то.

Сэрен встретила с ним взглядом.

– К'чейн...

– Нет, то были не картины, – возразил Силкас Руин, обходя груды битой плитки. – На рамах растягивали кожу. К'чейны линяли, пока не достигали зрелости, а из сброшенной кожи делали пергамент для письма. На'руки были одержимы письменной историей.

– Ты порядочно осведомлен о тварях, которых убивал без раздумий, – заметил Фир Сэнгар.

Откуда-то из темноты послышалось тихое хихиканье Чика, затем защелкала цепочка.

Фир резко вскинул голову.

– Чего смешного, щенок?

– Страшная тайна Силкаса Руина, – раздался голос тисте анди. – Он вел переговоры с на'руками. Видите ли, здесь шла гражданская война...

– Скоро светает, – произнес Силкас и отвернулся.

Отряд вскоре, как обычно, разделился. Силкас Руин с Чиком убежали далеко вперед. Следом в одиночестве шагала Сэрен Педак, а в двадцати с лишним шагах позади плелся Удинаас, по-прежнему опираясь на имассово копьё. Замыкали шествие Фир Сэнгар с Кубышкой.

Сэрен не знала, случайно или нарочно держится обособленно. Вероятно, отголоски прошлой профессии заставляли ее вопреки воле вставать во главе, вести за собой, как бы не замечая двоих воинов тисте анди. *Словно они не в счет. Словно на них нельзя положиться в том, что они приведут нас... туда, куда мы идем.*

Она часто вспоминала казавшийся нескончаемым побег из Летераса, полный неразберихи и расхождений между направлением и целью. Вспоминала остановки, когда приходилось ненадолго обживать в какой-нибудь захолустной деревушке или брошенной усадьбе. Отдыха, впрочем, это не приносило, ведь усталость была не телесной. Во всеми забытом месте ожидала

душа Скабандари Кровавого глаза и, будто зуд, не давала им покоя. Такова была их цель (по крайней мере, на словах), однако Сэрэн понемногу начинала понимать, что не все так просто.

Силкас вызвался провести их напрямиком на запад и каждый раз сворачивал с дороги, как будто тягаться с приспешниками Рулада и Ханнана Мосага ему не по зубам. Чушь какая-то. *Этот негодяй способен обернуться драконом, чтоб ему провалиться. Может, он в душе миролюбив? Едва ли. Для него убить кого-то все равно что комара прихлопнуть. Возможно, он таким способом оберегает нас? Тоже сомнительно. Драконы же ведь не оставляют после себя ничего живого...* И так они шли все дальше и дальше на север, удаляясь от заселенных земель.

Вышли к самой границе Синецветья, в которых когда-то царили тисте анди – и по-прежнему прячутся, прямо под носом у летери и эдур. Нет, этому нельзя верить. Силкас Руин в состоянии почуять сородичей. Тут что-то другое.

Подозревать Силкаса в обмане – одно дело, высказать ему это в лицо – совсем другое. Сэрэн на такое не хватало духу. *Куда легче просто идти куда ведут, ни о чем не задумываясь. Вот Удинаас думал-думал, и посмотрите, что с ним теперь. И все равно он умудряется держать рот на замке. Почти всегда. Да, он бывший раб, да, он «никто, и звать его никак» – вот только он не дурак.*

И Сэрэн шла в одиночестве. Друзей – во всяком случае здесь – у нее не было, и заводить новых она не собиралась.

Развалины города – груды опрокинутых камней, разбросанных во все стороны. Склон становился все круче, и постепенно ей начало казаться, будто она слышит, как шепчет песок, известка, обломки камней. Шепот нахлынул на нее, как сель, стронутый с места появлением незваных гостей. *Словно одно наше присутствие нарушило равновесие.*

Шепот почти сливался с завываниями ветра, но вдруг Сэрэн начала различать в нем слова – и от этого ее пробил крупный пот. *Со мной разговаривают известка и камни. Вот и я начинаю сходить с ума...*

– Когда камень ломается, он издает крик. Ты слышишь меня, Сэрэн Педак?

– Сушеный, ты? Отстань от меня.

– Пути – они живые? Многие ответят, что нет, как такое возможно. Это ведь просто силы. Аспекты. Склонности, которые можно просчитать – о, так истово полагали в своей одержимости Великие мыслители, чьи тела давно развеялись в прах. И все же они не поняли. Один Путь паутиной нависает над остальными, и его голос – воля, необходимая, чтобы творить колдовство. Они этого не разумели, не разгадали. Они видели в нем... хаос, где всякая нить – чистая, бесформенная энергия, которой Старшие боги еще не нашли применения.

Она слушала не вникая, а сердце учащенно билось в груди, и дыхание стало сдавленным и хриплым. Понятно было только, что с ней говорит не Сушеный. Ни слог, ни ритм духу не принадлежали.

– Но К'рул понял. Кровь пролитая пропадает безвозвратно, не имеет силы. Она гибнет. Подтверждение тому – смерть от убийства. Чтобы Пути жили и текли в своих руслах, нужно живое тело – высшая форма, облеченная сама в себя. Не хаос, не тьма и не свет. Не жара и не холод. Напротив – сознательное противодействие беспорядку. Отрицание всего остального, когда все остальное мертво. Ибо истинный лик смерти – это развоплощение, полное ничто, в котором царит хаос и гаснут последние искры энергии. Тебе понятно?

– Нет. Кто ты такой?

– Тогда все это можно представить по-иному. К'рул осознал, что в одиночку у него ничего не получится. Жертва, пролитая кровь из вен и артерий, пропадет втуне, зазря – без живой плоти, без упорядоченного существования.

Так вот, Сэрэн Педак: Пути суть диалог. Теперь ясно?

– Хватит!

Ее раздраженный крик эхом зазвенел в развалинах. Силкас с Чиком замерли и обернулись.

– Аквитор? – окликнул ее Фир Сэнгар. – С кем это вы спорите?

Удинаас лишь понимающе засмеялся.

– *Отринь галдящую толпу – магов, стражей, паразитов и охотников, старших и младших богов, что топят Пути в шуме. Закройся от них, как учил Корло. Вспомнить насилие значит воспроизвести ощущения из подробностей и так снова пережить ужасное событие. Он предупреждал, что это может войти в привычку, стать зависимостью, пока само отчаяние не станет желанным привкусом на языке. Так пойми же, поскольку лишь одной тебе дано, что отнять чью-то жизнь – это крайнее проявление отчаяния. Ты сама видела: Бурук Бледный. Ты чувствовала это у кромки моря. Сэрен Педак, принести жертву в одиночку К'рул не мог, в противном случае каждый из Путей был бы полон отчаяния.*

Диалог подразумевает нескольких. Да, общение одного с другим. Или с чередой «других», потому что диалог не может прекращаться, он должен идти вечно.

Говорю ли я о Господине Обителей? О Господине Колоды? Все может быть, ибо лицо «другого» вечно отвернуто – ото всех, кроме К'рула. Так и должно быть. Итак, диалог – это источник силы, невообразимой, практически всемогущей, неодолимой... лишь до тех пор, пока лицо «другого»... отвернуто.

Отвернуто от тебя, от меня, от всех нас.

Сэрен стала испуганно озираться, не притаился ли кто-то среди бескрайних развалин.

– *Этот диалог, впрочем, можно почувствовать и даже услышать – настолько он мощен. Строение языка, согласование между значением и мыслью, правила грамматики... Что такое Моккра, если не игры грамматики, Сэрен Педак? Подмена значений, ложные подтексты, двойные смыслы, которые путают ход мысли и заставляют разум обманывать сам себя.*

Так кто я такой?

Неужели не ясно, Сэрен Педак? Я – Моккра.

Вокруг начали собираться остальные. Откровение заставило ноги подкоситься, и Сэрен Педак рухнула на колени. От удара о каменные плиты наверняка будут ушибы и синяки. Тело и разум, чувства и сознание обменивались взаимными упреками.

Сэрен отогнала их прочь вместе с болью и погрузилась в состояние покоя.

Проще простого.

– *Берегись: обманывать себя крайне опасно. В следующий раз можно просто не заметить, как тебя ранило. Так и умереть можно, Сэрен Педак. Нет, если тебе нужно... проверить... выбери кого-нибудь другого.*

Будь у Корло больше времени, он бы тебя обучил.

– Так, значит... Значит, он знает тебя?

– *Не так близко, как тебя. Мало кто столь... одарен.*

– Но ты ведь не бог?

– *Лишний вопрос, Сэрен Педак.*

– Ты прав. И все-таки ты живой?

– *Если только слова о моем существовании не являются моим величайшим обманом!* –

В ответе звучала насмешка. – *У языка есть правила, и правила эти также описываются языком. По мысли К'рула, кровь уходит, а потом возвращается вновь. Сначала слабость, потом возрождение. Раз за разом, раз за разом. А теперь спроси себя: кто же тогда враг?*

– Не знаю.

– *Пока, возможно. Но тебе придется это узнать, Сэрен Педак. До того, как мы закончим.*

– Ты даешь мне цель? – Она улыбнулась.

– *Диалог, моя милая, не должен прекращаться.*

– Наш? Или тот, другой?

– *Твои спутники думают, что ты бредишь. Я оставляю тебя, но прежде скажи мне: кого из них ты выберешь для опытов?*

Она взглядела в нависшие над ней лица: обеспокоенные, насмешливые, любопытные, безразличные.

– Не знаю. Мне кажется, это... жестоко.

– *Такова сила, Сэрен Педак.*

– Тогда я выбирать не стану. Пока что.

– *Как пожелаешь.*

– Что с тобой, Сэрен? – спросила Кубышка.

Она улыбнулась и поднялась с земли. Удинаас – вот удивительно – протянул ей руку.

Сэрен поморщилась от боли; его губы тронула ухмылка.

– Здорово тебя приложило, аквитор. Идти можешь? – Он улыбнулся шире. – Теперь не будешь отрываться от нас, немощных?

– Вроде тебя, Удинаас? Нет, не буду.

Он нахмурился.

– Вот мы с тобой вдвоем.

Сэрен посмотрела ему в глаза, смущенно отвела взгляд и посмотрела снова, теперь уже тверже.

– Ты тоже слышал?

– А зачем? – шепотом спросил он, вкладывая ей в руки свою клюку. – Я и так знаю, каково это. Сушенный преследовал меня задолго до того, как я сбежал с севера.

Он передернул плечами.

Силкас Руин с Чиком уже ушли вперед.

Опираясь на имассово копье, Сэрен Педак пошла бок о бок с бывшим рабом. Ее вдруг захлестнуло непонятное чувство к этому разбитому человеку. *Возможно, так и ведут себя настоящие товарищи. Как мы с ним.*

– Сэрен Педак.

– Что?

– Может, перестанешь перекладывать муки со здоровых коленей на больные?

Перестану что? Ах да...

– Или хотя бы верни мне эту дурацкую палку.

– А если я скажу «прости», то...

– Ерунда. Нет, если хочешь, говори, конечно, и хватит на этом.

– Прости.

Его удивленный взгляд был настоящей наградой.

Разлившееся море скрыло землю под деревней. Не нужно было большого ума, чтобы сообразить переселиться на каменистую, поросшую деревьями террасу, поднимающуюся над поймой. Однако шайхи – та жалкая их горстка, поселившаяся здесь, – просто подняли дома на сваи и перекинули между ними дощатые мостки, продолжая жить над зловонной соленой топью, кишевшей крабами, которых за белый цвет панциря называли «черепушками».

Йан Товис и Йедан Дерриг во главе отряда улан подъехали к Концу Пути. По левую руку виднелась паромная пристань и сопутствующие постройки, по правую – груды поваленных, гниющих в воде деревьев. Было зябко – холоднее, чем обычно поздней весной, – и низко стелющийся туман почти скрывал болото под сваями и мостками.

Среди хозяйственных построек, расположенных на возвышении, выложенном тесаными бревнами, стояла каменная конюшня, а за ней, входом к деревне, – безымянный трактир.

Йан Товис спешила и какое-то время, закрыв глаза, стояла рядом с лошадей. *На нашей земле враг. Мне следует объехать все прибрежные гарнизоны... Странникова сила, они уже должны знать, что случилось. От такой суровой правды не скрыться. На империю напали.*

Но нет, теперь она – королева Последней крови, королева шайхов. Открыв глаза, Йан Товис усталым взглядом окинула глухую рыбацкую деревушку. *Вот он – мой народ, Странник, помощи. У нее имелись причины сбежать отсюда в свое время. Сейчас же их стало еще больше.*

– И что дальше, Сумрак? – спросил стоявший рядом Йедан Дерриг, ее сводный брат, ослабляя ремешок шлема с забралом.

Было видно, как под бородой у него ходят желваки. Йан Товис осознавала всю серьезность вопроса и тяжесть последствий ее ответа. *Что дальше, говоришь? Объявят ли шайхи о своей независимости, станут ли еще одной силой в войне между малазанцами и летерийцами? Призовем ли мы всех к оружию, включая самых юных? Шайхи кричат о свободе, но крики их тонут в грохоте прибоя.*

Она вздохнула.

– Я была командующим на Пределе, когда приплыли эдур. Мы сдались. Я сдалась.

Поступить иначе – самоубийство. Йедану следовало так сказать и на этот раз. Уж он-то понимал, насколько правдивы такие слова. Однако он лишь поводит челюстью, а затем, отвернувшись, стал всматриваться в широкий плоскодонный паром.

– Кажется, им довольно давно не пользовались. Судя по всему, побережье к северу от Оула затоплено.

Мне не за что зацепиться в его словах.

– Воспользуемся этим, вплоть до самого Третьего Девичьего форта.

Короткий кивок.

– Но сперва нужно собрать всех ведьм и колдунов.

– Почти все сейчас набились вон в ту деревушку, королева. Они знают, что ты вернулась – Пулли и Сквиш раструбили. Бьюсь об заклад, их когтистые ступни уже стучат по доскам.

– Отправляйся туда и приведи их, – приказала она, глядя на трактир. – Я буду ждать их здесь.

– А вдруг места не хватит?

Нашел из-за чего беспокоиться, подумала Йан Товис и пошла к входу.

– Тогда пускай взгромоздятся друг другу на плечи, как воронье. Они воронье и есть.

– Сумрак...

Она остановилась и повернула голову в его сторону.

Йедан снова затягивал ремешки на шлеме.

– Не надо.

– Не надо чего?

– Не заставляй нас воевать, сестра.

Она взглядела в его лицо, однако Йедан больше ничего не сказал. В следующее мгновение он развернулся и поехал к деревне, а Сумрак пошла дальше.

Подчиненные тем временем отводили лошадей в конюшню. Те спотыкались от того, что скользили копытами по сырým бревнам, да еще и устали. Последний раз уланы меняли скакунов в гарнизоне под Туламешем. Там практически никого не было – всех подняли разбираться с бандитами, которые якобы объявились в округе. Йан Товис почему-то была уверена, что никто не вернется.

Ее внимание привлекла каменная плита перед входной дверью. На ней были начертаны шайхские руны:

«Сия стела воздвигнута в честь Восхода по имени Тейан Атовис, взятого Берегом в 1113 году Острова. Убит летерийцами за непрощенные долги».

Йан Товис хмыкнула. Вот, еще один родственничек небось. Уже тысячу лет как мертв.

– Нет, Тейан, тебя убила выпивка, – пробормотала она вполголоса. – И теперь камень с твоим именем служит порогом для трактира.

Впрочем, да, существовали какие-то загадочные и неподъемные долги, которые привели к пьянству и бесславному концу. И все-таки подобные славословия искажают понимание того, какие силы вершат судьбы смертных. И теперь... *Новым Восходом станет Бруллиг. Сможет ли он стать королем, достойным Тейана?*

Она толкнула дверь и шагнула внутрь.

В тесном зале яблоку негде было упасть. Все как один посмотрели на Товис.

Из толпы возникло знакомое лицо – все в морщинах, среди которых пряталась полуулыбка.

– Вот ты где, Пулли, – поприветствовала ведьму Сумрак. – А я только что отправила Дозора в деревню за тобой.

– Ничего, найти ему Сквиш и десятки других. Прядут они нить на близком взморье у берега, королева, и читают все истины, там записанные. Чужаки...

– Знаю, – перебила Йан Товис и, отвернувшись от карги, окинула взглядом остальных ведьм и колдунов – поплечников, приверженцев Старых устоев.

В дымном мареве Сумрак видела только блестящие глаза шайхских старейшин да чуяла их запах: полуистлевшая сырая шерсть, заплаты из тюленьей шкуры, рыбий жир, пот и зловонное дыхание из ртов с больными деснами и гнилыми зубами.

Хозяина – или хозяйки – трактира нигде не видать. Собравшиеся сами открывали бочонки и наполняли чарки кисло пахнущим элем. На центральном очаге дымился огромный чан с ухой, а на столах всюду были разбросаны тыквенные плоские. По грязному полу разгуливали жирные крысы.

Ведьм куда больше колдунов, что бросалось в глаза. Частое явление среди отмеченных демонами: мальчиков с приемлемым набором черт, не походивших на чудовищ, рождалось все меньше. *Итого две с лишним сотни поплечников. И все в одном месте.*

– Королева, – вновь подала голос Пулли, склонив голову. – Нить прядется, все от шайхской крови знают, что ты правишь теперь. Кроме тех, кто на Острове, – тем ведомо только о смерти твоей матери.

– Так, значит, Бруллиг там, ждет...

– Истина, Сумрак, ждет, что быть ему Восходом, королем шайхов.

Странник меня побери...

– Нам нужно плыть на Остров.

Собравшиеся одобрительно загудели, прерываясь, чтобы опрокинуть очередную чарку эля.

– Этой ночью вы хотите устроить ритуал.

– Сказано, королева, мы ослабляем цепи. Ставим сети на течении мира и ждем улова.

– Нет.

– Что такое? – Черные глаза Пулли сузились.

– Я сказала: нет. Сегодня ритуала не будет. И завтра, и послезавтра тоже. Никаких ритуалов, пока не прибудем на Остров, да и после этого тоже.

Гомон в трактире тут же смолк.

Пулли хлопнула ротом, затем заговорила снова:

– Королева, на берегу звучат голоса, и слова, ими сказанные, для нас. Так... таковы Старые устои, наши устои...

– Да, знаю. И моя мать смотрела на это сквозь пальцы. Но я не стану. – Йан Товис снова окинула лица собравшихся: неверие сменялось злобой и ненавистью. – Старые устои раз из раза подводили нас. Ваши устои, – жестко повторила она, – не дали ничего. Теперь я королева.

Сумрак на Берегу. Рядом со мною Дозор и Восход. Станет ли им Бруллинг – увидим, но знайте, что ваше слово здесь веса не имеет, никакого. Восхода выбирают шайхи. Всем народом.

– *Не унижай нас, королева.*

Пулли больше не улыбалась. Ее взгляд и голос сочились ядом.

– Иначе что, старуха? – фыркнула Йан Товис. – Нашлешь на меня проклятье? Только посмей. Я желаю сохранить свой народ, провести его через все невзгоды. Ваше дело – исцелять и благословлять. Власти у вас больше нет. И не говори мне о матери! Мне лучше всех вас известно, как низко она пала. Теперь я королева. Вы должны подчиниться.

Никто не обрадовался. Истинная власть (если только жалкие проклятия, нашептанные в темных закоулках, можно считать властью) слишком долго была в их руках, и так просто они не уступят; придется вырывать ее силой. *Шабаи пойдет на все, чтобы меня свергнуть. Можно не сомневаться.*

Что ж, Йедан Дерриг, отныне придется тебе не Берег стеречь, а мою спину.

Вечерело. Скрипач открыл глаза и со стоном перекатился на спину. Слишком много лет ему приходилось спать на жесткой, холодной земле, укрывшись тонким шерстяным одеялом, вместо подстилки – изодранный дождевик. Теперь хотя бы можно спать днем, прогревая старые кости на солнце.

Сев, он оглядел поляну. Вокруг – свернувшиеся калачиком силуэты. У края на пне сидит Корики, чья вахта выпала последней. *Стало быть, лесорубы тут все-таки водятся.*

Вот только ни одного мы так и не увидели.

С высадки прошло три ночи. За это время их объединенный взвод немало продвинулся на восток, в глубь материка. *Вот ведь странная империя. Дороги, тропинки, усадьбы да пара прибрежных городишек. Куда же подевались эти Худовы тисте эдур?*

Скрипач поднялся на ноги, потянулся, чтобы размять затекшие мышцы и больные суставы. Он хотел начать сначала, стать простым «охотником за костями» по имени Смычок, никому не знакомым. Не вышло. Маскарад не сработал. Хуже того, Скрипач сам не верил, что смог начать с нуля, отбросить память о прошлых войнах. *В жизни так не бывает. Проклятье.* Он тяжело побрел к Корику.

Сэтиец-полукровка поднял взгляд.

– Ну разве это война, сержант? Я уже готов попросить Улыбку всадить мне кинжал в ногу, лишь бы кровь почуять. Может, Худ с ними, с этими эдурами, и пойдем убивать летерийцев?

– Землепашцев и свинопасов, что ли? Вообще-то, если не забыл, нам нужно склонить их на свою сторону.

– Из тех, что нам до сих пор попадались, даже завалящего взвода не сколотишь. Вот если бы мы как-то заявили о себе...

– Еще не время. К тому же, может, это просто нам так не везет. Бьюсь об заклад, другие взводы уже нарвались на разъезд-другой.

– Ха, как бы не так. Стоило хоть кому-то из наших разворошить это гнездо, леса вокруг уже кишели бы врагами. Ну, и где они?

Скрипач не нашелся, что ответить. Он почесался и отвернулся.

– Вздремни пока, солдат. К завтраку разбудим.

Ничего, Корики, жалуйся, пока можешь. Когда начнется свистопляска, мы будем вспоминать такие вечера с теплотой. Сколько еще раз он будет это обещать? Всё, что до сих пор случалось с «Охотниками за костями», мало походило на триумфальные гимны. Взять хоть Игхатан, где они с песней на губах шли напрямик в ловушку. Воспоминания по-прежнему больно ранили душу. Он просто обязан был почуять неладное. Да и Геслер тоже. *Да уж, подвели мы всех тогда... Здорово подвели.*

А того хлеще – в Малазе. Пришлось братья за оружие. Даже стену из щитов выставили прикрывать морпехов. *Подняли руку на толпу простых малазанцев, своих же соотечественников.* Всё потому, что это войско позарез нуждалось в настоящей битве.

Адьюнкт выбросила их на берег, будто пригоршню клещей на спину собаке. Рано или поздно псина начнет чесаться.

Темнело, солдаты понемногу просыпались. Скрипач подошел к своему рюкзаку, замер над ним. Внутри лежала Колода и ждала, когда ее прочтут. Соблазн был велик: хотя бы просто узнать, что их ждет... *Не дури, Скрип. Вспомни про Рваную Снасть и что с ней стало.*

– Не стоит, сержант.

Скрипач оглянулся на голос и нахмурился.

– Флакон, хватит читать мои мысли. К тому же не так-то здорово у тебя это выходит.

– Вы напоминаете человека, который зарекся пить, но все равно носит в кармане фляжку.

– Хватит, солдат.

Флакон пожал плечами и огляделся.

– А куда подевался Геслер?

– Небось пошел удобрять местную растительность.

– Возможно, – согласился Флакон, но как-то неуверенно. – Но я просыпался и раньше, а его уже не было.

Нижние боги. Отмахиваясь от мошкары, Скрипач пересек поляну; на другом конце расположился второй взвод. Ураган, весь взъерошенный, с листьями и веточками, застрявшими в косматой шевелюре и бороде, напоминал разбуженного медведя. Нависнув над громко храпящим Курносом, капрал пинал подчиненного по ребрам.

– Ураган, – тихо позвал Скрипач. – Куда ваш сержант подевался?

– Без понятия, – отозвался верзила. – Он последним сторожил у нас... Скрип, она ведь не стала бы сжигать «Силанду», правда?

– Конечно. Слушай, если Геслер не объявится, тебе придется его искать.

Ураган поднял на сержанта пороссячи глазки.

– Думаешь, заблудился? На него не похоже.

– Не пори чушь, капрал.

– Ага... А какой из твоего Корики следопыт?

– Не очень. Если честно, то никакой. Главное, ему этого не говори. Флакон...

– А от него у меня вообще мурашки, Скрип. Дрожит чаще, чем я в носу ковыряюсь.

Конечно, солдатская жизнь и все такое, но...

– Он говорит, что это не он.

– Ну, если Улыбка так уж хочет нырнуть к кому-то под одеяло...

– При чем тут Улыбка? Ты вообще о чем?

– О том, что...

– Послушай. Флакона преследует какой-то призрак. И не смотри на меня так – Быстрый Бен подтвердил. Призрак этот, ну... в общем, женский и немного необузданный в своих...

– Все маги – извращенцы.

– В нашем деле, Ураган, это не важно.

– Как скажешь. – Капрал встряхнулся и отвернулся.

«В нашем деле это не важно», – передразнил он шепотом.

– Я все слышу, капрал.

Ураган отмахнулся и направился к костру. Первым шагом он хорошенько отдал руку Курносу. Раздался хруст. Пехотинец с тихим стоном вскочил, а Ураган, не задерживаясь, пошел дальше. Курнос хмуро осмотрел неестественно выгнутый средний палец и, хорошенько потянув, вправил его. Затем поднялся и ушел в кусты отлить.

Скрипач почесал бороду и вернулся к своему взводу.

Да уж, грозное мы войско, ничего не скажешь.

Геслер бродил по странным развалинам. Солнце садилось быстро, и в сумерках руины казались еще более потусторонними. Между древних деревьев, куда ни глянь, круглые провалы колодцев, не меньше дюжины. Счистив мох с кладки, Геслер увидел, что камни отменно выточены и прилажены друг к другу безо всякой известки. Искусственные очертания он заприметил еще из лагеря, но сначала принял их за остатки давно обрушившейся колоннады. Обломков, однако, под ногами не было – только вывороченная корнями брусчатка. Приходилось следить, куда наступаешь.

Геслер уселся на край ближайшего колодца и уставился в непроглядную темноту, откуда тянуло стоячей водой. Ощущение, что любопытство не целиком угасло, как думалось ранее, странным образом успокаивало. Значит, Спруту – вот уж на что мрачный товарищ – он еще не уподобился. Впрочем, он повидал за свою жизнь немало, и кое-что навечно окрасило ему кожу, не считая менее заметных перемен. С другой стороны, весь этот груз увиденного, сделанного, не сделанного, лишь выматывал, и больше ничего.

Геслер больше не мог смотреть на пляшущие огоньки походного костра: перед глазами неизменно вставал Истин и его бесстрашный бросок в охваченный пламенем и'гхатанский дворец. При взгляде на арбалет во время плутаний по этим проклятым лесам вспоминался Пэлла, как он со стрелой во лбу заваливается на бок, едва их взвод вошел в город. В каждом вороном крике слышались отголоски воплей призраков, которые уничтожили лагерь «Живодеров» в Рараку. Истесанные ладони с разбитыми костяшками вызвали образ того виканца – Колтейна – на берегу Ватара. *Боги, преодолеть такой путь с толпой беженцев и пасть жестокой смертью по вине предателей.*

Бойня в Арэне. Логросовы т'лан имассы восстали из уличной пыли и принялись уничтожать жителей города – только мелькали каменные мечи. Если бы тот бывший «красный клинок» не распахнул ворота для бегства, не выжил бы никто. Совсем. *Только малазанцы, которые могли лишь наблюдать за резней со стороны. Беспомощные, как младенцы...*

Еще – корабль на волнах пламени, плывущий за огнедышащим драконом, и первая встреча с тисте эдур. Мертвый, тот сидел в кресле, прибитый к нему гигантским копьем. Внизу – банки с обезглавленными гребцами, сжимающими в руках весла. Отрубленные головы кучей сложены у главной мачты; их глаза щурятся от яркого света, лица искажают жуткие гримасы...

Так кто же вырыл здесь эти двенадцать колодцев? Вот что интересно.

Наверное.

Вспомнился стук в дверь, а за ней – знакомый т'лан имасс, вымокший насквозь. Геслер даже испытал внезапную радость от этой встречи. *Ураган, это к тебе. И да, рыжеволосый вол, мне такое снится.* Что это говорит о самом Геслере? *Ну уж нет. Я любопытен, но все-таки не настолько.*

– Вот ты где.

Геслер обернулся.

– Ураган, ты? А я как раз про тебя вспоминал.

– В смысле?

– Да вот думал, войдешь ты сюда или нет. – Геслер указал на темный провал. – Сдается мне, голова все же не пролезет. А жаль.

Капрал подошел ближе.

– Ты забываешь, сержант, что я из тех, кто всегда дает сдачи.

– Правда? Запомнил что-то.

– Напомнить?

– Лучше скажи, зачем я тебе понадобился.

– Собираемся уходить.

- Ураган.
- Чего?
- Что ты об этом думаешь?
- Кто-то просто обожал рыть колодцы.
- Да не об этом – о войне. Ради которой мы оказались здесь.
- Пока не знаю. Как начнем крушить черепа, скажу.
- А если не начнем?

Ураган пожал плечами и запустил широкую, поросшую щетиной пятерню в спутанную бороду.

- Значит, «Охотники за костями», как всегда, окажутся не у дел.

Геслер усмехнулся.

- Ладно, пошли... Хотя постой. Сколько раз мы с тобой бились?
- Друг с другом?
- Да нет, дурья твоя башка, бок о бок. Сколько?
- Не считал.
- Врешь.

– Хорошо-хорошо. Тридцать семь. И'гхатан не в счет, меня там не было. Так что в твоём случае тридцать восемь.

- А скольких битв нам удалось избежать?
 - Несколько сотен.
 - Видно, дружище, мы с тобой поднаторели в этих делах.
- Огромный фаларец нахмурился.
- Сержант, ты что, нарочно решил мне настроение испортить?

Корик затянул ремешки на своем объемистом рюкзаке.

- Просто дайте мне уже кого-нибудь убить, – прорычал он.

Флакон, потирая глаза, посмотрел на сэтийца-полукровку.

- Пожалуйста: вот тебе Улыбка. Или, вот, Битум. Главное – напасть неожиданно.
- Издеваешься?

- Нет, просто отвлекаю внимание от самого хилого солдата во взводе. То есть себя.

- Ты же маг. Вроде бы. Пахнешь точно как чародей.

- И что?

– А то. Если я тебя прибью, ты напоследок меня проклянешь, и жизнь моя станет невыносимой.

- Что изменится?

– Знать, отчего у тебя все так гадко, куда хуже, чем страдать без повода, просто по образу жизни. – Корик ни с того ни с сего вытащил длинный кинжал – свое самое свежее приобретение. – Видишь? Прямо как у Калама. Жутко легкий и быстрый, вот только против доспехов так себе.

– Так Калам и бил им не в доспехи, а между – в горло, в подмышку, в пах... Отдал бы ты этот нож Улыбке.

- Ага, сейчас. Я потому и взял его, чтобы *ей* не достался.

Флакон оглянулся на заросли, в которые немногим ранее ушла Улыбка. Она возвращалась, за умиротворенным выражением лица, без сомнения, скрывались всевозможные злобные замыслы.

– Надеюсь, от нас не требуется биться с тисте эдур, как тяжелым пехотинцам. – Флакон обращался к Корику, но не сводил взгляда с Улыбки. – Наш взвод, за исключением тебя, Битума и, может, Корабба, не очень-то тянет на кольчужную рукавицу. Наше дело – обманки, удары исподтишка. Так что такая война по нам. – Оглянувшись, он увидел, что полукровка

буравит его угрюмым взглядом. По-прежнему с кинжалом в руках. – Впрочем, если потребуются, мы, пожалуй, перестроимся. Значит, мы наполовину кольчужная рукавица, наполовину кожаная перчатка. Что скажешь?

– Не важно. – Корик убрал кинжал в ножны. – Когда я сказал, что хочу кого-нибудь убить, то имел в виду врага.

– Тисте эдур.

– Сгодятся и летерийские бандиты. Должны же у них бандиты водиться.

– Какие?

– Что значит «какие», Флакон? Самые обыкновенные – те, что по деревням промышляют.

И чтобы главари усаые с дурацкими прозвищами. Зорала Хохотун, там, Храбрый Памбр...

На последних словах подошла Улыбка.

– Да-да, помню эти басни, – отозвалась она, громко прыснув. – Храбрый Памбр в шляпе с пером и его горбатый напарник Малец-Хитрец Помоло. Вдвоем они обчистили Королевскую сокровищницу Ли-Хэна. Перерезали Великий канат, на котором держался Плавучий Авали. А Зорала мальчишкой забрался на самое высокое дерево в лесу да слезть не смог. Так и жил там, пока спустя много лет не пришел дровосек...

– Нижние боги, – простонал из-под одеяла Спрут. – Кто-нибудь, перережьте ей глотку.

Плотно сжатые губы Улыбки изогнулись в полном соответствии с прозвищем.

– Что ж, хоть у меня сегодня ночью хорошее настроение.

– Иными словами, сегодня ночью тебе перепало...

– Язык прикуси, Корик, или в следующий раз проснешься без косичек. И не спрашивай, что я с ними сделаю. Поверь, тебе не понравится. И ты, Флакон, тоже не обольщайся на свой счет. Однажды я прикрыла тебя, но это было в первый и последний раз.

– Лучше оставь Корику его косички. Он ими сопли вытирает, – хмыкнул Флакон.

Подошел Скрипач.

– Спрут, поднимайся. Вот, взгляни на Корабба – единственный из всех тут, кто готов...

– Нет, сержант, не готов, – отозвался Корабб. – Я просто спал в доспехах, и теперь мне очень нужно отлить. Вот только...

– Отставить, – перебил его Скрипач. – Выходим. Постараемся и сегодня не наткнуться на эдур.

– Можно устроить лесной пожар, – предложил Корик.

– Так мы же попадем тогда в самое пекло, – возразил Битум.

– Просто мысли вслух.

Корабб Бхилан Тэну'алас был вынужден признать, что эти малазанцы ничем не походили ни на «живодеров», ни на воинов армии Леомана. Да и на людей, пожалуй, тоже... скорее на зверей. На оголодавших псов. Вон и лаются друг с другом так же.

На Корабба, к счастью, внимания почти никто из них не обращал. Даже Флакон, которого сержант наказал ему стеречь. Прикрывать чью-нибудь спину было привычным занятием, так что приказ сопротивления не вызывал. С другой стороны, Флакон – маг, а магам Корабб не доверял. Те заключают сделки с богами, впрочем, для этого не обязательно быть магом. Нет, сделки заключают и самые надежные командиры, предводители, за которыми воины были готовы пойти хоть напрямиком в Бездну. Заключают – и обрекают каждого на пламенный ад, даже тех, кто сбежал.

Да, сбежал.

Корабб был доволен, что все это осталось позади. Дела прошлые, а значит, больше играют роли... потому что все в прошлом. Теперь у него новая история. Она началась в туннелях под Игхатаном. Среди этих... зверей. Но вот еще Скрипач. Корабб без колебаний был готов следовать за сержантом, потому что он того заслуживал. В отличие от некоторых.

На «войско» четырнадцать человек не тянули, но приходилось довольствоваться и этим. Корабб не терял надежды, что когда-нибудь, когда углубятся на материк, они окажутся в пустыне. Пока что здесь слишком много деревьев, слишком сыро и слишком зловонно. А еще хочется снова сесть на лошадь. Столько ходить пешком просто вредно.

Объединенный взвод покинул поляну и погрузился в лесную темноту. Корабб пристроился рядом с Флаконом.

– Корабб, ты? – поморщился маг. – Будешь защищать меня от летучих мышей?

– Если нападут, то буду убивать, – пожал плечами воин.

– Только посмей. Я, между прочим, люблю летучих мышей. Даже разговариваю с ними.

– Как с той крысой, которую ты завел, и ее отродьем?

– Именно.

– Поверить не могу, что ты бросил их на горящем судне.

– Да ни за что в жизни. Я переправил их на «Пенного волка». Довольно давно, кстати...

– Ага, чтобы шпионить за адьюнктом.

– Нет, из жалости. Видишь ли, я догадывался, что корабль не...

– И чтобы шпионить.

– Да-да, хорошо. И чтобы шпионить. Давай не будем об этом, а?.. Леоман тебе рассказывал о своей сделке с Королевой грез?

– Мне не нравится эта тема, – заметил Корабб, хмурясь. – Дела прошлые, а значит, и говорить не о чем.

– Ладно, но почему ты все-таки не ушел с ним? Он ведь наверняка предлагал.

– Если мне попадется хоть одна летучая мышь, я ее убью.

– Перестаньте трепаться, Худ вас дери! – прошипели откуда-то спереди.

Кораббу очень хотелось оказаться верхом на добротном скакуне, посреди песка, под палящим солнцем. Тот, кто не бывал в пустыне, никогда не поймет, какое это чудо – вода. Здесь же воды столько, что ноги начинают гнить. Так же неправильно.

– Кошмарная страна, – пробормотал он.

Флакон хмыкнул.

– Скорее бессмертная. Под каждой корягой, под каждым валуном здесь копошатся призраки, слой за слоем. Совы, кстати, их видят. Бедняжки.

Спереди снова зашипели.

Начался дождь.

Даже небо презирает воду. Кошмар.

Трантало Кендар, младший из четырех сыновей в клане бенедов (тисте эдур, что живут на побережье), величаво восседал на своем скакуне, чем, увы, не могли похвастаться его спутники. Во всем отряде только он находил общий язык с лошадьми. Во время завоевания Трантало едва-едва исполнилось пятнадцать. Крови он не нюхал и о том, что такое война, знал только потому, что ходил в учениках у дальней родственницы, которая служила целительницей в войске Ханнан Мосага.

Так ему пришлось столкнуться с тем страшным следом, какой война оставляла на прежде здоровых и сильных воинах: ужасающие увечья, гноящиеся ожоги, отсохшие конечности – результат летерийского колдовства. Разыскивая раненых на полях сражений, Трантало узнал, что таким же боли и мучениям подвергались и летери.

С тех пор жажды сражений у юноши заметно поубавилось. Сверстники находили в этом повод для насмешек, но они не видели вывалившихся кишок и раскрытых черепов, не слышали отчаянных стонов о помощи, на которые откликались лишь чайки да воронье. Они не перевязывали бесконечные раны, не смотрели в пустые глаза солдат, напуганных осознанием

собственной смертности или того хуже – раздавленных уродством, потерей рук и ног, утратой смысла жизни.

Трантало не замечал за собой ни особого ума, ни талантов, разве что к верховой езде, но все же попал в отряд с одиннадцатью бывалыми воинами-эдур, четверо из которых, включая командира – Эстава, старшего из братьев Кендар, – происходили из клана бенедов. Он гордился тем, что ехал во главе колонны, направлявшейся по прибрежному тракту к замку Боарал. Там им надлежало, насколько он понял, наказать летери за какой-то проступок.

Это была самая дальняя поездка Трантало на юг от Ренниса с того дня, когда он вырвался из-под теткиной опеки (та жила неподалеку от города Оул). Стен Летераса юноша не видел, как и побоищ под ними, – и к счастью, ведь, по рассказам, колдовство, которое творилось в заключительных боях, страшнее некуда.

Жизнь в Реннисе исподволь приучала его к превосходству. Одной только принадлежности к народу тисте эдур хватало, чтобы вызывать у раболепных летери страх и подобострастие. Последнее очень льстило. Страх, конечно, печалил, однако юноша не питал иллюзий и понимал, что подобострастие, которым он так наслаждался, происходит именно из страха.

– Угроза расправы – вот что делает этих жалких созданий покорными, – так сказал ему Эстав в первые дни после переезда в Реннис. – И порой, мой юный брат, нам придется напоминать им об этой угрозе. Кровью.

Восторг от поездки, пускай и в забытый всеми богами замок, омрачало только предчувствие того, что отряд направляется туда именно за расправой. Вершить кровавый суд. Так что неудивительно, почему летери старались не вмешивать эдур в свои склоки. *Но нам не до расшаркиваний и уж тем более не до подробностей. В ход пойдут мечи, причем, скорее всего, уже этой ночью.*

Трантало знал, что Эстав не будет ничего от него требовать. Хватало и того, что он едет во главе колонны. В замке же ему, скорее всего, поручат стоять у ворот, не больше. Трантало это более чем устраивало.

Стремительно темнело. Отряд съехал с широкого берегового тракта на узкую тропу, ведущую к замку. Вдоль тропы шли крутые и довольно высокие – стоящему по грудь – насыпи, из которых торчали переплетенные корни. С обеих сторон нависали деревья, почти срастающиеся ветвями. За изгибом дороги показался частокол: сплошь необтесанные стволы (на некоторых даже осталась кора), то покосившиеся, то ушедшие в землю. Слева, у ольхово-березовой рощицы, примостилась горстка полуразвалившихся хозяйственных построек, а справа в зарослях травы почти у ворот виднелась телега со сломанной осью.

Не доезжая до входа, Трантало натянул поводья. Ворота были незаперты. Одну воротину из стволов молодых деревьев, скрепленных досками крест-накрест, как распахнули, так и бросили; сквозь нее уже проросла трава. За воротами открывался вид на двор, подозрительно пустой. Послышался стук копыт – это подъехали спутники, и Трантало пустил свою лошадь дальше, пока из темноты не показался покрытый сажей фасад замка. В узких оконных проемах – ни огонька. Между раскрытых дверей зияла пустота.

Эстав поравнялся с братом.

– Чего замер, Трантало? – поинтересовался он.

– Этот замок заброшен, преда, – доложил Трантало, в который раз смакуя звучание нового летерийского звания. – Может, мы не туда приехали?..

– Это Боаралов замок, – подтвердили сзади. – Я тут уже бывал.

– И здесь всегда так тихо? – спросил Эстав, привычно изогнув бровь.

– Почти. – Воин осторожно приподнялся на болтающихся летерийских стременах и огляделся. – Должны быть факелы, не меньше двух: один – над той телегой, другой – во дворе.

– А стражи что, нет?

– Должен быть один охранник... Отлучился небось в отхожее место...

– Нет, здесь пусто, – возразил Эстав и, тронув поводья, направил коня к воротам, Трантало следом.

Братья подъехали к ступеням, ведущим в донжон.

– Эстав, тут на лестнице какие-то пятна.

– Верно. Зоркий у тебя глаз, братец.

Старший брат с явным облегчением спешил и, передав поводья младшему, подошел ближе ко входу.

– Это кровь.

– Мятеж?

Оставив одного сторожить лошадей, другие воины тисте эдур разбрелись по двору в поисках конюшни, кузницы, курятника и колодца.

Эстав разглядывал кровавый след, спускавшийся со ступенек на землю.

– Тело выволокли наружу и потащили...

Он поднял голову, посмотрел в сторону конюшни и вдруг, вскрикнув, осел на землю.

– Эстав?

Трантало оглянулся и увидел, как еще четверо воинов, скорчившись, упали. Раздались крики – трое у конюшни; к их ногам подлетело что-то вроде булыжника.

Вспышка. Гулкий треск. Визг и облачко дыма. Воины лежали навзничь.

Трантало высвободил ноги из стремян и, перекинувшись через седло, спрятался за крупом. Во рту пересохло, хоть спичкой чиркай. Сердце билось так, что почти заглушало все прочие звуки извне. Он вытащил меч и кинулся к брату.

– Эстав!

Тот сидел, вытянув ноги вперед, упершись руками в грязь, будто ребенок. Из груди что-то торчало: короткое древко, как у стрелы, но толще, а вместо оперения – плотные, закрученные куски кожи. Кровь залила подбородок и пропитала шерстяную накидку. Раскрытые глаза не моргали.

– ...Эстав?

Во дворе зазвенела сталь.

Трантало с трудом оторвал взгляд от тела, не веря, что брат мертв. Двое воинов-эдур, отчаянно отбиваясь, пятились к лошадям, которые беспокойно топтались в нескольких шагах от ворот. Тот, кого оставили сторожить, на четвереньках отползал к выходу. Из головы у него что-то торчало.

Темно, противников, тесно сцепившихся с тисте эдур, не разглядеть. Трантало только понял, что их четверо, они хорошо вооружены и защищены.

Что-то промелькнуло за спиной у соплеменников. Трантало вскочил, хотел окликнуть их, предупредить, но горло вдруг запылало огнем. Задышавшись, он пошатнулся и нащупал в шее нечто холодное и острое. Кровь струилась из рта, заполняла легкие. Откашливаясь и захлебываясь, он упал на колено почти рядом с братом. Свет в глазах стал меркнуть, Трантало из последних сил вытянул руки.

Эстав!..

На этом все оборвалось.

Хеллиан вышла из конюшни почти не шатаясь. Горячка схватки осталась позади, и теперь от пота пробивала дрожь. Драка всегда приводила сержанта в чувство – неизвестно как, но, в общем-то, это было даже неплохо.

– Эй, там, чтоб вас, зажгите уже фонарь! – рявкнула она. – А ты, Может, убирай свою шрапнель, кончилось все... Вот тебе и большой жуткий враг, – добавила она с шумным вздохом.

Хеллиан подошла ближе к телам двух эдур у донжона и указала на них мечом.

– Проверь их, Тавос. Мало проткнуть кого-то, а потом просто стоять и смотреть. Вдруг еще укусит?

– Дадохлые они, как моя личная жизнь, – отозвался Тавос Понд. – Кто там снял первого-то? Выстрел – просто шик.

– Мазок, – ответила сержант, глядя, как остальные бойцы во главе с Урбом осматривают трупы других эдур во дворе. – А моя спина служила упором.

– Ваша спина?

– Блевала я, чего тут неясного? Как раз между позывами он и выстрелил. Точно в сердцевицу, а?

– Так точно, сержант.

– Вот, а ты ром тащить не хотел. Теперь понимаешь, почему я тут командую? Где там мой капрал?

– Здесь.

– Тут я.

– Собери лошадей – дальше едем верхом... И плевать, что там приказывал Кулак.

Услышав эти слова, Урб оглянулся и подошел.

– Хеллиан...

– Вот только не надо меня убалтывать. Я еще не забыла, чем кончаются твои уговоры. – Она достала флягу и сделала глоток. – Смотри у меня, Урб!.. Так, а теперь, кто стрелял, собирают стрелы – все до единой!

Она снова опустила взгляд на мертвых эдур.

– Как думаете, мы первые из наших, кто ввязался в драку? – спросил Тавос Понд и, нагнувшись, обтер свой клинок плащом старшего тисте эдур.

– Мы на войне, Тавос Понд, на самой что ни на есть настоящей.

– Если они все такие же беспомощные, как эти...

– Мы застали их врасплох. Ты что, думаешь, нам до самого Летераса будет так везти? Сейчас же выбрось это из головы. – Она сделала еще пару глотков, выдохнула и вперилась в Урба. – Очень скоро охотиться станут на нас. А значит, надо двигаться верхом, чтобы опережать новости о вторжении. Потому что эти новости – мы, и мы сами будем их доставлять. Как, собсно, и должно быть. Усекли?

К Урбу подошел капрал Рим.

– Сержант, у нас двенадцать лошадей.

– Блеск, по одной на каждого, – заявила Хеллиан.

Рим нахмурился.

– Вообще-то, по моим подсчетам, кому-то придется ехать вдвоем.

– Как скажешь. Так, а теперь надо убрать тела. Деньги при них нашли? Кто смотрел?

– Немного, – отозвался Может. – В основном галька.

– Галька?

– Сначала мне показалось, что это камни для пращи, но пращами никто вооружен не был. Так что да, галька, сержант.

Солдаты подхватили мертвых эдур и потащили в сторону. Хеллиан отвернулась. *Вот Опоннова тяга, наткнулись на целый замок, а в нем только свежий труп летерийца. Все помещения обнесены подчистую, только в кладовых осталось немного провианта. При этом ни капли вина или пива, что, по мнению Хеллиан, однозначно указывало: империя в страшном упадке и полностью заслуживает, чтобы ее разнесли до основания.*

Жаль, такой возможности им не представится.

Впрочем, как выяснилось, нарушать приказы время от времени полезно для здоровья. Думаю, пора начать охотиться на эдуров. Сержант снова окинула взглядом двор. Растрепанная ночь. В ней только маги видят. Ну и эти, серокожие.

– Эй, Урб, – тихо позвала она.

Он подошел поближе, немного с опаской.

– Что?

– Надо подгадывать налеты к вечерним и утренним сумеркам.

– Да, ты права. Знаешь, я рад, что наши взводы поставили вместе.

– Еще б. Ты п'нимаешь меня, Урб. Пожалуй, единственный из всех. – Она утерла нос тыльной стороной ладони. – Как это п'чально. Весьма п'чально.

– Что именно? То, что мы убили этих тисте эдур?

Хеллиан приподняла брови.

– Да нет же, олух. То, что, кроме тебя, меня никто не п'нимает.

– Да уж, это точно. Беда.

– Ты прям как Банашар. Что я ни скажу, он глядит на меня – вот как ты – и говорит «беда». В чем дело, а?

Она тряхнула фляжку. *Еще половина, но с каждым глотком будет оставаться все меньше, значит, пора наполнить. Надо следить за такими вещами, не то ну как попадем в переплет, а я на сухую?*

– Все, по коням.

– А если наткнемся на какой-нибудь летерийский отряд?

Хеллиан наморщила лоб.

– Тогда сделаем, как приказал Кенеб. Поб'лтаем.

– А если им не понравится наше предложение?

– Тогда убьем их, и вся недолга.

– А мы скачем напрямиком в Летерас?

Хеллиан улыбнулась и постучала пальцем по лбу, который уже стал немного ватным.

– Я запам... зауч... замучила карту. Тут есть города, Урб. А чем ближе к Л'терасу, тем больше. А город значит что? Пра'льно, таверны. Корчмы. Короче, мы пойдем иным путем, не-пред-ска-зу-е-мым.

– То есть мы будем захватывать Летер таверна за таверной?

– Ага.

– Не думал, что скажу это, но план мне нравится.

– А то ж! Прибавь к нему еще добротную кормежку. В общем, будем воевать, как ци-ви-ли-зо'нные люди. По-хеллиански.

Тела эдур, с которых сняли часть одежды и ценности, отправили вслед за одиноким лете-рийцем в выгребную яму. Та оказалась неожиданно глубокой, густое месиво поглотило все без следа.

Туда же малазанцы покидали и гальку.

А потом ускакали по дороге в ночь.

– Похоже на перевалочный пункт, – прошептала капитан.

Клюв пригляделся.

– Я чую лошадей, командир. Вон в той вытянутой постройке.

– Да, это конюшня, – кивнула Фарадан Сорт. – А тисте эдур ты чуешь?

– Нет. У них свеча, как правило, темно-синяя, самый темный оттенок Рашана, но не темнее Куральд Галейна. Они зовут его Куральд Эмурланн, но их синяя свеча покрыта какой-то грязной пенкой, вроде как на волнах в гавани. Это хаотичная сила. Больная. Похожа на боль, сильную боль, если боль может приносить удовольствие... Не могу выразить. Не нравятся мне эти тисте эдур.

– Так они здесь?

– Нет, командир. Я имел в виду вообще, на континенте. А здесь только летерийцы. Четверо. Вон в том домике у дороги.

– Магия?

– Только обереги.

– Нам нужно угнать четырех лошадей. Ты можешь заморозить этих летерийцев?

– Да, серой свечой. Но когда мы уйдем, пропажу обнаружат.

– Тоже верно. Твои предложения?

Клюв был счастлив, как никогда раньше. Капитан интересовалась его мнением, выслушивала предложения. Причем искренне, не напоказ. *Я влюбился.* Кивнув, маг приподнял каску и расчесал волосы.

– Не просто заморозить, командир. Мы применим куда более сложное колдовство, а довершит дело оранжевая свеча...

– То есть?..

– Телланн.

– Будет много следов?

– Если уведем всех лошадей, капитан, то нет.

Клюв видел, как она изучающе смотрит на него. Интересно, о чем она думает. Ее суровое, но красивое лицо почти ничего не выражало. В глазах тоже мало что читалось. Да, точно, он любит Фарадан Сорт, но в то же время и побаивается ее.

– Хорошо, Клюв. Что должна делать я?

– Нужно собрать всех лошадей у выхода из конюшни, оседлать пару. Ах да, и еды в дорогу прихватить.

– Точно никто не поднимет тревогу?

– Они ничего не услышат, командир. Вы хоть сейчас можете постучаться к ним в дверь – они даже внимания не обратят.

– То есть мне просто взять и пойти, вот так, напрямик? – уточнила капитан.

Клюв широко улыбнулся и закивал.

– Нижние боги, – пробормотала Фарадан Сорт. – Никогда к этому не привыкну.

– Их головы во власти Моккры, командир. Этих летерийцев прежде ни разу не зачаровывали – наверное, – так что сопротивляться они не в состоянии.

Перебежками, пригибаясь к земле, хоть в этом и не было нужды, капитан направилась к конюшне и уже скоро оказалась внутри.

Клюв знал, что ей потребуется некоторое время. *Подумать только, я только что отдал приказ командиру! И она его выполняет! Неужели и она меня любит?..* Он отогнал эти мысли. Сейчас не до мечтаний. Маг вышел из-за деревьев, которые росли в стороне от мощенной камнем дороги, подобрал булыжник, плюнул на него и положил на место, тем самым сохраняя в нем чары Моккры. Затем закрыл глаза и потянулся за белой свечой.

Худ. Смерть и лютый холод. Даже воздух здесь гиблый. Перед мысленным взором мага возникло подобие окна; деревянный подоконник покрыт толстым слоем воска, рядом мерцает свечка. За окном – равнина, усыпанная прахом и усеянная костями всевозможных форм и размеров. Протянув руку, Клюв взялся за тяжелую длинную кость и протаскил на свою сторону. Не теряя времени, он извлек столько, сколько пролезло в постоянно меняющийся проем, стараясь выбирать наиболее крупные. Он понятия не имел, каким существам принадлежали останки, но для дела это неважно.

Когда на дороге набралась достаточная груда пыльных костей, Клюв закрыл окно и открыл глаза. Капитан стояла у входа в конюшню и махала ему.

Он махнул в ответ и, обернувшись, показал костям свет лиловой свечи. Те взметнулись в воздух, как перья на ветру, и последовали за магом к Фарадан Сорт, паря на уровне пояса над землей.

Не дожидаясь Клюва, капитан скрылась в конюшне, а когда маг подошел, вывела лошадей ему навстречу.

Широко улыбаясь, он вошел в постройку, кости – следом. Внутри пахло приятно и знакомо: затхлостью, кожей, конским навозом и сырой соломой. Клюв раскидал кости по стойлам, после чего задул лиловую свечу. Подойдя к дальней охапке соломы, он закрыл глаза, пробудил оранжевую свечу и сплюнул, затем снова вышел на улицу, где ждала капитан.

– Все, можем ехать.

– Точно все?

– Да, командир. Как только мы проделаем тысячу шагов по дороге, вспыхнет Телланн...

– Огонь?

– Да, командир. Будет страшный пожар, даже не подойти. Пламя все сожрет быстро, но при этом никуда не перекинется. К утру останется только зола.

– И кости, обугленные до неузнаваемости. Как будто конские.

– Так точно.

– Отлично сработано, – похвалила Фарадан Сорт и вскочила в седло.

Чувствуя невыразимую легкость, Клюв запрыгнул на другую лошадь и с гордостью окинул взглядом еще семь животных, которых они уводили в поводу. Хорошие, только неухоженные. Правильно сделали, что угнали их. Что-то, а следить за лошадьми малазанцы умеют.

Вдруг он опустил глаза на стремяна и нахмурился.

– Это еще что? – прошипела капитан. Стремяна, оказалось, вызвали недоумение и у нее.

– Может, сломаны?

– Судя по всему, нет. У тебя точно такие же. Какой недоумок их придумал?

– Сдается мне, капитан, летерийской конницы можно не опасаться.

– Верно подмечено, Клюв. Ладно, поехали. Надеюсь, сразу же мы с лошадями не наведемся...

Отец частенько рассказывал Горлорезу о том, как Император – тогда еще просто Келланвед, без титулов, – захватил Ли-Хэн. Да, он уже завладел Паяцевым замком и провозгласил себя правителем острова Малаз, но кому на континенте было дело до захудалой пиратской гавани? Один преступный тиран сменил другого преступного тирана – и что?

После завоевания Ли-Хэна все изменилось. Ничто не предвещало нападения. В устье реки с юга и востока не было ни одного вражеского корабля. Стояло обычное весеннее утро, совершенно неотличимое от других. Если бы отец Горлореза и тысячи прочих благообразных обитателей города не взглянули бы в сторону Внутреннего покоя, где возвышался дворец Хранительницы Ли-Хэна, то не заметили бы непонятные силуэты на стенах: приземистые, широкоплечие, одетые в меха, с уродливыми мечами и топорами, на головах – костяные шлемы.

Куда подевалась хваленая стража? Почему над казармами и парадным плацем вьется дым? И людям правда не померещилось, как с Высокой башни у городского храма посреди упало тело Хранительницы?

Кто-то проник во дворец и обезглавил Ли-Хэн. Нежить встала на стены, а вскоре тысячным войском хлынула из ворот Внутреннего покоя и заняла город. Местная армия сдалась в тот же день, после всего лишь нескольких самоубийственных стычек. Правителем города-государства стал Келланвед. Военачальники и придворные преклонили перед ним колени, а эхо победы сотрясло стекла во дворцах по всему Квон-тали.

– Это, мой сын, было пробуждение логросовых т'лан имассов, немертвого войска Императора. Я был там и своими глазами видел на улицах воинов с пустыми глазницами, потрескавшейся кожей, бесцветными прядями волос. Говорят, мой сын, логросы всегда были там, под Предельными порогами. Может, в Расщелине, а может, и нет. Или же они образовались из пыли, которую днями и ночами напролет несло с запада, кто знает? Но именно Келланвед

пробудил их, подчинил себе, и на следующий день каждый правитель на Квон-тали увидел в своем зеркале череп, истину говорю.

Корабли пришли потом, под командованием троих безумцев: Краста, Урко и Нока. Первой на берег сошла, однако, Стерва – и ты знаешь, кем она стала потом, так ведь?

Еще как. Сколько бы т'лан имассов тебе ни подчинялось, от ножа в спину они не защитят. Это открытие стало поворотным в жизни Горлореза. Тысячное или даже десятитысячное войско. Маги и имперские флотилии. Миллионы подданных... Настоящая сила не в этом. Настоящая сила – в кинжале и в руке, которая лежит на спине глупца.

Только на том свете все равны. Такого ты, старый краб, за свою долгую бессмысленную жизнь небось и не слышал. Расписывать горшки – бесполезное занятие, ведь горшки не вечны. От них остаются лишь осколки, которыми усеян песок; строители толкут их и делают замазку для стен; крестьяне крошат их и удобряют почву. И помнится мне, отец, на твою роспись «Пришествие Логроса» зарились куда меньшие, чем на портовых шлюх.

Старший сын, наследник рода... но крутить гончарный круг, смешивать глазурь и обжигать горшки – не его призвание. *Мог бы изобразить меня, отец. Назвал бы роспись «Пришествие убийцы». Чем не украшение для погребальных урн – для тех, кто погиб от ножа, конечно? Увы, ты мало знал мир, поэтому не понял, что я, мое ремесло и моя война против неравенства в этом самом несправедливом из миров достойны увековечения.*

А уж отречься от меня и лишиться наследства вовсе не стоило.

В четырнадцать лет Горлорез попал в общество неразговорчивых стариков и старух. Как и зачем – не имеет значения. Будущее его было расписано вплоть до шагов, и даже богам не под силу заставить его свернуть с избранного пути.

Время от времени он интересовался судьбой наставников. Все, конечно, были мертвы. Стерва позаботилась. Не то чтобы их смерть означала конец всему. В конце концов, ее людям так и не удалось поймать Горлореза, и едва ли он – единственный, кто спасся от Когтей. Иногда он задумывался и над тем, продолжается ли его путь – в отрыве от Малазанской империи? Впрочем, Горлорез отличался терпением: в таком ремесле по-другому никак.

Адъюнкты, однако, требуют верности. Требуют служить непонятному делу. Говорит, мы сами себе свидетели. Что ж, по мне, и так сойдет. Убийцы лишние глаза ни к чему. Значит, пока что он последует за Тавор и ее войском несчастных глупцов, влекомых Опоннами. Пока что.

Он стоял в личных покоях Бруллига, подпирая стену, сложив руки на груди, и со скучающим интересом наблюдал за происходящим. Время от времени что-то тихонько, слабее комара, кололо сердце.

Бедняга шайх сидел, съездившись, в высоком кресле и истекал потом. Несмотря на выпитое, дрожь в руках у Бруллига не унималась; он уткнулся в кружку и боялся поднимать глаза на стоявших перед ним женщин, закованных в доспехи.

Лостара Йил смотрелась попривлекательнее покойной Ян'тарь – по крайней мере, такие женщины приходились Горлорезу по вкусу. Пардийские татуировки придавали коже чувственности, обильные формы не могли скрыться даже под доспехами, а в движениях ее сквозила грация танцовщицы (сейчас Лостара, конечно, не двигалась, но грация никуда не девалась). Несчастная адъюнкта была ее полной противоположностью. Как и все женщины, которым суждено скрываться в тени более привлекательных подруг, она переносила эту тяготу с показным безразличием, но Горлорез, обладавший талантом угадывать несказанное, видел, какой болью отдавалось безразличие. Вот такая правда человеческого бытия, не хуже и не грубее других. Отсутствие красоты – и так шло от века – восполнялось другим: искусственными титулами и властью.

Конечно, когда в твоих руках такая власть, ты можешь сходить с кем угодно; никто на твое лицо не посмотрит. Возможно, поэтому Лостара стояла рядом с Тавор, хотя Горлорез

и сомневался. Любовниками они точно не были, да и подругами назвать их язык не поворачивался.

Справа у двери толклась остальная свита адъютанта. Широкое, грубое лицо Кулака Блистига скрывала тень душевного истощения. *Негоже, адъютант, держать при себе такого человека – он вытягивает из окружающих жизнь, надежду и веру. Надо от него избавиться, Тавор, и назначить новых Кулаков: Фарадан Сорт, Мадан'тула Раду, Скрипача... Только не капитана Добряка – ни в коем случае, женищина. Или придется разгребать настоящий бунт.*

Бунт. Вот оно, слово. Вертелось-вертелось в голове, а теперь оформилось. Назвать явление значит предположить, что оно произойдет – все равно что расчесать царапину и ждать нагноения. Охотники за костями разбросаны – вот в чем беда. Велик шанс, что к концу этого странного похода от войска останется только жалкая горстка, и то в лучшем случае.

Без свидетелей. Мало кому из солдат такое по нраву. Конечно, эти слова сделали их суровее, да только надолго ли? Железо слишком холодное. И горькое на вкус. Боги, достаточно взглянуть на Блистига.

Возле Кулака стоял Вифал, оружейник мекросов. Именно за ним мы зашли в Малаз, а почему – так никто и не знает. Чья кровь на твоей совести, а? Кровь малазанцев. Кровь Ян'тарь, Калама, может, и Быстрого Бена тоже... Стоишь ли ты того? Горлорез ни разу не видел, чтобы Вифал разговаривал с солдатами. Ни слов благодарности, ни сожалений о погибших. Он с ними по воле адъютанта. Зачем? Ха, так она тебе и сказала! Тавор Паран не из болтливых.

По правую руку от Вифала стоял Банаشار – низложенный верховный жрец Д'рек, если верить слухам. Еще один пассажир в армии отщепенцев. Впрочем, цель Банашара Горлорезу известна. *Деньги. Тысячи, десятки тысяч монет. Он содержит нас, но все его золото и серебро краденое. Как иначе? Человек не может быть настолько богат. Откуда же деньги? Ответ ясен: из храмовых закров Червя осени.*

Молитесь Червя – платите войску сварливых неудачников. Сдается мне, в молитвах про такое не просят.

Сторонников у Бруллига было раз, два и обчелся: Бальзамова зазноба Шурк Элаль, капитан «Бессмертной благодарности», и ее старший помощник Скорген Кабан по прозвищу Красавчик. Однако вытаскивать шайха из ямы, в которую тот угодил, никто из парочки не спешил.

При этом Шурк – осторожная bestия, пожалуй, куда опаснее самозваного правителя сего острова.

Адъютант на приличном торговом наречии разъясняла, как теперь будет управляться Второй Девичий форт. С каждым пунктом лицо Бруллига мрачнело все сильнее.

Невеселое зрелище, однако при желании его можно найти даже забавным.

– Наши корабли будут заходить в гавань, пополнять припасы, – говорила Тавор. – По одному, чтобы не вызывать паники у населения...

Шурк Элаль фыркнула. Она сидела на стуле чуть в стороне, практически перекрывая обзор Горлорезу, чтобы лучше видеть хозяина и гостей. Скорген стоял подле нее, в одной руке держа кружку, из которой наполнял свое бездонное брюхо любимым элем Бруллига, а другой ковыряясь в красном, истерзанном ухе. От выпитого у него началась мощная, раскатистая отрыжка, наполнившая комнату смрадом брожения. Прошло уже полчаса, а останавливаться он, кажется, не собирался.

Насмешливая реакция Шурк не прошла незамеченной.

– Терпение, капитан, – холодно отозвалась Тавор. – Понимаю, вам не терпится уйти, однако мне необходимо переговорить и с вами, чуть позже...

– Конечно, сначала вы лишите Бруллига остатков достоинства.

Шурк грациозным жестом закинула ногу на ногу, сложила руки на колене и мило улыбнулась адъютанту.

Тавор долго молча разглядывала пиратку бесцветным взглядом, потом повернула голову к свите.

– Банашар?

– Да, адьюнкт?

– Что не так с этой женщиной?

– Она мертва, – ответил бывший жрец. – На ней некромантское проклятие.

– Точно?

– Адьюнкт, – подал голос Горлорез, прокашлявшись, – капрал Смрад сказал то же самое, когда увидел ее в таверне.

Бруллиг, выпучив глаза, уставился на Шурк Элаль. Челюсть его безвольно отвисла.

Скорген Кабан вдруг нахмурился и забегал глазами. Потом вынул палец из единственного уха, рассмотрел налипшую на ноготь массу и сунул в рот.

– Что ж, мои поздравления, – вздохнула Шурк. – Увы, цена моей тайне – грош, так, самолюбие потешить. А если у вас и есть какие-то предрассудки в отношении нежити, то придется мне пересмотреть свое отношение к вам, госпожа адьюнкт. И к вашей пестрой компании.

Неожиданно для Горлореза Тавор улыбнулась.

– Капитан, смею уверить, что в Малазанской империи знакомы с нежितью не понаслышке, хотя не скрою, что с такой бездной очарования я встречаюсь впервые.

Нижние боги, да она заигрывает с этой надухаренной мертвячкой!

– Воистину бездна, – пробормотал Банашар, но развить мысль не соизволил.

Худом траченные жрецы. Ни на что не годны.

– Иными словами, никаких предрассудков мы не испытываем, – подытожила Тавор. – Прошу прощения, что мой вопрос так некстати раскрыл твою сущность. Мне было любопытно.

– Вот и мне любопытно, – отозвалась Шурк, – зачем этой вашей Малазанской империи вторгаться на земли летери?

– Мне сообщали, что это свободный остров...

– Да, завоеватели-эдур оставили нас в покое. Только вы ведь не сюда вторгаетесь, нет. Вам просто нужен плацдарм, чтобы напасть на империю. Вот я и спрашиваю: зачем?

Теперь адьюнкт стала сама серьезность.

– Наш враг – тисте эдур, капитан. Не летерийцы. На самом деле нам нужно народное восстание...

– Не выйдет, – отрезала Шурк Элаль.

– Почему это? – спросила Лостара Йил.

– Потому что нам нравится, как все идет. Более или менее. – Никто не ответил, и Шурк, улыбаясь, продолжила: – Да, эдур ворвались в чудовищный недостроенный дворец в Летерасе и истребили правящую семью. Да, вырезали несколько армий по дороге на столицу. Вот только партизан, которые бы прятались в лесах и лелеяли мечты об отмщении, вы не встретите.

– Почему это? – снова спросила Лостара, не меняя тона.

– Они – завоеватели, но победители – мы. Ах, будь здесь Тегол Беддикт, он бы в два счета вам все разъяснил. Но я попробую. Представлю, что он сидит рядом и подсказывает. Завоевание завоеванию рознь. Конечно, тисте эдур – наши правители, их слово – закон, который нельзя оспорить. На их стороне убийственная магия, а их расправы скоры и прямолинейно жестоки. Они не просто закон, они выше закона, как его понимают летери...

– И как же они его понимают? – спросила Лостара с нажимом.

– Как некий свод правил, который можно трактовать в чью угодно пользу – достаточно найти хорошего адвоката.

– Чем ты занималась до того, как податься в пираты, Шурк Элаль?

– Воровством. Так что знаться с адвокатами приходилось. В общем, дело вот в чем: эдур, конечно, правят, но по незнанию или безразличию – а безразличие, как ни крути, проистекает

из незнания – в повседневные дела империи вмешиваются мало. По сути, всем заправляют те же летери, к тому же сейчас у них даже больше свободы, чем в прежние дни. – Она снова улыбнулась и покачала ногой. – А для простого люда почти ничего не поменялось. Мы по-прежнему бедны, по уши в долгах и униженно-покорны – или, как сказал бы Тегол, покорны в своем унижении.

– То есть даже летерийская знать не хочет ничего менять, – подытожила Лостара.

– Она – меньше всего.

– А что же ваш Император?

– Рулад? По общему мнению, он безумен, а к тому же заточен в своем же дворце. Империей правит канцлер – летери. Он занимал эту должность еще при короле Дисканаре, так что позаботился о том, чтобы ничего не изменилось.

Блистиг издал тихий стон и обратился к Тавор:

– Адъюнкт, морпехи...

Горлорез все понял и содрогнулся от ужаса. *Их послали искать союзников, подбивать население к вооруженному восстанию... Но ничего не выйдет.*

Империя, конечно, восстанет, но лишь затем, чтобы разорвать глотки «освободителям».

Адъюнкт, и как только у вас это выходит?

Глава пятнадцатая

*Солнце, уйди, время твое не пришло.
Черные волны плещутся под слепой луной,
бьются о берег с неслышимым шумом,
непокорная воля вздымается из кровавой пены.
Прячьтесь в горах, железные тучи,
откройте морю блеск пляшущих звезд,
который осветит соленый полночный прилив.
Сберитесь и множьтесь, мощные вихри
растите, как головы ящеров из темных глубин,
в чьих голодных глазах пылает яркая мощь.
Отпряните в страхе, леса, ибо сей ночью
черные волны накроют черное побережье,
смоют остатки плоти с ваших костлявых корней,
смерть придет, раздвинув ряды холодных трупов.
Будет лишь ветер, лишь ужас, лишь кровь.
Это – буря Жнеца*

«Грядущая буря» Реффер

На дальний конец стола обрушился кулак. Зазвенели тарелки, запрыгали приборы, покрытые коркой засохшей еды. От дрожи, будто после раската грома, задрожали кубки и прочие предметы.

Сквозь онемение прорезалась боль, и, придерживая дрожащий кулак, Тома Сэнгар медленно опустился на кресло.

Огоньки свечей выровнялись, как будто желали выслужиться после потрясения. Их прозрачный желтый свет казался насмешкой над горьким гневом эдур.

Жена, сидевшая напротив, поднесла к губам шелковую салфетку, промокнула рот и, положив салфетку на место, посмотрела на мужа.

– Трус.

Томад поморщился, переводя взгляд на штукатуренную стену справа. Не обращая внимания на неуместный трофей, висевший там, он искал нечто... менее болезненное. На потолке пятнистым узором расплзались сырые пятна. В этих местах от постоянной течи штукатурка разбухла. Ломаные трещины расходились во все стороны, как запечатленная молния.

– Ты его не увидишь, – сказала Урут.

– Он меня не увидит, – отозвался Томад, не поддакивая, а скорее огрызаясь.

– Отвратительный тощий летери, который спит с мальчиками, одолел тебя, муж. Он преграждает тебе путь, а у тебя кишка тонка, чтобы его сдвинуть. Не возражай, тебе не хватает духу даже мне в глаза посмотреть. Ты просто отдал нашего последнего сына.

Лицо Томада исказила кривая усмешка.

– Кому, Урут?.. Давай, скажи. Канцлеру Трибану Гнолу, который мучает детей и зовет это любовью? – Он все-таки поднял взгляд на жену, не желая признаваться даже самому себе, каких усилий ему это стоило. – Мне свернуть ему шею? Проще, чем переломить сухую ветку. А что его телохранители? Думаешь, они будут стоять и смотреть?

– Найди союзников. Наши родичи...

– Наши родичи глупцы. Они стали ленивы и нерешительны. Их вернуть еще труднее, чем Рулада.

– У меня сегодня был гость, – сказала Урут, подливая себе в кубок еще вина из графина, который Томад чуть не опрокинул ударом по столу.

– Рад за тебя.

– Хорошо. Это был к'риснан. Он сообщил, что Брутен Трана пропал, – возможно, стал жертвой мести Кароса Инвиктада – или даже самого канцлера. Они убили Брутена Трану, муж. На их руках теперь кровь тисте эдур.

– И к'риснан может это доказать?

– Он начал расследование, но признает, что шансов мало. Впрочем, на самом деле не вижу смысла тебе все это говорить.

– То есть ты считаешь, мне плевать на то, что летери проливают кровь эдур?

– Плевать? Нет, что ты, муж. Ты просто ничего не можешь с этим сделать. Скажешь еще что-нибудь или дашь мне продолжить?

Томад промолчал. Не то чтобы он признал правоту супруги, просто ему больше нечего было сказать. Ни ей, ни кому бы то ни было еще.

– Вот и славно, – сказала она. – А вот что тебе нужно знать. По-моему, к'риснан лжет.

– О чем?

– Я думаю, он знает, что случилось с Брутенем Траной, но пришел ко мне, чтобы новость дошла до женского совета и до тебя, муж мой. Его цель – во-первых, узнать, как я восприму известие, а потом посмотреть, как я себя поведу в последующие дни. Во-вторых, высказывая подобные подозрения, пускай и ложные, он хочет поддержать нашу ненависть к летери и жажду отмщения, тем самым продолжая закулисную борьбу, которая, вероятно, нужна, чтобы отвлечь внимание Инвиктада и Гнола.

– Отвлечь их от некой более значительной угрозы, которая связана с тем, что, собственно, и послужило причиной исчезновения Брутена Траны.

– Очень хорошо. Пускай ты и трус, муж, но ум у тебя все-таки есть. – Она отпила вина. – Хоть что-то.

– Ты еще долго собираешься испытывать мое терпение, жена?

– Столько, сколько потребуется.

– Нас тут не было. Мы плавали за полсвета отсюда. Когда вернулись, увидели, что заговор преуспел и что заговорщики удачно устроились. И что последнего сына мы потеряли.

– Значит, нам нужно его вернуть.

– Некого возвращать, Урут. Рулад лишился рассудка. Предательство Нисалл сломило его.

– Вечно эта стерва путается под ногами. Рулад снова повторяет свои ошибки. Опыт с тем рабом – Удинаасом – ничему его не научил.

Томад не сдержал горькой усмешки.

– А мы, Урут, чему-нибудь научились? Мы знали, что Летер – это яд. Мы знали, насколько он опасен, поэтому захватили его, чтобы искоренить угрозу раз и навсегда. Так нам казалось, по крайней мере.

– А вместо этого Летер поглотил нас.

Он снова посмотрел на стену справа. С железного крюка свисали несколько фетишей: перья, полоски тюленьей шкуры, ожерелья из ракушек, акульи зубы. Все, что осталось от трех сыновей, – все, что напоминало о былой жизни.

Были здесь и неуместные фетиши – те, что принадлежали изгнанному сыну, всякое упоминание о котором следовало стереть из памяти. Если бы Рулад их увидел, даже остатки сыновних чувств не заставили бы его пощадить Томада с Урут. Самое имя Трулла Сэнгара было под запретом, и нарушение запрета каралось смертью.

Им обоим было все равно.

– Ужасно коварный яд этот Летер, – продолжала Урут, рассматривая свой кубок. – Мы жиреем. Воины спиваются и спят в объятиях летерийских шлюх. Кто-то не вылезает из дурханговых притонов, а кто-то просто... исчезает.

– Они возвращаются домой, – ответил Томад, сглатывая подступивший к горлу ком. – Домой. К прошлой жизни.

– Ты правда в это веришь?

Он снова посмотрел супруге в глаза.

– В смысле?

– Карос Инвиктад и его Патриотисты держат людей железной хваткой. Аресты случаются каждый день. Откуда нам знать, что ни один тисте эдур не попался к ним в руки?

– Этого он скрыть бы не смог.

– Неужели? Теперь, когда у него за спиной не стоит Брутен Трана, Карос может делать все, что ему заблагорассудится.

– Присутствие Брутена Трана его и раньше не очень-то останавливало.

– Откуда тебе это знать, муж? Что, по-твоему, ограничивало Инвиктада, когда он знал, что Брутен Трана за ним наблюдает, – неважно, было так или ему казалось?

– Я понимаю, к чему ты клонишь, – глухо заворчал Томад. – Однако чья во всем этом вина?

– Уже неважно, – ответила Урут, осторожно косясь на супруга.

Интересно, что ее пугало? Очередная неуправляемая вспышка ярости? Или некое более тонкое проявление отчаяния?

– Понять не могу, как ты можешь такое говорить, – вздохнул Томад. – Он отправил наших сыновей за мечом. Этот приказ стал для них роковым, как и для нас. И все же, смотри, мы сидим во дворце, в самом сердце Летерийской империи, купаемся в грязной роскоши. Мы не можем противостоять лени и скуке, алчности и разложению. Таких врагов не одолеть мечом и не раскидать щитом.

– Ханнан Мосаг – наша единственная надежда, муж мой. Ты должен пойти к нему.

– И затеять заговор против нашего сына?

– Которого ты же назвал безумным. Кровь кровью, – произнесла Урут, медленно наклоняясь вперед, – но речь сейчас о выживании тисте эдур. Томад, женщины готовы. Мы давно ждем своего часа.

Томад смотрел на супругу, пытаясь понять, что за холодное существо скрывается за обликом этой женщины. Возможно, он и вправду трус. Когда Рулад отправил Трулла в изгнание, он промолчал. Как, впрочем, и Урут... А его собственный сговор с Бинадасом? *Найди Трулла, прошу. Найди храбрейшего из нас. Верни род Сэнгаров, сын мой, – верных полководцев Скабандари, тех, кто первыми ступил в этот мир во главе легионов. Кто первым пролил кровь анди в день, когда свершилось предательство?.. Вот наша кровь, а не то, что от нее осталось ныне.*

И вот Томад отослал Бинадаса прочь. Отправил сына на смерть. *Потому что мне не хватало воли сделать это самому.*

Трус.

Не сводя глаз с супруга, Урут аккуратно наполнила кубок.

Бинадас, сын мой, твой убийца ждет часа, когда станет потехой для Рулада. Этого достаточно?

Как всякий полоумный старик, который когда-то играл жизнями смертных, Странник бродил по коридорам, где ходили нынешние сильные мира сего, ворча себе под нос об утерянных возможностях и неправильных решениях. Колдовской ореол отводил от него глаза проходивших мимо: стражников у дверей и развилок, уборщиков, которые вели заведомо проигрывшую борьбу с разрушающимся дворцом под названием – довольно ироничным – «Вечный

Дом». Они смотрели на Странника, но не видели его, и в их памяти не оставалось даже намека на его присутствие.

Старший бог, в отличие от призраков, никому не западал в память, хотя был бы не против того, чтобы про него забыли совсем. Увы, теперь у него объявились последователи, и это стоило ему глаза. Теперь он был подчинен своей силе, которая боролась с волей под маской веры. Всякий бог знал об этой борьбе; кажется, все до единого жрецы стремились так подчинить себе свое божество, низвергнуть священное до мирского, сделать его частью политики и склок смертных, чтобы контролировать и управлять столькими людьми, сколько примет нужную веру. Ну и, конечно, копить богатство: в виде земель или денег, в виде верховной власти над канонами веры или скопища душ.

Погруженный в эти думы, Странник вошел в тронный зал и незаметно устроился на привычном месте – у стены, между двумя массивными гобеленами. На эти гобелены, как и на самого бога, никто не обращал внимания, хотя, если приглядеться, на фоне грандиозных баталий, изображенных на вышивке, можно увидеть фигуру, как две капли воды похожую на Странника.

Канцлер Трибан Гнол, с которым Странник делил ложе, когда того требовала необходимость, стоял перед Руладом, а тот возлежал на троне, как сытый зверь, окруженный богатством и безумием. В нескольких шагах от Гнола отирался телохранитель, со скужающим видом слушающая, как тот бубнит числа. Речь снова шла о растущем обнищании казны.

Подобные аудиенции, как не без восхищения понимал Странник, служили для того, чтобы еще более утомить Императора. Прибыль, убытки, расходы, внезапный скачок непоплаченных долгов – и все это бесстрастным, монотонным голосом, медленно, как войска собираются вокруг осаждаемой крепости. Защититься от такого натиска Рулад не мог.

Поэтому, как и всегда, он сдастся, поручит канцлеру разбираться со всем. Наблюдать сей ритуал было так же тяжело, как и участвовать в нем, но Странник не чувствовал жалости к эдур. Они – варвары, неразумные дети в глазах умудренной опытом цивилизации.

Зачем я каждый день прихожу сюда? Что хочу увидеть? Как Рулад в конце концов свалится? И какая мне от этого радость? Удовольствие? Неужели мой вкус стал настолько извращенным?

Он следил за Императором. Мерзкое мерцание грязных монет: смазанные блики пробежали по одеянию в такт дыханию Рулада. Скрытая жестокость в прямом черном клинке, острие которого упирается в мраморный постамент, на обернутой в проволоку рукояти лежит серая, костлявая рука. Рулад, восседающий на своем троне, казался ожившей метафорой: облаченный в богатство и вооруженный мечом, который даровал бессмертие и уничтожение, он казался неуязвимым ко всему, кроме собственного растущего безумия. Странник был уверен, что если Рулада ждет поражение, то оно придет изнутри.

Предзнаменование этого ясно отражалось на истерзанном лице, в каждом из грубо сросшихся шрамов, на которые Император, многократно оживавший, уже не обращал внимания и потому не извлекал из них никаких уроков. Покрытая оспинами кожа как бы служила насмешкой над окружавшей его роскошью. Во впалых глазах гнезился отчаявшийся, обессиленный дух, который иногда бился об эти блестящие непрозрачные стекла, издавая беззвучный вой.

Грозный вид искажали судороги, будто волны пробегавшие под кожей, череда личин, пытавшихся пробиться сквозь отстраненную маску государя.

Всякий, кто видел Рулада на троне, мог распознать, какую ложь нашептывала власть своему обладателю. Ее соблазнительный голос подсказывал, как легко и быстро решаются все проблемы: достаточно лишь сменить запутанность жизни на прямую смерть. Так, шептала власть, я становлюсь явной. Срываю с себя все личины. Я есть угроза, а если угроз недостаточно, то наступает действие. Как взмах косы жнеца.

Ложь в простоте. Рулад все еще в нее верил. В этом он не отличался от прочих правителей, которые возникали в каждую эпоху, в каждом месте, где люди собирались в группу,

создавали общество вместе с его разделением благ и организацией. Власть – насилие, на словах и на деле. Власти нет дела до здравого смысла, справедливости, сострадания. Напротив, она категорически отрицает все это, и как только последний покров обмана сорван, данная истина открывается во всей красе.

Странник больше не мог этого вынести. Совсем.

Маэль как-то говорил, что ничего тут не поделаешь. Ровным счетом. Говорил, что таков заведенный порядок вещей, и единственное утешение в том, что всякая власть, неважно, насколько обширная, централизованная или безоговорочная, в конце концов сама себя уничтожит. А самым забавным было наблюдать удивление на лицах вчерашних правителей.

Так себе награда, с точки зрения Странника. *Увы, я не умею взирать на вещи холодно и спокойно, как Маэль. Нет у меня его легендарного терпения. Как, впрочем, и его норова.*

Никто из Старших богов не защищен от безумия, которое преследовало правителей множества миров. Если, конечно, такой правитель в принципе способен размышлять, что вовсе не является чем-то само собой разумеющимся. Яснее всех это понимал Аномандр Рейк, потому и отказался от обширной власти, предпочтя сосредоточиться на локальных, незначительных конфликтах. Также он избегал последователей – для большинства богов нечто настолько немыслимое, что они даже не рассматривали подобный путь. Оссерк, напротив, высказал свой отказ – безнадежную правду – во всеуслышание, но ни одна из его попыток жить по убеждениям не увенчалась успехом. Так, для Оссерка самое существование Аномандра Рейка было непростительным оскорблением.

Драконус... Нет, он точно не глупец. Проживи он достаточно долго, точно бы устал от собственной тирании. Все же интересно, как же он отнесся к своему уничтожению. Вполне вероятно, что с радостью. Умереть от меча, который выковал своими же руками; видеть, как любимая дочь стоит в стороне и смотрит, сознательно не протягивая руку помощи... Драконус, как можно было не отчаяться, наблюдая крах своих мечтаний?

А еще есть Кильмандарос. Вот кому нравилась... простота. Все проблемы можно решить праведным кулаком – и все. Но только где-то она теперь!

А что же К'рул? А он...

– Стой! – крикнул Рулад, едва не вскакивая с трона. Туловищем он подался вперед, а в глазах вспыхнула угроза. – О чем ты только что говорил? Повтори!

Канцлер нахмурился и облизнул сморщенные губы.

– Государь, я излагал смету расходов на уборку трупов из ям...

– Трупов, да. – Рука Рулада, лежавшая на вычурном подлокотнике, дернулась. Он со странной улыбкой посмотрел прямо на Трибана Гнола и спросил: – Что за трупы?

– С кораблей, ваше величество. Рабы, спасенные с острова Сепик, северного протектората Малазанской империи.

– Рабы. Спасенные. Рабы.

На лице Трибана Гнола на мгновение отразилось помешательство, а потом... до него дошло.

Так-так, а вот это уже интересно!

– Да, это ваши падшие родичи, государь. Тисте эдур, страдавшие под малазанским игом.

– Спасенные, – медленно произнес Рулад, как бы пробуя слово на вкус. – Родичи эдур.

– Отдаленные...

– Но все же родичи!

– Бесспорно, ваше величество.

– Тогда почему они в ямах?

– Посчитали, что они пали слишком низко.

Рулад заерзал на троне, как будто его жгло изнутри. Голова запрокинулась назад, руки и ноги дрожали. Голос его звучал потерянно.

– Что значит «пали»? Они ведь наши родичи – единственные наши родичи во всем этом проклятом мире!

– Истинно так, государь. Признаюсь, меня по-своему ужаснул приказ отправить их в самые ужасные камеры...

– Чей приказ, Гнол? Отвечай!

Канцлер поклонился. Страннику был знаком этот прием: он скрывал удовлетворенный блеск в глазах Гнола. Стоило ему распрямиться, как блеск пропадал.

– За размещение падших сепикских эдур отвечает Томад Сэнгар, ваше величество.

Рулад медленно откинулся на спинку трона.

– И теперь они умирают.

– Как мухи, ваше величество. Увы.

– Мы спасли их от малазанского ига, чтобы самим мучить. Спасли, чтобы потом убить.

– Поистине несправедливая участь, да будет позволено мне заметить...

– Несправедливая?.. Ах ты, червяк, почему ты не сообщил мне об этом раньше?

– Государь, вы мало интересовались финансовыми подробностями...

Ай-яй, Гнол, это просчет.

– Какими-какими подробностями?

На шее канцлера выступили крупные капли пота.

– Я имею в виду расходы, связанные с их содержанием, ваше величество.

– *Они же тисте эдур!*

И снова поклон.

Рулад вдруг вцепился пальцами себе в лицо и отвернулся.

– Родичи эдур, – шептал он. – Спасенные от рабства. А теперь гниют в ямах.

– Ваше величество, – вежливо произнес Трибан Гнол, – многие из них погибли еще по пути, в трюмах. Насколько я понимаю, издевательства начались еще тогда, когда корабли покидали Сепик. Что повелите, государь?

Как ловко ты обращаешь ситуацию в свою пользу, Трибан Гнол.

– Приведи сюда Томада Сэнгара. И Урут тоже. Приведи моих родителей.

– Сейчас?

Меч с дребезгом покинул ножны, его острое было направлено на Трибана Гнола.

– Да, канцлер. Сейчас.

Трибан Гнол вместе с телохранителем поспешно удалились.

Рулад остался один в тронном зале, указывая мечом в пустоту.

– Как? Как они могли так поступить? Эти несчастные, они же одной с нами крови. Мне надо подумать. – Император опустил меч и уселся на троне, подобрав под себя ноги в монетной чешуе. – Как? Нисалл, объясни мне... нет, ты же не можешь. Ты бросила меня. Где же ты, Нисалл? Говорят, ты мертва. Тогда где твой труп? Может, ты там, среди раздутых тел, что плавают по каналу, прямо под окнами моей башни? Одни говорят, что ты предательница. Другие говорят, что нет. Все лгут. Я знаю, я вижу. Я слышу. Они все мне лгут...

И он заплакал, прикрывая рот свободной рукой и беспорядочно водя глазами по пустому залу.

Странник почувствовал, что Рулад смотрит прямо сквозь него. Бог захотел было выйти из тени, сбросить скрывающее его колдовство и сказать Императору: «*Да, ваше величество. Они все вам лгут. Но я не стану. Готовы ли вы услышать правду – всю правду, – император Рулад?*»

– Рабы. Так... так нельзя. Томад... отец... Откуда взялась эта жестокость.

Ах, Рулад, Рулад...

– Мы поговорим, отец. Ты и я. Наедине. Да-да, мама, и ты тоже. Поговорим втроем. Мы так давно не разговаривали. Да, именно так мы и поступим. Только вы должны... вы не должны мне лгать. Я этого не потерплю.

Где Нисалл, отец?

Где Трулл?

Возможно ли разбить сердце Старшему богу? Странник невольно поник, услышав жалобный вопль Рулада. Тот эхом отдался под сводами тронного зала и тут же стих; осталось только напряженное дыхание Императора.

Затем он заговорил жестче и тверже:

– Это все твоя вина, Ханнан Мосаг. Ты сотворил все это. С нами. Со мной. Ты выкрутил мне руки, заставил их всех отослать. Искать чемпионов. Хотя нет, это ведь была моя мысль?.. Не могу, не могу вспомнить. Столько лжи, столько голосов – и все лгут. Вы бросили меня, Нисалл, Удинаас. Я найду вас обоих. Я велю содрать с вас кожу заживо и буду слушать ваши вопли...

Из коридора донесся гул шагов.

Рулад виновато поднял глаза, затем устроился поудобнее на троне. Поправил меч, облизнул губы. Створки дверей со скрипом распахнулись, а он сидел с застывшей ухмылкой, обнажавшей зубы. Он приготовился к встрече с родителями.

Десерт принесли на острие меча. В личные покои Томада и Урут Сэнгар ворвался десяток стражников-летерийцев во главе с Сиррином Канаром. С оружием наголо он вошли в столовую. За длинным обеденным столом на разных концах сидели пожилые тисте эдур.

Они даже не дернулись и не выглядели удивленными.

– Поднимайтесь! – рявкнул Сиррин, не скрывая радости и удовольствия, которое испытывал от происходящего. – Император требует вас к себе. Немедленно.

Плотно сжатые губы Томада дернулись, а затем старый воин поднялся на ноги.

Урут не пошевелилась. На ее лице застыла презрительная усмешка.

– Император желает видеть свою мать? Так пусть придет и позовет.

– Это приказ, женщина, – бросил Сиррин, нависая над ней.

– Я – Высшая жрица Тени, ничтожество.

– Которая подчиняется воле императора. Немедленно встаньте, или...

– Или что? Ты посмеешь поднять на меня руку, летери? Знай свое место!

Стражник потянулся рукой к Урут.

– Стоять, летери! – крикнул Томад. – Если не хочешь, чтобы у тебя кожа слезла с костей. Моя жена пробудила Тень и не потерпит, чтобы ее трогал кто-то вроде тебя.

Сиррин Канар почувствовал, что дрожит. От гнева.

– Тогда напомните ей, Томад Сэнгар, что ваш сын не любит ждать.

Урут медленно допила вино, поставила кубок на стол и не спеша поднялась.

– Уберите оружие, летери. Можете проводить нас, но мы с мужем в состоянии и сами дойти до тронного зала. Я предпочитаю второе, так что вот вам мое первое и последнее предупреждение: уберите мечи, или я всех вас убью.

Сиррин жестом приказал стражникам убрать клинки, после чего сделал то же самое. *Ты мне за это ответишь, Урут Сэнгар. Говоришь, чтобы я знал свое место? Хорошо, пусть так, если ты веришь в эту ложь. Меня она тоже устраивает... пока что.*

– Наконец-то у нас будет возможность сообщить сыну все, что он должен знать, – произнесла Урут, обращаясь к Томаду. – Аудиенция у Императора. Какая честь.

– Не спешите радоваться, вам еще придется подождать приема, – усмехнулся Сиррин.

– Подождать? И сколько?

Летери улыбнулся.

- Это не мне решать.
- Опять ваши с канцлером игры? Я же вижу, что Рулад не сам это придумал.
- Увы, на этот раз вы ошибаетесь, – ответил Сиррин.
- Мне уже приходилось убивать тисте эдур.

Самар Дэв смотрела на Карсу Орлонга, а тоблакай изучал потрепанный доспех из ракушек, разложенный на койке. Перламутровые чешуйки потемнели и покололись, в некоторых местах виднелись проплешины, сквозь которые проглядывала недубленая кожаная подкладка. Карса собрал несколько сотен дырявых монет, отчеканенных из латуни и практически не имевших ценности: явно собирался делать из них заплатки.

Интересно, задумал ли он это как насмешку? Хочет увидеть презрительную ухмылку на лице Рулада? От Карсы Орлонга такого вполне можно ожидать.

– Я почистил колоду от неудачников, – продолжил он и оглянулся на Самар Дэв. – Где теперь эти, что из Анибарского леса? А летерийцы оказались еще более жалкими. Заметила, как они сжимаются при виде меня? Я отправлюсь в город, не снимая меча, и никто не посмеет меня остановить.

Она провела руками по лицу.

– Ходят слухи, что скоро объявят первый список чемпионов. Разбуди гнев этих людей, Карса, и долго ждать дуэли с Императором не придется.

- Отлично, – буркнул он. – А после я займу его место.
- Ты этого хочешь? – спросила она, недоверчиво сощурив глаза.
- Да, если так они оставят меня в покое.

Самар Дэв хмыкнула.

– Тогда метить в императоры тебе точно не стоит.

Карса выпрямился и придирчиво оглядел свой вычурный, пусть и потрепанный доспех.

– Я не собираюсь сбегать, ведьма. У них нет повода удерживать меня.

– Тебе никто не запрещает покидать подворье и ходить где вздумается... только меч оставь.

- Ни за что.
- Тогда будешь сидеть здесь и медленно сходить с ума на радость Императору.
- Думаю, я сумею пробиться.
- Карса, им просто нужно, чтобы ты не убивал невинных. Их можно понять, учитывая, насколько ты... ну, вспыльчив.

– Вот именно это недоверие меня и злит.

– Заслуженное, – парировала Самар Дэв. – Потому что тебе уже приходилось убивать эдур и летери. И преу в том числе...

– Я же не знал, кто он.

– А если бы знал, что изменилось бы? Ничего. И вот еще: он, между прочим, был братом Императора.

– Этого я тоже не знал.

– И?

– Что «и», Самар Дэв?

- Ты пронзил его копьем, так?
- Он атаковал меня магией...

– Я уже слышала эту историю от тебя, Карса Орлонг. Ты перебил весь его экипаж, затем высадил дверь его каюты, проломил черепа телохранителям. Знаешь, в такой ситуации я бы тоже воззвала к своему Пути, если бы могла, и обрушила всю его мощь на тебя.

– Думаю, разговор пора закончить, – проворчал тоблакай.

– Ну и ладно, – бросила она, поднимаясь со стула. – Пойду к Таксильцу. Его упертость хотя бы можно терпеть.

– Вы что, спите теперь?

Она замерла в дверях.

– А если и да?

– Без разницы, – сказал Карса, впившись взглядом в разваливающийся доспех. – Я сломаю тебя напополам.

Мало других комплексов, так теперь еще и ревность? Нижние духи! Самар Дэв открыла дверь.

– Если на то пошло, то мне больше нравится старший оценщик. Увы, он принял обет безбрачия.

– Этот подобострастный монашек все еще здесь?

– Да.

– У тебя странные вкусы, ведьма.

– Даже не знаю, что на это ответить, – не сразу произнесла она.

– Так и не отвечай.

Поджав губы, Самар Дэв вышла из комнаты.

Карса Орлонг пребывал в дурном настроении, но он и представить не мог, что это как-то повлияло на его беседу с Самар Дэв. Она – женщина, а разговаривать с женщиной все равно что сидеть в пыточном кресле, пока тебя препарируют разными инструментами, которые находятся за гранью мужского понимания. Куда как проще с мечами. Даже грядущая война всех против всех не так напрягает, как легчайшее соприкосновение с женским вниманием. Но что еще паршивее, теперь ему этого соприкосновения не хватало. Конечно, к услугам чемпионов, готовящихся к битве с Императором, были шлюхи всего Летераса. Однако в них нет ничего глубокого, ничего настоящего.

Должен же быть какой-то компромисс, убеждал себя Карса. Можно же вести беседу так, чтобы она была полна искр и финтов, но при этом не угрожала его гордости. Впрочем, ему хватало здравомыслия понять, что это практически недостижимо.

В мире, полном оружия, сражение являлось образом жизни. Возможно, единственным. Его ранили кнутах и словами, кулаками и взглядами. Его избивали невидимыми щитами, оглушали невидимыми дубинками. Он сгибался под тяжестью цепей собственных обетов. Как сказала бы Самар Дэв, выжить – значит выстоять под этим напором, преодолеть все, что бросает на тебя судьба. Поражение – это падение, но падение не всегда значит быструю и милосердную смерть. Обычно падение ведет к медленному распаду, когда под грузом потерь смертный падает на колени и начинает медленно, но верно убивать себя.

Он сумел разобраться со своими недостатками, однако сталкиваться с чужими был, по всей видимости, еще не готов. Ему было страшно оступиться и испытать боль. И все же чувство голода не проходило. От такого раздрая на душе у Карсы всегда становилось тяжело и настроение сразу пропадало.

Все легко исправляется хорошей дракой.

Нехватку любви воин искупает насилием.

Карса Орлонг ухмыльнулся, закинул свой каменный меч на левое плечо и вышел в коридор.

– Я слышу тебя, Байрот Гилд. Будешь моей совестью? – Он издал смешок. – Ты ведь увел у меня женщину.

Так ты уже нашел другую, Карса Орлонг.

– Я сломаю ее пополам.

Раньше тебя это не останавливало.

Но нет, это все игры разума. Душа Байрота Гилда заключена в мече, и едкие реплики на самом деле принадлежат внутреннему голосу Карсы. В отсутствие собеседников он начал копаться в себе.

– Надо кого-нибудь убить.

Из коридора он попал в широкий переход, оттуда – на двор с колоннами, и наконец – в боковое ответвление, ведущее к северным пешеходным воротам. Никто ему не встретился, отчего настроение ухудшилось еще сильнее. Слева к воротам примыкала небольшая сторожка, в которой находился засов.

Летериец, сидевший в сторожке, только успел поднять голову, и тут же ему в лицо впечатался огромный кулак тоблакая. Из разбитого носа брызнула кровь, бедняга потерял сознание и свалился на пол, как мешок с луком. Карса перешагнул через него, повернул щеколду и отодвинул бронзовый засов влево, пока тот не освободил ворота. Засов со стуком ушел в паз. Карса вышел из сторожки, толкнул ворота и, пригнувшись, вышел на улицу.

Что-то сверкнуло – сработал какой-то магический барьер на пороге. Вспыхнуло пламя, обдало неясной болью, а потом ослабло и потухло. Вытряхнув из головы металлический звон от заклинания, Карса пошел дальше.

Горожан на улицах почти не было. Только один заметил появление тоблакая. Выпучив глаза от ужаса, он ускорил шаг и скрылся за углом.

Карса вздохнул и направился к каналу, который видел с казарменной крыши.

Необъятных размеров темноволосая женщина, закутанная в лиловые шелка, речной баржей вплыла в ресторан, заполонив собой проход. Высмотрев Тегола Беддикта, она рванула вперед с видом изголодавшегося левиафана.

Бугг съехался в кресле.

– Клянусь Бездной, хозяин...

– Спокойствие, спокойствие, – шепнул слуге Тегол. – Главным для тебя соображением, дорогой Бугг, должен быть здравый смысл. Найди Хальдо, пусть заставит своих ребят принести тот гигантский диван с кухни. Живей!

Слуга ушел непривычно быстро.

Своим появлением женщина приковала всеобщее внимание, многие разговоры затихли. Несмотря на невероятные объемы, она легко лавировала между столиками, к счастью расставленными достаточно широко, а в темно-фиолетовых глазах горела знойная уверенность, которая настолько не соответствовала внешности, что Тегол с тревогой ощутил шевеление между ног, вокруг мужского естества начал скапливаться пот. Он заерзал в кресле, тут же начисто забыв про поднос с едой, словно все лишние мысли с него содрали, как покровы одежды.

Ему не верилось, что тела способны двигаться сразу во всех направлениях, словно каждая округлость под шелком жила собственной жизнью, но все вместе они излучали неприкрытую сексуальность. Когда тень женщины накрыла Тегола, он тихо пискнул и заставил себя поднять глаза от множества складок на животе, от непостижимо огромных, как мешки, грудей, чуть не потерявшись в бездонном вырезе. Наконец, героическим усилием он заставил себя посмотреть на гладкий мешок под подбородком, затем, напрягая шею, на широкое лицо с крупными, густо покрашенными губами и, наконец, – *Странник помоги!* – в сладострастные, опытные глаза.

– Тегол, ты мерзок.

– Я... чего?

– Где там Бугг с диваном?

Тегол наклонился вперед, затем инстинктивно отпрянул.

– Рукет?! Ты, что ли?

– Тише ты, дурень. Ты хоть представляешь, сколько мы наводили эту иллюзию?

– Н-но...

– Лучшая маскировка – отвлечение внимания.

– Какое уж тут отвлечение?... Ах да... ну конечно, все же на поверхности. Извини, вывалилось... то есть вырвалось. В общем, не принимай близко...

– Перестань таращиться на мои титьки.

– Тогда я буду выделяться. Не подозрительно? – парировал Тегол. – И кто же придумал такое... надругательство над земным притяжением? Как пить дать, Ормли: я всегда знал, что за этими свиными глазками скрываются извращенные фантазии.

Вернулся Бугг в сопровождении двух прислужников Хальдо, которые тащили диван. Поставив его, они поспешно ретировались.

Бугг вернулся на свое место.

– Рукет, – тишайшим шепотом произнес он, – ты не задумывалась, что женщину подобного вида знал бы весь Летерас?

– А если она никогда не появлялась на людях? Знаешь ли, в этом городе немало затворников...

– И почти все они – гильдейские иллюзии, фальшивые личины, которые ты можешь принимать при необходимости.

– Именно, – сказала она, как бы закрывая тему.

И затем, с божественным изяществом, плавно опустилась на огромный диван, широкие алебастрово-белые руки легли на спинку, отчего груди поднялись еще выше и распахнулись, как Врата Проклятых.

Тегол переглянулся с Буггом.

– Существуют же законы, которым подчиняется поведение физических объектов? Ведь существуют? Должны существовать.

– Она – упрямая женщина, хозяин. И, прошу вас, соблаговолите запахнуть одеяло. Да, там, под столом.

– Прекрати.

– К кому или к чему ты обращаешься? – спросила Рукет, окинув обоих взором, полным похоти, которой хватило бы на двух женщин.

– Проклятье, Рукет, мы только что заказали еду. Бугг угощает, ну, или его компания, точнее. А теперь у меня аппетит... ну то есть...

– Сместилась? – закончила она за Тегола, тонко выщипанные идеальные брови слегка приподнялись. – Вот в чем главная беда всех мужчин: вы можете удовлетворяться только чем-то одним разраз.

– И это одно ты сейчас являешь собой во всей красе. А все-таки насколько полноценна эта иллюзия? Я, например, услышал, как под тобой заскрипел диван.

– Уверена, тебе не терпится испытать этот вес на себе. Но сперва где же Хальдо с моим обедом?

– Он увидел тебя и срочно отправился нанимать дополнительных поваров.

Наклонившись, Рукет пододвинула к себе тарелку Тегола.

– Тогда удовольствуюсь этим. В отместку за столь грубую попытку пошутить.

И она с преувеличенным изяществом принялась за еду.

– Там, наверное, уже и места нет, да?

Кусочек еды замер на полпути к ее рту.

Бугг, кажется, чем-то подавился.

Тегол утер пот со лба.

– Странник меня побери, я схожу с ума.

– Ты вынуждаешь меня убедить тебя в обратном, – сказала Рукет, и угощение скрылось у нее во рту.

– Ты ждешь, что я поддамся иллюзии?

– Почему нет? Мужчины так делают по тысяче раз на дню.

– Если бы не это, мир бы замер.

– Твой – возможно.

– Кстати, о мирах, – быстро вставил Бугг. – Твоя гильдия, Рукет, скоро обанкротится.

– Чепуха. Наши денежные запасы даже больше, чем у Свободного попечительства.

– Это хорошо, потому что они скоро узнают, что большая часть их неучтенного капитала не только обесценилась, но и стала смертельно опасной обузой.

– Наши запасы давно выведены за пределы империи, Бугг. Уже несколько месяцев как. Мы занялись этим, как только раскусили ваши с Теголом намерения.

– И куда? – уточнил Бугг.

– Зачем вам знать?

– Не волнуйся, не затем, чтобы выкрасть, – заверил Тегол. – Ведь так, Бугг?

– Конечно, так. Мне просто нужно убедиться, что они, м-м, выведены достаточно далеко. Рукет нахмурилась.

– Вы настолько близки?

Оба мужчины промолчали.

Она ненадолго уставилась в тарелку, затем откинулась, будто замок речного шлюза. Ее живот снова выплыл из тени и колыхался шелковыми волнами.

– Ну что ж, господа, скажу. На южный Пилотт. Достаточно далеко, Бугг?

– Самую малость.

– Такой ответ меня пугает.

– Я планирую отказаться от всех долговых обязательств, – объяснил Бугг. – Это приведет к лавинообразному финансовому краху, который затронет все без исключения сектора экономики, причем не только в Летерасе, но и по всей империи и даже за ее пределами. Наступит хаос. Анархия. Будут жертвы.

– «Строительство Бугга» настолько крупное?

– Вовсе нет, иначе бы нас уже давно взяли в оборот. Нет, зато у нас есть порядка двух тысяч, казалось бы, независимых малых и средних предприятий, каждое из которых, согласно коварному замыслу Тегола, будет усиливать ход лавины. «Строительство Бугга» – лишь первое надгробие, которое завалится, увлекая за собой остальные. А кладбище-то весьма тесное.

– Такое сравнение пугает еще сильнее.

– Когда ты нервничаешь, морок немного спадает, – заметил Тегол. – Возьми себя в руки, Рукет.

– Рот заткни.

– Как бы то ни было, – продолжил Бугг, – мы позвали тебя сюда, чтобы предупредить гильдию о грядущем крахе. Думаю, не надо пояснять, что, как только все случится, найти меня будет очень тяжело.

Рукет перевела взгляд на Тегола.

– А что ты, Тегол? Тоже планируешь залезть в какую-нибудь щель?

– Я думал, эту тему мы закрыли.

– Клянусь Бездной, хозяин... – прошептал Бугг.

Тегол непонимающе посмотрел сперва на Бугга, затем на Рукет. Потом до него дошло.

– А. Ну да. Прости. Ты имела в виду, поддамся ли я в бега? Честно говоря, еще не решил. Видишь ли, наблюдать за тем, как все рушится, – тоже часть веселья. Да, мы серьезно подпортили громоздкую машину экономики Летера, но горькая правда в том, что на самом деле мы не виноваты. Мы лишь ускорили процесс, а причина его в фундаментальных недостатках самой системы. Она может воспринимать себя как неразрушимая, беспредельно гибкая и все такое, но это иллюзия и заблуждение. Ресурсы не бесконечны, хотя так порой кажется, и к ним отно-

сится не только то, что добывают из земли и моря. К ним относится и труд, и денежная система с выдуманной системой назначения цены. Кстати, именно по этим двум направлениям мы и ударили. Начали вывозить представителей низших классов – нищих, проще говоря, – чтобы создать давление на инфраструктуру, а затем стали выводить из обращения твердую валюту, чтобы спровоцировать кризис... Эй, что это вы оба на меня так уставились?

Рукет улыбнулась.

– Ты прибегаешь к ученому анализу, лишь бы отвлечь нас от твоих же более низменных интересов. Это, Тегол Беддикт, пожалуй, твое самое низкое падение.

– Но мы только начали.

– Убеждай себя в этом. Что ж, господа, мое любопытство удовлетворено.

– погоди, Рукет! Только подумай, какие перспективы перед нами открываются!

Она поднялась на ноги.

– Я пойду через задний проход.

– Не пролезешь.

– Увы, не могу сказать то же самое про тебя, Тегол. Всего доброго, господа.

– погоди!

– Чего тебе?

– Э... надеюсь, позже мы продолжим беседу?

– Только без меня, – сказал Бугг, демонстративно сложив мускулистые руки на груди в знак... чего-то. Скорее всего, в знак отвращения. Хотя нет, не отвращения – непреодолимой зависти.

– Ничего не могу обещать, – ответила Рукет, – кроме того, что мужчины обречены пропадать в иллюзии своего величия.

– Очень милое замечание, Рукет, – пробормотал Бугг.

– Если бы я не потерял дар речи, – проговорил Тегол, когда она удалилась, – то я бы что-нибудь ответил.

– О, хозяин, не сомневаюсь.

– Рад, что ты в меня веришь, Бугг.

– Слабое утешение по сравнению с остальным, думается мне.

– По сравнению с остальным – да, – согласно кивнул Тегол. – Ну что, друг мой, пойдем прогуляемся?

– При условии, что ваше одеяние не топорщится в непристойных местах.

– Минуточку.

– Хозяин?

Увидев тревогу на лице Бугга, Тегол улыбнулся.

– Я просто представил, что она застряла в проходе. И не может вывернуться – вообще пошевелиться.

– Вот оно, – вздохнул слуга, – ты все-таки смог опуститься еще ниже.

К Таралаку Виду привязалась старинная гральская легенда, но он никак не мог понять, какое отношение она имеет ко дню сегодняшнему. Они с Отнимающим жизни гуляли по Летерасу, протискиваясь сквозь толпы людей, толкущихся у рыночных прилавков вдоль канала Квилласа.

Гралы были древним народом. Их племена населяли дикие холмы еще во времена Первой империи, а в прославленной армии Дессимбелакиса даже служили целые гральские роты: следопыты, воины для нанесения неожиданных ударов и штурмов, хотя такой стиль ведения боя им мало подходил. Уже тогда гралы предпочитали кровные разборки, убивая во имя личной чести. Мщение считалось достойным делом, а убивать чужаков казалось бессмысленно, а

также оставляло отпечаток на душе, который нужно было смывать мучительными ритуалами. Кроме того, подобное убийство не приносило удовлетворения.

За два месяца до Великого падения Ворлок Дювен, командующая легионом Караш, повела своих воинов в непокоренные пустоши на юго-западе. Она послала отряд из семидесяти четырех гралов вперед, на Тасские горы, к господствовавшему там племени. Они хотели вызвать тассов на бой, а затем отступить, выманивая дикарей за пределы плоскогорья, где будет ждать засада.

Во главе гралов стоял умудренный опытом ветеран по имени Сидилак из клана бхок'аров. Многие также звали его Змеиным Языком, из-за того, что ударом меча ему раздвоило язык. Его воины, пролившие немало крови за три года завоевательных походов против пустынных и равнинных племен к югу от Угари, умели находить скрытые тропы, которые вели сквозь скалистые горы. Очень скоро гралы вышли на плато, где увидели неказистые постройки и каменные хижины посреди древних руин, – они показывали, что когда-то давно цивилизация тассов пришла в упадок.

На закате третьего дня разведчики попали в засаду. Семеро размалеванных вайдой дикарей убили одного грала, но затем были вынуждены отступить. Из четырех тассов, которым не удалось уйти, только один не скончался от полученных ран. Язык, на котором он вопил от боли, был незнаком ни Сидилаку, ни его воинам. Под слоем пыльной синей краски оказалось, что тассы и внешне мало напоминают своих соседей. Высокие, гибкие, с необычно маленькими ладонями и ступнями, лица вытянутые, подбородки слабые, а зубы – крупные. Глаза цвета сухой травы близко посажены, а белков не видно за сеткой сосудов. Такое ощущение, что и слезы из них должны литься красные.

Все четверо тассов явно страдали от жажды и голода, да и воины из них были никудышные: каменные копья да узловатые палки.

Раненый дикарь скоро умер.

Гралы возобновили охоту, пробираясь все выше и глубже в горы. Там они нашли древние террасы, на которых когда-то выращивали злаки; теперь же почва была безжизненна, на ней еле-еле выживал пустынный кустарник. Еще они нашли выложенные камнями каналы для сбора дождевой воды, которой больше неоткуда было взяться. Нашли каменные гробницы с надгробиями, высеченными в виде фаллосов. Под ногами хрустели осколки посуды и выбеленные солнцем кости.

В полдень четвертого дня вышли к тасскому поселению в дюжину грубых хижин. Оттуда с воплями выскочили трое воинов с копьями и выстроили жалкий заслон перед пятью тощими женщинами и девочкой лет двух-трех.

Сидилак, мудрый воин, прошедший двадцать битв, запятнавший душу убийством неслучайного числа чужаков, послал своих гралов вперед. Битва длилась несколько ударов сердца. Когда мужчины-тассы пали, поднялись женщины, пустив в ход ноги и зубы. Когда и они были убиты, девочка встала на четвереньки и зашипела, как кошка.

Воин занес меч, чтобы добить ее.

Клинок так и не достиг цели. Все вокруг вдруг заволокли тени. Из них выскочили семеро жутких псов и окружили ребенка, появился какой-то человек. Такой широкоплечий, что казался горбатым. На нем была накидка из вороненых цепей, немного не доходившая до земли, длинные черные волосы распущены. Остановив ледяной взгляд на Сидилаке, он заговорил на языке Первой империи:

– Это последние. Я не сужу тебя за расправу. Они жили в страхе. Эта земля – не их дом, и она не смогла их прокормить. Брошенные Дераготами и подобными им, они не смогли противостоять жизненным испытаниям. – Он повернулся к девочке. – Но ее я заберу с собой.

Рассказывали, что Сидилак почувствовал, как на его душу ложится темнейший отпечаток, которого не смыть никаким ритуалом очищения. В то мгновение он увидел, какой мрач-

ный конец его ждет: неутолимая печаль и безумие. Бог забрал последнее дитя – определенно, последнее. А кровь остальных останется на руках Сидилака проклятием, избавить от которого может только смерть.

Но он был гралом, а гралам нельзя лишать себя жизни.

Следом шла другая легенда, в которой рассказывалось о долгих скитаниях Змеинового Языка, о поиске ответов на неразрешимые загадки и в конце – о его смерти, о том, как он, шатаясь, весь разбитый, вошел в пустыню Мертвеца (мир павших гралов), но благородные духи не пустили его, выгнали – в наказание за преступление.

Таралаку Виду не хотелось об этом думать. Не хотелось думать о ребенке, шипящем, нечеловеческом, которого бог утащил в тени. Для чего? Эту загадку никому не под силу разгадать. Но едва ли богом двигало милосердие. Таралаку не хотелось представлять себе юных девушек с маленькими ладонями и ступнями, покатым подбородком и крупными клыками, светящимися глазами цвета травы.

Ему не хотелось вспоминать про Сидилака, воина, чьи руки и душа залиты кровью невинно убиенных, и снизошедшую на него вечную ночь. У этого несчастного глупца не было ничего общего с Таралаком Видом, ничего, совсем ничего. В конце концов, истина не в смутных параллелях, а в точных совпадениях. И в этом смысле Таралак Вид совершенно не походил на Змеинового Языка.

– Ты стал неразговорчив в последнее время, Таралак Вид.

Грал поднял глаза на Икария.

– Я боюсь за тебя, – сказал он.

– Почему?

– Я больше не вижу в твоих глазах твердости, друг мой. Случайный знакомый ее не заметил бы, но я твой давний спутник. Эта твердость указывала на дремлющий внутри тебя гнев. Теперь он, видимо, в глубоком сне, и, боюсь, даже Руладу его не разбудить. Если этого не случится, то ты погибнешь, и быстро.

– Если все, что ты обо мне говоришь, – правда, – ответил ягг, – тогда я с радостью приму смерть. Я заслужил ее в полном смысле этого слова.

– Но никто, кроме тебя, не способен одолеть Императора...

– А с чего ты взял, что я способен? У меня нет магического меча, и я не оживу, если меня убьют. Такие слухи, кажется, ходят про тисте эдур по имени Рулад?

– Когда твой гнев вырывается наружу, Икарий, тебя не остановить.

– Почему? Я сам могу остановиться.

Таралак Вид нахмурился.

– Так вот какая перемена случилась с тобой, Икарий? К тебе вернулась память?

– Если бы вернулась, меня бы тут не было, – ответил ягг и остановился у прилавка, на котором стояли горшки, обмотанные бечевой. – Вот, взгляни сюда, Таралак Вид. Что ты видишь? Пустые сосуды? Или море возможностей?

– Обычные горшки.

Икарий улыбнулся.

Гралу эта улыбка показалась чересчур простой и беззаботной.

– Ты смеешься надо мной, Икарий?

– Меня что-то ожидает. И я не про безумного Императора. Тут что-то еще... Скажи мне, как измеряется время?

– По движению солнца, по фазам луны, по вращению звезд. А в крупных городах вроде этого по звону колокола через равные промежутки. Как по мне, так совершенно дикая выдумка, к тому же унижающая мыслящее существо.

– Речь, достойная грала.

– И все-таки ты смеешься надо мной. На тебя это не похоже, Икарий.

– Звон колоколов через равные промежутки, которые рассчитывают, пропуская песок или воду через узкое горлышко. Дикая выдумка, как ты говоришь. Произвольные рамки постоянства. А можем ли мы говорить о постоянстве, когда речь идет о времени?

– Всякий грал ответит тебе, что нет. Или наши ощущения нас обманывают.

– А вдруг так и есть?

– Тогда мы пропали.

– Мне нравится твоя сегодняшняя интеллектуальная воинственность, Таралак Вид.

Они продолжили свою медленную прогулку вдоль канала.

– Я понимаю твою одержимость временем, – сказал грал. – Ты проживаешь эпоху за эпохой, но ничего не помнишь и никак не меняешься.

– Ничего не помню. В этом-то и беда.

– Напротив, в этом наше спасение.

Несколько шагов они прошли в молчании. Им вслед глядело множество любопытных и иногда сочувственных глаз. В конце концов, чемпионы были обречены. Но все же где-то глубоко-глубоко в этих глазах теплилась надежда. Надежда на то, что кошмарному правлению Рулада Сэнгара, Императора Летера, придет конец.

– Когда не понимаешь время, история ничего не значит. Таралак Вид, ты слушаешь?

– И ты не понимаешь, что такое время.

– Да, не понимаю. Но думаю, что пытался понять... снова и снова. Из эпохи в эпоху. В надежде, что понимание времени чудесным образом откроет мне мою собственную скрытую историю. Я хочу раскрыть истинную меру времени, Таралак Вид. И не просто меру, а природу. Вот, к примеру, этот канал и один из целой сети каналов. Силой течения вода из реки попадает сюда, протекает через город и снова возвращается в ту же реку, лишь немногим дальше. Также и мы можем выйти из реки, пойти своим путем, но не важно, насколько прямым он кажется, мы так или иначе вернемся в ту же реку.

– То есть, как и колокола, вода отмеряет ход времени, – предположил грал.

– Нет, не так, – возразил Икарий, но развивать мысль не стал.

Таралак Вид скривился и, остановившись, смачно сплюнул на ладони, затем провел ими по волосам. Где-то в толпе вскрикнула женщина, больше шума не было.

– Канал не может изменить направления течения. Канал – это просто лишний крюк.

– Да, который притом замедляет ток воды. Кроме того, вода меняется, в нее собираются отходы из города, и поэтому, впадая обратно в реку, вода другого цвета. Грязная и нечистая.

– Чем медленнее идешь, тем грязнее сапоги?

– Конечно, – кивнул Икарий.

– Время устроено иначе.

– Ты так уверен? Когда сидишь и ждешь, мозг полнится раздумьями, случайными мыслями, словно отходами. Когда же действуешь, течение жизни ускоряется, вода становится прохладной и прозрачной.

– Перед лицом того, что нас ждет, Икарий, лучше все-таки подождать.

– Ты имеешь в виду встречу с Руладом? Как знаешь. Но повторю еще раз, Таралак Вид, я следую иным путем.

Они прошли еще несколько шагов.

Затем грал сказал:

– Знаешь, зачем они обматывают горшки жгутом? Чтобы не разбились.

Глаза старшего оценщика блестели. Он смотрел на Икария, который остановился вместе Таралаком Видом у лотка горшечника шагах в двадцати. Монашек сцепил руки и перебирал пальцами, а дышал часто и прерывисто.

Самар Дэв, стоявшая рядом, вздохнула и спросила:

– Надеюсь, ты не собираешься упасть замертво? Если бы я знала, что мы всю прогулку будем держаться в тени ягга, я бы лучше осталась на подворье.

– Выбор, который ты делаешь, происходит исключительно по твоей доброй воле, Самар Дэв, – ответил монашек. – Не по моей и не по чьей бы то ни было еще. Считается, что вся история человеческих конфликтов зиждется исключительно на несовпадении ожиданий.

– Неужели?

– Более того...

– Ладно, оставим это, старший оценщик. Ожидания можно согласовать, и это называется компромиссом. Однако твои странные взгляды не терпят обсуждения, поэтому на уступки пошла только я.

– По собственной воле.

Ей захотелось ударить монашка, но не стоило делать это на виду у всех. Неужели все мужчины такие упертые?

– Он определенно погибнет, причем скоро.

– Едва ли. Я почти уверен, что такого не случится.

Икарий с гралом пошли дальше сквозь толпу, и старший оценщик зашагал следом, держась на почтительном расстоянии. Самар Дэв вздохнула и присоединилась к нему. Толпа ей не нравилась. Что-то в ней было не так. Все какие-то напряженные, озлобленные. Крики торговцев звучали натужно и слегка отчаянно. Прохожие иногда останавливались, но практически ничего не покупали.

– Что-то происходит, – сказала она.

– Все легко объясняется неминуемой финансовой паникой, Самар Дэв. Ты, конечно, можешь считать, что я ничего не вижу, кроме Него, однако, уверяю тебя, я оценил состояние Летераса и сделал выводы относительно всей империи. Ей грозит кризис. Богатство, увы, не бесконечно, но системы, как здесь, основаны на предположении, что ресурсы неисчерпаемы. Под ресурсами я понимаю дешевый труд и материалы, а также неутолимый спрос. Однако же спрос опирается на довольно эфемерные качества, такие как уверенность, воля, осознанная необходимость и неумение прогнозировать, а каждое из этих качеств, в свою очередь, подвержено неожиданному и подчас необъяснимому влиянию. Мы с тобой наблюдаем, как сложное сочетание факторов рушит эти качества. Более того, я считаю, что все это не случайно, а кем-то подстроено.

Она уже было начала засыпать под эту тираду, однако последнее замечание встряхнуло ее.

– Кто-то хочет подорвать экономику Летераса?

– Вот именно, Самар Дэв, «подорвать». Да, кто-то стоит за всем этим, подталкивая экономическую систему к полному краху. Такова моя скромная оценка.

– Скромная?

– Конечно же нет. Я просто привык с иронией относиться к собственной гениальности.

– А зачем?

– Чтобы научиться скромности и смирению.

– Мы весь день будем ходить по пятам за Икарием и его ручным гралом?

– Самар Дэв, я – единственный кабалие, кто вживую видел нашего бога. Вполне естественно, что я желаю везде следовать за ним.

Бога? Но Икарий не бог, а обыкновенный ягг из одана к западу от Семи Городов. Над ним висит трагическое проклятие, но над кем оно не висит? Вдруг ее внимание привлекла фигура, шедшая навстречу Икарию с Таралаком Видом: высокая, сутулая, с разбитым лицом и огромным каменным мечом на спине.

– Только не это... – прошептала Самар Дэв.

– Что такое? – спросил старший оценщик.

- Он увидел его.
- Кого, Самар Дэв?

Но она уже бежала вперед, грубо расталкивая людей с дороги. Что-то будет? Несомненно. Разрешится ли это мирно? Едва ли.

У одного из рожков в приемной прохудился клапан, и оттуда ползли густые струи дыма, змеями завивавшиеся в воздухе. Кашель Урут отдавался глухим лаем. Сиррин Канар, скрестив руки, стоял перед дверями в тронный зал и смотрел за двумя посетителями. Томад Сэнгар ходил туда-сюда, ловко избегая столкновения с другими стражниками, хотя упорно делал вид, что не замечает их. Его супруга плотно запахла в темно-серую накидку, напомнив Сиррину стервятника со сложенными крыльями. Груз прожитых лет заставлял ее сутулиться, что еще больше усиливало впечатление. Губы стражника тронула усмешка.

- Полагаю, ожидание тебя забавляет, – проворчал Томад.
- Ах, значит, вы все-таки смотрите за мной.
- Я смотрю за дверью, а ты загромождаешь ее.

Наверняка хочет выломать, подумал Сиррин с улыбкой. *Вот только сначала придется пройти сквозь меня, а руки мараить мы не хотим, да?*

- Ничего не могу поделать, Император очень занят.
- Чем же? – спросил Томад. – Здесь всем заправляет Трибан Гнол, а Рулад просто сидит с бессмысленным взглядом и время от времени кивает.
- Невысокого же вы мнения о своем сыне.
- Это замечание их задело. Супруги Сэнгар жестко посмотрели на стражника.
- О Трибане Гноле наше мнение еще хуже, – заявила Урут.

Сиррин не стал отвечать, он прекрасно знал, что эти двое тисте эдур думают про канцлера, да и про всех летери, вместе взятых. Тупое предубеждение, особенно учитывая, как быстро эдур пристрастились к летерийскому образу жизни. При этом не стеснясь выражать свое отвращение и презрение. *Двуличные твари. Если вам так неприятно, что вы присосались-то к нашей титьке? Вы могли уничтожить все это. Уничтожить нас и всю нашу «ужасную» цивилизацию.* Нет, эти дикари не достойны того, чтобы тратить на них слова.

В дверь сзади поскреблись; Сиррин скорее почувствовал, чем услышал это. Он медленно выпрямился.

- Император готов вас принять.

Томад развернулся к двери, и Сиррин разглядел на его лице внутреннее напряжение под маской высокомерия. Урут, стоявшая чуть позади, распахнула накидку, освобождая руки. Что это у нее в глазах? Страх?.. Урут встала рядом с мужем, однако эта близость, видимо, только увеличила напряженность.

Сиррин Канар отступил в сторону и толкнул створку двери.

– За круг, выложенный плиткой, не заходить. Лишний шаг – и вас нашьпигуют стрелами. Без предупреждения. Личный приказ Императора. Теперь войдите, только медленно.

В ту самую минуту в западных воротах города на взмыленных лошадях подъехал отряд из четырех летери во главе с тисте эдур. Он крикнул, и прохожие бросились врассыпную, чтобы не угодить под копыта. Всадники были грязные, а двое еще и ранены. Мечи у тех, у кого они остались, были покрыты запекшейся кровью. Эдур был безоружен, а из спины, прямо в правой лопатке, у него торчал обломок стрелы. Плащ, прибитый наконечником к телу, намок от крови. Воин явно умирал. Он умирал уже пятый день.

Тисте эдур еще раз хрипло выкрикнул и повел свой потрепанный отряд через ворота в Летерас.

Странник изучал взглядом Рулада Сэнгара, который так и не пошевелился с тех пор, как канцлер объявил о прибытии Томада с Урут. Возможно ли, что Императора подвела храбрость и он оттягивает неизбежный разговор? Загадка. Даже осторожные расспросы канцлера не помогли понять, что творится на душе у правителя.

Светильники продолжали гореть. Факелы изрыгали дым, а отблески пламени плясали на стенах. Трибан Гнол молча стоял и ждал, сложив руки.

В голове у Рулада разыгрывались нешуточные сражения. Войско воли и желаний схлестнулось с ордой страха и сомнений. Поле битвы было пропитано кровью и усеяно телами павших бойцов. А может, череп Императора заполнял густой непроглядный туман, из которого он не может найти выхода.

Облаченный в заношенное, но роскошное одеяние, он восседал на троне, будто высеченная из камня статуя руки безумного скульптора. Стеклообразные глаза, шрамы на коже, кривая улыбка и жирные патлы черных волос. Он казался неотделим от трона, воплощая собой непоколебимость и вечный плен, но безумие добавляло свои краски: проклятие тирании, которая требует слепой покорности и не терпит прекословий.

Взгляните на него и узрите, что происходит, когда единственная справедливость – это месть, когда возмездие – это преступление, а сомнение – измена. Давай же, зови их, Император! Пусть твои родители предстанут перед тобой в кошмаре извращенной верности и почувствуют твой гнев!

– Давайте, – прохрипел Рулад.

Канцлер махнул стражнику у двери, тот, тихо лязгнув доспехами, развернулся и провел перчаткой по резной панели. Мгновение спустя дверь открылась.

Посетители находились за той же стеной, возле которой стоял Странник, слева от него, так что он не видел, что происходит снаружи, только уловил несколько неразборчивых реплик.

Томад и Урут Сэнгар вошли в тронный зал и замерли внутри выложенного плиткой круга. Затем поклонились Императору.

Рулад облизнул рассохшиеся губы.

– Они – наши родичи, – заметил он.

Томад нахмурился.

– Они жили в рабстве у людей. Их надо было освободить, разве нет?

– Вы говорите про тисте эдур с острова Сепик, мой Император? – спросила Урут.

– Их освободили, – утвердительно кивнул Томад.

Рулад подался вперед.

– Рабов освободили. Тогда почему, дражайший отец, они все еще гниют в цепях?

Морщинистое лицо Томада выражало смятение. Он явно не мог подобрать слов для ответа.

– Они ожидают вашего решения, мой Император, – сказала Урут. – После возвращения мы неоднократно просили вашей аудиенции, но, увы, – она бросила взгляд на Трибана Гнола, – ваш канцлер постоянно отсылал нас.

– И тогда вы, – прохрипел Рулад, – как полагается, объявили их гостями Империи. И где же их поселили? Не в роскошных резиденциях рядом с дворцом. Нет, вы выбрали ямы, где держат должников, изменников и убийц. Вот так вы потчуете гостей у себя дома, Томад? Урут? Удивительно, ведь в детстве я не замечал, чтобы обычаи тисте эдур настолько попирались. *Тем более в доме моей семьи!*

– Рулад... – Под напором сыновьего гнева Томад даже немного отступил. – Мой Император, вы видели этих, как вы говорите, «родичей»? Они... никчемные. От одного взгляда на них тянет принять ванну. Их воля сломлена. Они – насмешка над тисте эдур. Такое над ними сотворили люди острова Сепик, и за это преступление против нашей крови они ответили. На острове не осталось ни единой живой души, мой Император.

– Родичи... – прошептал Император. – Объясни мне, отец, потому что я не понимаю. Вы увидели преступление против крови эдур и вынесли преступникам приговор. Качество этой крови вас не волновало. И правда, оно никак не влияет на суть наказания, лишь, возможно, делает его более суровым. Здесь я слышу правду. Но ведь это не все, так, отец? Дело куда более запутано. Оказывается, те жертвы жестокого обращения людей не заслуживают нашего почтения, стало быть, их нужно спрятать, пускай гниют.

За что же вы тогда мстили?

Где же, отец, где же наше почтение к гостям? Где братские чувства, которые связывают тисте эдур? Скажи мне, Томад Сэнгар, разве то была моя воля? *Я здесь Император, а значит, Империя – это я!*

Этот выкрик еще долго эхом гулял под сводами тронного зала. Ни Урут, ни Томад не могли вымолвить ни слова. Их серые лица приобрели пепельный оттенок.

Трибан Гнол стоял в нескольких шагах позади родителей Рулада, опустив глаза долу, как смиренный монах. Однако Странник превосходил проницательностью простых смертных и поэтому слышал, как затрепетало злобное сердце старика, почти чуял темное злорадство, которое скрывалось за покорным, полным раскаяния лицом.

Урут взяла себя в руки и медленно распрямилась.

– Мой Император, мы не можем знать вашу волю, раз нам не дают видаться с вами. Неужели канцлеру позволено ограждать Императора от родителей? От собственных родителей! И как же все остальные тисте эдур? Император, летери воздвигли вокруг вас стену!

Странник услышал, как в груди Трибана Гнола забилося сердце.

– Ваше величество! – возмущенно воскликнул канцлер. – Нет никаких стен! Вас охраняют, да. Вас защищают от тех, кто мог бы навредить...

– Навредить ему? – крикнул Томад, поворачиваясь к канцлеру. – Он наш сын!

– Что вы, я не имел в виду вас, Томад Сэнгар. И вас, Урут, тоже. Да, возможно, охрана, которой мы окружили нашего правителя, показалась вам стеной, но...

– Мы хотим говорить с ним!

– Ни слова больше, – раздался жуткий хрип Рулада. – Я больше не хочу слушать вашу ложь. Вы двое, Ханнан Мосаг и все до единого тисте эдур только и делают, что лгут мне. Думаете, я не чувствую ваш страх? Вашу ненависть?.. Молчите, я не желаю слушать вас. Теперь буду говорить я.

Император медленно откинулся на спинку трона и посмотрел на родителей тяжелым взглядом.

– наших родичей освободят. Такова моя воля. Они будут свободны. Вам же, мои дражайшие родители, следует усвоить урок. Вы бросили их гнить в темноте. Сначала в трюмах кораблей, потом в ямах. Видно, раз вы способны на такие зверства, то не понимаете всего их ужаса. Посему я приговариваю вас пережить то же, на что вы обрекли наших родичей. Вы оба проведете два месяца в карцере Пятого крыла. Вы будете сидеть в темноте, а еду вам будут подавать раз в день через люк в потолке. Беседовать вы сможете только друг с другом. На вас надеты кандалы. Там будет царить темнота. Полная темнота. Ты понимаешь, Урут? Никаких теней, никакой силы, которой ты могла бы воспользоваться. Там у вас будет время задуматься о том, как тисте эдур должны принимать гостей, а тем более своих родичей, неважно, насколько низко они пали. И тогда вы поймете, чем свобода отличается от рабства. – Рулад взмахнул свободной рукой. – Уведите их, канцлер. Не могу больше смотреть на этих предателей.

Странник, ошеломленный не менее Томада и Урута, не заметил, как Трибан Гнол жестом вызвал отряд летерийской стражи. Воины возникли внезапно, будто из воздуха, и сомкнулись вокруг супругов Сэнгар.

Железные чешуйчатые рукавицы схватили тисте эдур за руки.

И тогда Странник понял, что это начало конца.

Надеждам Самар Дэв предотвратить ссору не было суждено сбыться. Она отставала от Карсы Орлонга на четыре шага, когда тот подошел к Икарию с Таралаком Видом. Ягг отвернулся посмотреть на мутный канал, а Карса подошел сзади и, схватив его за левую руку, развернул обратно.

Таралак Вид попытался отцепить Карсу от Икария, и тут его голова хрустнула от удара. Карса даже не замахнулся. Грал рухнул на мостовую и больше не шевелился.

Икарий посмотрел на державшую его руку; лицо его по-прежнему выражало спокойствие.

– Карса! – закричала Самар Дэв. Прохожие стали оборачиваться, а те, кто видел, что случилось с Таралаком Видом, поспешили удалиться. – Если ты убил грала...

– Он ничто, – прорычал Карса, не сводя глаз с Икария. – Твой прошлый спутник, ягг, был куда сильнее. Теперь мы сошлись один на один, и никто не ударит меня сзади.

– Карса, он безоружен.

– А я вооружен.

Икарий все еще рассматривал схватившую его руку: в красных прожилках шрамов от цепей на запястье, в точках и черточках от старых татуировок, – как будто не понимал, что это такое. Потом он заметил Самар Дэв и приветливо улыбнулся.

– А, это ты, ведьма. Таксилие с Варатом Тоном высоко о тебе отзывались. Как-то нам не удавалось пообщаться, хотя я и видел тебя на подворье...

– У тебя дело не с ней, а со мной, – перебил Карса.

Икарий медленно повернул голову и встретился глазами с тоблакаем.

– А ты – Карса Орлонг, который не понимает сути тренировочных боев. Скольких товарищей ты уже покалечил?

– Они мне не товарищи. Как и ты.

– А я? – вмешалась Самар Дэв. – Я тебе тоже не товарищ, Карса?

Тот скривился.

– А что?

– Икарий безоружен. Убив его, ты не попадешь к Императору. Тебя закуют в цепи, а потом отсекут голову.

– Я уже говорил тебе, ведьма. Цепями меня не удержишь.

– Ты ведь хочешь встретиться с Императором?

– А если этот убьет его первым? – рявкнул Карса и так дернул Икария за руку, что тот раскрыл глаза от неожиданности.

– И это плохо? – воскликнула Самар Дэв.

То есть ты поэтому калечишь прочих претендентов? Безмозглый, так с тобой больше никто играть не будет.

– Так ты хочешь драться с императором Руладом вперед меня? – спросил Икарий.

– Я не прошу у тебя разрешения, ягг.

– И все же я его даю, Карса Орлонг. Я пропущу тебя к Руладу.

Карса прожигал Икария взглядом; тот, хоть и был ниже ростом, умудрялся смотреть тоблакаю в глаза, даже не поднимая головы.

А потом произошло нечто странное. Самар Дэв заметила, как у Карсы вдруг расширились глаза.

– Теперь ясно, – проворчал он. – Я все вижу.

– Это радует, – ответил Икарий.

– Видишь что? – поинтересовалась Самар Дэв.

Лежавший на земле Таралак Вид застонал, закашлялся, перевернулся на бок и сблевал.

Карса отпустил ягга и сделал шаг назад.

– Твое слово крепко?

Икарий слегка наклонил голову.

– А почему бы ему таковым не быть?

– Это правда. Я свидетель.

Ягт поклонился снова.

– Руки прочь от меча!

Все трое обернулись на крик. К ним навстречу с мечами наголо подходили шестеро лете-
рийских стражников.

Карса ослабился.

– Я возвращаюсь на подворье, детишки. Так что уйдите-ка с дороги.

Они разошлись, как заросли камыша перед носом каяка, затем сомкнулись и пошли за Карсой, стараясь поспевать за широким шагом тоблакая.

Самар Дэв посмотрела им вслед, потом резко вскрикнула и тут же зажала рот руками.

– Ты напоминаешь мне старшего оценщика: он тоже так делал, – заметил Икарий с улыбкой, однако смотрел куда-то в сторону. – И да, вот он стоит, мой личный стервятник. Если я его позову, он подойдет? Как думаешь, ведьма?

Она мотнула головой, все еще пытаясь прийти в себя от накатившего облегчения и запоздалой реакции на испытанный ужас, от которой затряслись руки.

– Нет, он предпочитает поклоняться на расстоянии.

– Поклоняться? Он сошел с ума. Самар Дэв, передашь ему?

– Как хочешь. Но это не поможет, Икарий. Видишь ли, его народ помнит тебя.

– Неужели?

Икарий, слегка сощурившись, посмотрел на старшего оценщика, которому явно было неуютно от того, что божество обратило на него внимание.

Нижние духи, почему меня вообще заинтересовал этот монах? Нет никакого влечения в сиянии фанатичного поклонения. Только заносчивость, непоколебимость и скрытые лезвия остроумия.

– Возможно, мне все же придется с ним переговорить, – проговорил Икарий.

– Он сбежит.

– Тогда на подворье...

– Загонишь его в угол?

Ягт улыбнулся.

– Что еще раз подтвердит мое всемогущество.

Внутри Сиррина Канара все бурлило, как в кипящем котле: еще чуть-чуть – и сорвет крышку. Однако он сумел удержать себя в руках, спускаясь по длинной лестнице в карцер Пятого крыла. Воздух здесь был сырой и густой, хоть пробуй на вкус, под ногами хлюпала плесень, а холод пробирал до самых костей.

Вот тут ближайшие два месяца будут обретаться Томад и Урут Сэнгар, что несказанно радовало Сирина. В свете фонарей, которые несли стражники, он с огромным удовлетворением наблюдал за лицами эдур. На них запечатлелось то же выражение, что встречается у каждого узника: беспомощность вперемешку с неверием, в глазах – страх и непонимание, уступающие впоследствии бессмысленному отрицанию происходящего.

Сегодня ночью он предастся плотским утехам, а эти минуты служат сладкой прелюдией. Он будет спать сном человека, довольного собой и миром. Своим миром.

Они прошли по нижнему коридору до самого конца. Сиррин жестами распределил Томада в камеру слева, а Урут – напротив. Женщина-эдур, в последний раз взглянув на мужа, последовала за троими стражниками-летерийцами. Мгновение спустя к ней зашел и Сиррин.

– Я вижу, что вы куда более опасны, – сказал он, пока один из стражников надевал браслет ей на правую ногу. – Пока мы тут, вы еще можете воспользоваться тенью.

– Я предоставлю расправиться с тобой другим, – ответила она.

Он некоторое время смотрел на Урут.

– Вам запретят принимать посетителей.

– Знаю.

– Первый испуг проходит.

Она посмотрела на него, всем своим видом выражая неприкрытое презрение.

– Вместо него наступает отчаяние.

– Прочь отсюда, ничтожество.

– Снимите с нее накидку, – приказал Сиррин с улыбкой. – Не одному же Томаду страдать от холода.

Урут оттолкнула руку стражника и сама отцепила застёжку.

– Большой глупостью было отказывать в почестях эдур, – произнес Сиррин. – Что ж, тогда получите, – он обвел рукой крошечную камеру с протекающим потолком и потрескавшимися стенами, – почести от летери. С нижайшим поклоном.

Урут не ответила. Сиррин обернулся к стражникам:

– Идемте. А они пусть остаются в темноте.

Когда их шаги окончательно стихли, Пернатая ведьма выбралась из камеры, в которой пряталась. В ее уединенный мирок пожаловали гости. Причем незванные. Эти коридоры: неровный каменный пол, скользкие стены, затхлый воздух, запах разложения, темнота – все здесь принадлежало ей.

Томад и Урут Сэнгар. Урут когда-то была хозяйкой Пернатой ведьмы. Что ж, справедливо. Пернатая ведьма, в конце концов, летери, но теперь-то, несомненно, серый прилив превратился в отлив.

Она выбралась в коридор, мягкие мокасины совершенно не производили шума. Она замерла. Может, заглянуть к ним? Посмеяться над их нуждой? Соблазн велик. Но лучше остаться невидимой; не надо им знать, что она тут.

Они переговаривались друг с другом. Пернатая ведьма подошла поближе и прислушалась. Говорил Томад:

– ...ненадолго. Именно это, жена, больше всего заставляет нас действовать. Ханнан Мосаг обратится к женщинам, и мы заключим союз...

– Не будь так уверен, – ответила Урут. – Или ты уже забыл, чего на самом деле добивается колдун-король? Все это его рук...

– Увы, придется забыть. Другого выхода нет.

– Возможно. Но придется идти на уступки, а это не просто, потому что мы не доверяем друг другу. Да, конечно, он поклянется – как ты говоришь, выхода нет. Однако чего стоит слово Ханнана Мосага? Его душа отравлена. Он по-прежнему жаждет того меча, заключенной в нем силы. Ее мы ему не отдадим. Никогда и ни за что!

Зазвенели цепи, и снова заговорил Томад:

– В его голосе не было безумия.

– Нет, не было, – тихо сказала Урут.

– Его гнев был праведным.

– Да.

– Как и наши действия на Сепике, когда мы увидели, насколько низко пал наш народ. Они же вели жалкое существование, они предали свою волю, свою гордость, себя самих. Они же тисте эдур! Если бы мы знали об этом с самого начала...

– Мы бы оставили их в покое, муж?

Томад помолчал.

– Нет. Отомстить малазанцам было необходимо. Ради нас, а не ради родичей. Рулад этого не понял.

– Все он понял, Томад. наших родичей бросили в трюм, потом в яму. Рулад прав. Мы наказывали их за их неудачу. Это тоже месть. Мы мстили своей же крови.

– Вот только, когда принималось решение, ты что-то промолчала, жена, – горько ответил Томад. – Так что можешь кичиться своей ложной мудростью сколько хочешь, а меня от нее уволь. Уж лучше молчание.

– Как пожелаешь, муж.

Пернатая ведьма отошла от их камер. И так, Ханнан Мосаг узнает. Что он тогда сделает? Будет разыскивать женщин-эдур? Хотелось бы верить, что нет. Если у Пернатой ведьмы и были настоящие враги, то именно они. Мог ли колдун-король сравниться с ними? В коварстве – безусловно, а вот в силе? Вряд ли. Если, конечно, у него не имелось незримых союзников.

Нужно обсудить это со Странником, с богом.

И заставить его... пойти на кое-какие уступки.

Улыбаясь, Пернатая ведьма неслышно прошла по коридору.

Мысль об участии, которая ожидала Томада и Урут Сэнгар, на мгновение пронеслась у нее в голове, но тут же пропала, не оставив и следа.

Один из подземных тоннелей под Старым дворцом вел почти к пересечению между Главным каналом и каналом Ползучих гадов. Проход был заложен кирпичом в трех местах, и кладку Ханнан Мосаг не трогал. Он просто искажил реальность с помощью Куральд Эмурланна и прошел насквозь. В этот раз он провел с собой Брутена Трану.

Пока Ханнан Мосаг занимался приготовлениями, его последователи прятали воина – непростая задача. Нет, дело не в том, что по всему дворцу велись поиски, хотя в последнее время все пребывали в постоянном состоянии смятения и страха. С пугающей частотой кто-то пропадал, особенно тисте эдур. Однако в этом случае главной проблемой был сам Брутен Трана.

Человек сильной воли. Но это нам на руку, если только я смогу вбить ему в голову, что нетерпеливость – порок. Воину никуда без решимости, верно, но нужно знать время и место этой решимости, а до них еще не дошли.

Ханнан Мосаг провел Брутена в небольшой зал в самом конце тоннеля. Это было восьмиугольное помещение, сложенное из неровных камней. Сводчатый потолок выложен потускневшей и потемневшей медью. Такой низкий, что зал выглядел как землянка.

Когда колдун-король только нашел это помещение, оно и прилегающая часть тоннеля были под водой, чем дальше – тем глубже. Темная, мутная жижа плескалась почти под самым потолком.

Ханнан Мосаг откачал воду через небольшой разрыв, который вел в мир Зарождения. Запечатав разрыв, он быстро, по-крабьи, протащил внутрь жерди из черного дерева. Покрытый слизью коридор снова начало затопливать, но колдун-король донес связку до зала, размотал ее и принялся строить восьмиугольную ограду, отстоящую от стен на ширину ладони, по две на каждую сторону. В густой тине, покрывавшей пол, жерди стояли почти вертикально. Закончив с этим, Ханнан Мосаг полностью раскрыл Куральд Эмурланн.

Цена оказалась ужасной. Он пытался очистить свой Путь от хаоса, от ядовитого дыхания Увечного бога, но задача была непосильной. Его изуродованное тело, изломанные кости, жидкая, почерневшая кровь – все это теперь служило миру злобы, в котором правил Падший, образуя слияние между жизнью и силой. Так много времени прошло с тех пор, как колдун-король в последний раз ощущал – по-настоящему – чистое прикосновение Куральд Эмурланна, и поэтому, даже разорванный и ослабленный, он сильно опалил его.

Запахло горелой плотью и палеными волосами. Ханнан Мосаг пытался призвать благословение на храм, запечатать силу Тени в этом новом, его собственном храме. Борьба шла всю ночь, ледяная вода все прибывала, ноги занемели. Концентрация стала пропадать. И в отчаянии, чувствуя, что больше не вынесет, он воззвал к Отцу Тени.

Скабандари.

В отчаянии, зная, что все пошло прахом...

И вдруг – всплеск силы, чистой и несгибаемой. Вода вскипела и превратилась в могучие клубы пара. Сухой, как в печи, жар исходил от стен. Грязь на полу запеклась, и жерди черного дерева встали как вкопанные.

Жар проник Ханнану Мосагу под кожу, до самых костей. Он завопил от дикой боли, и в это время внутри него зародилась новая жизнь.

Он не исцелился. Кости его не распрямились, шрамы не разгладились.

Нет, это было своего рода обещание, шепотом предрекающее светлое будущее. Очень быстро оно пропало, но память Ханнана Мосага сохранила его.

Скабандари, Отец Тень, жив. Как дух, оторванный от брэнной плоти, да, но жив. И он откликнулся на отчаянную молитву, даровав сему месту благословение.

Я нашел путь. Я вижу конец.

Ханнан Мосаг присел на твердую, потрескавшуюся землю. Брутен Трана, вынужденный согнуться из-за низких потолков, стоял рядом. Колдун-король указал в центр зала.

– Иди туда, воин, и ляг. Ритуал готов, но предупреждают тебя: путешествие будет долгим и трудным.

– Я не понимаю, колдун-король. Этот... этот храм. Он же настоящий Куральд Эмурланн.

– Да, Брутен Трана. Под покровительством самого Отца Тени. Твое путешествие, воин, так же носит его благословение. Не значит ли это, что мы на верном пути?

Брутен Трана посмотрел на колдуна-короля, помолчал немного, потом сказал:

– Это место должно было отвергнуть тебя. Отец Тень должен был отвергнуть тебя. Твое предательство...

– Мое предательство ничего не значит, – огрызнулся колдун-король. – Воин, мы благословлены. Это место – не просто храм Куральд Эмурланна, а храм самого Скабандари, нашего бога! Самый первый храм в этом мире! Ты понимаешь, что это значит? Он возвращается. К нам.

– Тогда, возможно, наш поиск не имеет смысла, – заметил Брутен.

– То есть?

– Если Скабандари вернется, то он предстанет перед Руладом Сэнгаром. Скажи, пойдет ли твой Увечный бог на такой риск?

– Не будь глупцом, Брутен Трана. Вопрос следует ставить иначе: пойдет ли Скабандари на такой риск? В самое мгновение своего возвращения? Нам неведома сила Отца Тени, но он наверняка будет слаб и истощен. Нет, воин, нам предстоит оберегать его. Оберегать и подпитывать.

– Значит, Фир Сэнгар все же нашел его?

Ханнан Мосаг сощурился.

– Почему ты спрашиваешь, Брутен Трана?

– Так многие эдур говорят. Фир отправился на поиски Отца Тени. По приказу брата и твоему приказу, колдун-король.

– Видимо, у нас случилось примирение, – выдавил Ханнан Мосаг.

– Наверное. Однако ты не ответил на мой вопрос.

– Я не знаю на него ответа.

– Вы что, снова рассорились?

– Твои обвинения беспочвенны, Брутен Трана.

– Тогда приступим к ритуалу. Скажи только, я отправлюсь в телесной форме?

– Нет. Ты умрешь, воин. Мгновенно. Нам нужно высвободить твой дух.

Брутен Трана прошел в центр зала, снял меч, расстегнул ремень и лег на спину.

– Закрой глаза, – велел колдун-король, подползая ближе. – Отдай свой разум на милость Тени. Ты почувствуешь мою руку на своей груди, а потом покинешь тело. После этого открой глаза, и окажешься... в ином месте.

– Как я пойму, что нашел нужную тропу?

– Ищущему да воздастся, Брутен Трана. А теперь, прошу, молчи. Мне нужно сосредоточиться.

Подождав немного, колдун-король положил ладонь на грудь воина.

Вот и все.

Перед Ханнаном Мосагом лежало бездыханное тело. Если его бросить, оно начнет разлагаться. Однако здесь была благословенная земля, оживленная силой Куральд Эмурланна. Здесь все останется в целости и сохранности. Время для этого тела остановится.

Ханнан Мосаг подполз ближе и принялся обшаривать одежду Брутена Траны. Он что-то прятал, что-то, наделенное аурой необузданной силы, которая резала колдуну-королю все органы чувств. В карманах на внутренней стороне плаща было пусто – только рваная, мятая записка. Ханнан Мосаг вывернул кошель, привязанный к ремню. Один гладкий камень, черный, как оникс, но на самом деле всего лишь обкатанный водой кусок обсидиана. Три докса – летерийских монеты. И все. С растущим раздражением Ханнан Мосаг стал раздевать воина.

Пусто. И все же он чувствовал, как от одежды прямо разит силой.

Оскалившись, Ханнан Мосаг отошел. У него тряслись руки.

Он забрал его с собой. Это невозможно, но... Какие еще варианты?

Отчаянный взгляд зацепился за скомканную записку. Ханнан Мосаг подобрал ее, расправил и прочел.

Поначалу он никак не мог вникнуть в смысл написанного – потом до него дошло – это признание. Подпись незнакомая, к тому же вычурная, в летерийском стиле, – такая, что не разберешь. Мгновением позже бешено работающая мысль нашла ответ.

Он поднял глаза и взгляделся в обнаженное тело Брутена Траны.

– Какой обман ты хотел проверить, воин? Возможно, ты умнее, чем я предполагал. – Помолчав, он улыбнулся. – Впрочем, уже неважно.

Колдун-король достал кинжал.

– Кровь да скрепит священную жизнь моего храма. Скабандари, ты поймешь меня. Да. Так надо.

Он подошел к Брутену Тране и присел.

– Найди того, кого мы ищем, воин. Найди. Но после этого, увы, ты мне больше без надобности.

И, воздев кинжал, Ханнан Мосаг вогнал его в сердце Брутена Траны.

Оглянувшись на Бугга, Тегол Беддикт увидел, как слуга сделал полный разворот, неотрывно провожая взглядом огромного варвара-тартенала с дурацким каменным мечом. Стражники, конвоировавшие великана, выглядели напуганными.

– Не Ублала Панг, конечно, да? – сказал Тегол.

Бугг как будто его не слышал.

– А, ну как хочешь. Я, пожалуй, переговорю вон с тем, другим. Как ты его назвал? Ах да, ягг. Тот, кто не трясется от хватки тартенала, либо безмозглый, либо – и это может быть неприятно – еще страшнее. Возможно, стоит подождать, как обычно прислушавшись к совету верного слуги... Нет? Пусть будет нет. Тогда, пожалуйста, стой здесь, как будто у тебя сердце

провалилось и застряло где-то в печенке или в органе, названия которого лучше не знать. А если да, то иди.

Тегол направился к яггу. Еще один дикарь, которого вырубил тартенал, – тот самый, в поисках которого Ублала Панг проник на подворье, – поднимался с земли, трясая головой. Из разбитого всмятку носа текла кровь. С татуированным великаном беседовала женщина, попросту красивая, как снова отметил Тегол, а шагах в десяти стоял еще один чужак, с каким-то трепетом смотревший то ли на женщину, то ли на ягга.

В общем, обстановка показалась Теголу интересной – самое то, чтобы появиться в своей привычной очаровательной манере. Подойдя ближе, он развел руки в стороны и возвестил:

– Думаю, настало время достойно поприветствовать вас в нашем городе!

Покрывало упало к его ногам.

Бугг, к сожалению, просмотрел сей грандиозный выход, потому что, не желая выпускать тоблакая из виду, пошел следом – к Подворью чемпионов, или как там обозвали это место безыскусные чиновники. Дойдя до последнего перекрестка, все вдруг почему-то остановились. Улицу переполняли люди.

Тощие, измазанные в дерьме, почти голые, все в язвах и оспинах, они запрудили улицу, как потерявшиеся дети. Глаза их щурились от яркого вечернего солнца. Сотни несчастных созданий.

Конвой тоблакая замер, упершись в этот внезапный барьер. Первый стражник отшатнулся, как будто не в силах вдыхать вонь, и начал о чем-то спорить с остальными. «Пленник» же просто рывкнул на толпу, чтобы она разошлась, и пошел дальше, расталкивая стоящих на пути.

Он прошел еще шагов двадцать и тоже остановился. Толпа вокруг едва доходила ему до плеч. Он окинул собравшихся яростным взором и прокричал на ломаном малазанском:

– Я знаю вас, бывшие рабы с острова Сепик! Слушайте меня!

Лица повернулись к нему. Толпа расступилась и выстроилась кругом.

Они слушают. Они очень хотят его послушать.

– Я, Карса Орлонг, отвечаю за вас! Клянусь! Ваши родичи отвергли вас, изгнали. Им плевать, будете вы жить или умрете. На этой проклятой земле никому нет до вас дела. Я ничего не предлагаю, чтобы изменить вашу судьбу! Но я брошу все силы, чтобы отомстить за то, как с вами обошлись! Теперь идите своим путем, на вас нет цепей. Идите, чтобы никогда снова в них не оказаться!

С этими словами воин-тоблакай пошел дальше, к главным воротам подворья.

Не совсем то, что они надеялись услышать, пожалуй. Пока что. Со временем, наверное, они все это вспомнят.

А сейчас требуется нечто иное.

Стражники отступили в поисках другого пути.

Несколько горожан поступили так же. Никто не хотел видеть, что будет дальше.

Бугг протиснулся вперед. Зачерпнул силу, чувствуя, как она противится необычной цели. *Проклятые поклонники – кто бы и где бы вы ни были. Здесь все будет по-моему!* Сила, лишенная жалости, холодная, как море, темная, как океанская пучина. *Все будет по-моему.*

– Закройте глаза, – сказал он, обращаясь к толпе. Слова были не громче шепота, но все отчетливо и ясно слышали их у себя в голове. *Закройте глаза.*

Они послушались. Дети, женщины и мужчины зажмурились и замерли. Никто не дышал в напряжении, а может, от страха – впрочем, Бугг подозревал, что страха они уже не испытывают. Они стоят и ждут, что будет дальше.

Все будет по-моему.

– Слушайте меня. Далеко отсюда есть безопасное место. Я отправлю вас туда. Сейчас же. Вас там встретят друзья. Они дадут вам пищу, кров и одежду. Когда почувствуете, что земля под ногами шевелится, откройте глаза – и увидите свой новый дом.

Море не прощает. Его сила – голод и гнев. Море вечно воюет с берегом и с самим небом. Море ни по кому не плачет.

Буггу все равно.

Как вода в приливном бассейне под жарким солнцем, его кровь... нагрелась. Самая маленькая лужица есть отражение океана, десятков океанов – и их сила может быть заключена в одной-единственной капле. В этом суть Денет Рузена, суть Руза – Пути, в котором зародилась жизнь. *И эта предтеча жизни даст мне то, что нужно.*

Сострадание.

Тепло.

Сила пришла мощным потоком. Жестоким, но истинным. Вода так давно знала жизнь, что и не помнила себя чистой. Сила и дар слились воедино и подчинились своему богу.

И он отправил всех прочь.

Бугг открыл глаза. Улица опустела.

Вернувшись к себе в комнату, Карса Орлонг снял заплечные ножны и, держа в руках перевязь с оружием, посмотрел на длинный стол, на котором слабо мерцал масляный светильник. Постояв немного, Карса положил все на стол. И снова замер.

Слишком много нужно обдумать; мысли выплескиваются, как вода из случайно найденного родника. Рабы. Изгнанные, потому что в их жизни не было смысла. Что эдур, что лете-рийцы – все бессердечные и при этом трусы. Безразличие дорого им стоит, но они предпочитают отвернуться. А если им кто-то не нравится, то его просто выгоняют.

И при этом они считают Карсу варваром.

Впрочем, такое различие его более чем устраивает.

И в полном соответствии со своим «варварским» видением того, что правильно, а что нет, на поединке с императором Руладом он будет держать в голове этот образ: изможденные лица, слезящиеся глаза, блестящие так ярко, что будто обжигают. И не только на поединке, но и в схватке с любым лете-рийцем или эдур, которые рискнуть встать у него на пути.

Так он поклялся и так будет.

Эта ледяная мысль заставила Карсу замереть еще на десяток ударов сердца, а потом в памяти всплыл другой образ. Икарий, прозванный также Отнимающим жизни.

Еще немного, и Карса свернул бы яггу шею.

А потом он заглянул в его пепельное лицо... и узрел в нем что-то знакомое.

Он поддается Карсе. Так он пообещал, и Карса знал, что своего слова ягг не нарушит.

В Икарии, несомненно, текла кровь ягга – а значит, либо отец, либо мать его была яггу-том. Впрочем, Карса в этом понимал мало, да и неважно.

А вот второй родитель – наоборот. Либо мать, либо отец. Того взгляда в лицо Икарию было достаточно, чтобы узнать эту кровь. Она шептала, как отзвук его собственной.

Тоблакай.

Канцлер Трибан Гнол с несвойственной осторожностью опустил в роскошное кресло. Перед ним стоял запыленный, весь в крови и поте солдат-лете-ри, а по правую руку от него – Сиррин Канар, который вернулся из подземелий как раз одновременно с прибытием весто-вого.

Трибан Гнол отвел взгляд от измотанного солдата. Нужно вызвать рабов-полотеров, вытереть место, где он стоит. И заново окурить кабинет сосновым маслом. Опустив глаза на лакированную шкатулку, которая стояла на столе, канцлер спросил:

– Сколько еще с тобой, капрал?

– Еще трое. И один эдур.

Трибан Гнол вскинул голову.

– Где он?

– Умер, не дойдя три шага до парадного входа в Вечный Дом, господин.

– Умер? В самом деле?

– Он был тяжело ранен, господин. Я решил не подпускать к нему лекарей. Помогал ему идти, а сам несколько раз провернул стрелу у него в спине и вогнал поглубже. От боли он потерял сознание, я опустил его на землю и пережал большую артерию на шее. Тридцать ударов сердца или чуть больше – никакому эдур такого не пережить.

– И ты все еще ходишь в капралах? Непорядок. Сиррин, когда закончим, внеси имя этого человека в список на повышение.

– Слушаюсь, канцлер.

– Таким образом, – продолжил Трибан Гнол, – поскольку среди оставшихся ты старше других по званию, докладывать отправили тебя.

– Да, господин.

– Назови остальных.

Капрал неуютно пошевелился.

– Господин, если бы не мои солдаты, я бы ни за что...

– Я понимаю твою преданность. Весьма похвально. Увы, положение требует незамысленного взора, а это накладывает определенные ограничения. Те солдаты не служат мне. В отличие от тебя.

– Они верны, господин...

– Кому? Или чему? Нет, риск слишком велик. Впрочем, кое-что я могу для них сделать, в знак моей признательности. – Канцлер перевел взгляд на Сиррина. – Быстро и без боли. Никого не допрашивать.

Стражник вскинул брови.

– Никого?

– Никого.

– Как прикажете, господин.

Капрал облизнул пересохшие губы, затем явно через силу выдавил:

– Благодарю, господин.

Канцлер рассеянно кивнул, снова опустив глаза на блестящую шкатулку черного дерева.

– Спрошу еще раз, – сказал он, – что известно про нападавших? Они объявляли войну?

– Нет, господин, совсем нет, – ответил капрал. – Если не считать сотен сожженных кораблей. И даже после этого... их мало, господин. Никакой массовой высадки, никакой армии.

– Но как-то же они сюда попали.

– Да, попали, Странник, помилуй! Господин, я ехал в отряде из двадцати ветеранов-летери и шестерых тисте эдур племени арапаев. Мы попали в засаду на поляне у заброшенной усадьбы, магия эдур нас не защитила. Только-только собирались разбить лагерь; кругом высокая трава и никого – и вдруг гром, пламя, и тела взлетают в воздух. Куски тел, ошметки. А в темноте свистят стрелы.

– И все же вам удалось спастись.

Капрал замотал головой.

– Эдур, который нами командовал, он знал, что вести, с которыми мы едем в столицу – про горящие корабли и трупы тисте на дорогах, – так вот, эти вести надо довести, не вступая в стычки. Все, кто мог, попытались отступить. Вслед за командиром мы убежали. Сначала всемером – пятерых эдур они убили в первые же мгновения боя, потом осталось только пятеро.

– За вами гнались? – тихо и задумчиво спросил Трибан Гнол.

– Нет, господин. У них не было лошадей. Мы их, во всяком случае, не видели.

Канцлер молча кивнул, затем спросил:

– Люди?

– Да, господин. Однако не летери и не дикари, насколько мы поняли. У них были арбалеты – не жалкие рыбацкие луки, которыми у нас пользуются, когда ходит карп. Нет, железное оружие, с толстой тетивой, а стрелы пробивали щиты и доспехи. Я видел, как такая стрела сбила с ног одного из моих солдат, насмерть. А еще...

Трибан Гнол поднял ухоженный палец, и солдат замолк.

– погоди, солдат. Не спеши. Ты вот сказал раньше... – Канцлер поднял глаза. – Пятеро эдур из шести были убиты сразу же. И еще, что вы везли вести о трупах эдур на дорогах, ведущих от побережья. А тела летери там были?

– Нет, господин, нам не попадались.

– Однако шестой эдур – твой командир – пережил нападение. Почему?

– Похоже, они подумали, что он не жилец. Стрела попала ему в спину, она же потом его и доконала. От удара он выпал из седла. Думаю, противник не ожидал, что он поднимется и сумеет вернуться на коня...

– Ты сам все это видел?

– Да, господин.

– А что было раньше: стрелы или гром и пламя?

Капрал наморщил лоб, затем сказал:

– Сначала стрелы, на мгновение ока раньше, чем все остальное. Да, именно так. И первая стрела попала в командира.

– Потому что у него командирские знаки отличия?

– Полагаю, что так, господин.

– А гром и пламя – колдовство – ударили куда? Хотя погоди, я сам отвечу. Прямо в оставшихся эдур.

– Точно так, господин.

– Солдат, ты свободен, можешь идти. Сиррин, задержись на минуту.

Как только за капралом закрылась дверь, Трибан Гнол вскочил из-за стола.

– Странник помилуй! Вторжение! В нашу империю!

– Как по мне, так скорее против эдур, – предположил Сиррин.

Канцлер гневно взглянул на него.

– Ты дурень. Это все неважно, так, занятная мелочь, не играющая никакой роли. Сиррин, эдур правят нами: пускай только на словах, но они наши покорители. А мы им подчиняемся, в том числе летерийская армия.

Он громыхнул кулаком по столу, шкатулка подпрыгнула, с нее соскочила крышка. Трибан Гнол уставился на содержимое.

– Идет война, – сказал он. – Не наша война – не та, на которую мы рассчитывали, но все же война!

– Мы сокрушим противника, господин...

– Конечно же, сокрушим, как только выставим своих колдунов против их. Это тоже неважно.

– Я вас не понимаю, господин.

Трибан Гнол гневно смотрел на подчиненного. *Куда тебе? Вот почему ты никогда так и не пробьешься наверх, жалкий головорез.*

– Когда утихомиришь лишних и подпишешь прошение о повышении нашего предпримчивого капрала, пойдешь к Каросу Инвиктаду и передашь ему сообщение от меня. Лично.

– Какое сообщение?

– Приглашение. Я зову его во дворец.

- Когда?
- Немедленно.
- Слушаюсь, господин. – Сиррин отдал честь.
- Иди.

Когда дверь снова закрылась, Трибан Гнол повернулся к столу и заглянул в открытую шкатулку. Внутри лежал небольшой пузатый фиал, полный на треть.

Трибан Гнол часто с удовлетворением смотрел на содержимое шкатулки; само знание, что оно там, успокаивало его. Он вспоминал, как подливал жидкость из фиала в сосуд с вином, из которого должен был пить Эзгара Дисканар в тот последний ужасный день. В тронном зале. Эзгара вместе с никчемным Первым евнухом. А с ними – и Нисалл. Вот только не Брис. Кто угодно, но не Брис Беддикт.

Жаль, конечно, но увы.

Глава шестнадцатая

*Каждое поле битвы
хранит каждый крик,
Укорененный
между камней,
разбитых доспехов,
кожаных застежек,
перегнивающих в почву.
Столетия – ничто
для этих голосов,
этих горестных душ.
Они умирают сейчас,
А сейчас длится вечно.*

*«На мертвых равнинах»
Разль с Долгой косы*

Траву уничтожил огонь. Слой почвы под ней – вода и ветер. Плоский участок равнины, от которого уходили в стороны два вымытых водой оврага, был покрыт лишь круглыми кактусами, булыжниками в кулак величиной и потрескавшейся в пламени каменной крошкой. Тело летерийского всадника сползло вниз с гребня откоса, оставив за собой кровавый след, – теперь уже больше похожий на покрывший камни слой чернил. Койоты, волки или, быть может, оул’данские псы сгрызли то, что помягче, – лицо, кишки, ягодицы и бедра, – оставив все прочее мухам и их личинкам.

Наместник Брол Хандар – знавший, что он должен был умереть на Баст Фулмаре, даже успевший в последний миг поверить в собственную абсурдную смерть от своего же меча – сделал знак двоим воинам оставаться на гребне, а остальным – следовать к наивысшей точке местности в тридцати шагах оттуда, по другую сторону одного из оврагов. Свою лошадь он повел вперед по плоскому участку. Собрав волю в кулак, чтобы выдержать трупную вонь, заставил ее подойти поближе.

К’риснан успел к нему в последний момент. Вместе со своей целительной силой, чистой, не запятнанной хаосом, – как теперь понимал Брол Хандар, для него это оказалось благословением. Куральд Эмурланн. Возродившаяся Тьма. Он даже не думал сомневаться или пытаться понять. *Благословение.*

Из горла всадника торчало древко стрелы. Оружие забрали, стянули также тонкую кольчугу из-под светло-коричневой кожаной рубахи. Лошади летерийца нигде не было видно. Мухи жужжали прямо-таки сверхъестественно громко.

Развернув лошадь, Брол Хандар снова подъехал к гребню и спросил разведчика из соллантов:

– Следы есть?

– Только его собственной лошади, наместник, – ответил воин. – В засаде, похоже, сидел пеший.

Брол кивнул. Все как обычно. Оул’даны добывают себе лошадей, оружие и доспехи. Атрипреда Биватт уже распорядилась, чтобы дозорные выезжали только группами. Само собой, Красная Маска попросту не станет отряжать в засады больше воинов.

– Оул’данец ускакал на юго-восток, наместник.

Увы, с тех пор прошел не один день. Устраивать погоню смысла нет.

Прищуриив глаза от безжалостного солнца, Брол Хандар обвел взглядом равнину. Как на этой пустоши вообще может спрятаться воин? Напрашивался ответ – в канаве, поэтому каждый раз, натолкнувшись на овраг, отряд спешилался и нырял туда в расчете выкурить врага наружу. До сих пор им попадались лишь спящие олени да логова койотов.

Каждый участок, заросший высокой травой, тоже атаквали, можно сказать, по всем правилам, в конном и пешем строю. И тоже ничего – если не считать отдельных оленей, которые иной раз выскакивали прямо из-под ног у солдат, с перепугу изрыгающих ругательства, или стаек степных дроздов и куропаток, что пернатым вихрем взмывали в небо, отчаянно хлопая крыльями.

Маги настаивали, что волшебство здесь ни при чем; мало того, бóльшая часть Оул’дана странным образом оказалась лишена чего-то такого, что, по их словам, требовалось для магии. Становилось все яснее, что долина по имени Баст Фулмар в этом отношении отнюдь не исключение из правил. Поначалу Брол Хандар полагал, что все эти обширные равнины – не более чем южный вариант тундры. В известном смысле его мнение оказалось верным, хотя во многих прочих отношениях и совершенно ошибочным. Горизонты были неверными, расстояния обманывали. Долины до последнего мгновения скрывались от глаз. *И все же – так похоже на тундру, а хуже места для войны не придумать.*

Красная Маска исчез вместе с армией. О, следов-то хватало: огромные полосы утоптанной земли вели то в одну, то в другую сторону. Однако некоторые следы принадлежали стадам бхедеринов, другие были слишком старыми – но и оставшиеся указывали иной раз в совершенно противоположных направлениях, пересекаясь и перекрываясь до такой степени, что уже ничего не разобрать. Так что летерийские войска день за днем выходили на марш – расходуя припасы, теряя в засадах дозорных, шарахаясь то туда, то сюда, словно обреченные на поиски мифической битвы, которая никогда не состоится.

Брол Хандар отобрал тридцать своих лучших наездников и каждый день отправлялся с ними в сторону от колонны, далеко, опасно далеко на фланги в надежде обнаружить оул’данов.

Сейчас он, прищуриившись, смотрел на следопыта-солланта:

– Куда же они подевались?

Воин поморщился.

– Я немного подумал на этот счет, наместник. Вернее сказать, всю последнюю неделю я только об этом и думаю. По-моему, враги окружают нас со всех сторон. После Баст Фулмара Красная Маска разделил свои племена. У каждой группы есть повозки, так что одну не отличить от другой – как мы уже уяснили из многочисленных следов, повозки идут зигзагом, из стороны в сторону, по восемь или десять в ряд, и поскольку в колонне они последние, все остальные следы на тропе уже не разберешь. По ней могла пройти сотня воинов, могли все пять тысяч.

– Если так, – возразил Брол, – мы уже натолкнулись бы хотя бы на один конвой.

– Мы для этого недостаточно быстры, наместник. Если помните, мы целых два дня простояли лагерем с южной стороны Баст Фулмара. Этого им хватило, чтобы оторваться. Их колонны, даже вместе с заматающими следы повозками, движутся быстрее, чем наша, только и всего.

– При этом атри-преда не желает высылать на разведку значительные силы, – кивнул Брол.

– И весьма разумно, – заметил следопыт.

– Почему еще?

– На крупный отряд Красная Маска нападет. Соберет побольше воинов и перебьет всех до последнего солдата. Так или иначе, наместник, мы делаем то, чего он от нас хочет.

– Это... неприемлемо.

– Думаю, здесь атри-преда с вами согласится, командир.

– Но как нам тогда быть?

Воин удивленно наморщил лоб:

– Я не командую армией, наместник.

Я тоже.

– А если бы ты командовал?

На лице следопыта вдруг появилась неуверенность, он кинул взгляд в сторону третьего всадника, что был с ними на гребне, – но тот, похоже, не слушал, поскольку всматривался сейчас в какую-то точку на самом горизонте, одновременно отрывая кусочки от зажатой в левом кулаке полоски сушеного мяса и неторопливо их пережевывая.

– Ладно, – вздохнул Брол, – понимаю, вопрос не совсем честный.

– И все же, если желаете, наместник, я на него отвечу.

– Говори.

– Я бы отступил. Вернулся в Дрен. Продолжал бы участок за участком захватывать территории, обеспечивая им надежную защиту. Красная Маска был бы вынужден сам к нам заявиться – вряд ли он смирился бы с потерей оул’данской земли.

Согласен. Но она на это не пойдет.

– Труби сбор, – приказал он. – Возвращаемся к колонне.

Солнце уже миновало полуденную точку, когда отряд тисте эдур заметил летерийскую колонну, и сразу же стало ясно – что-то происходит. Обозные телеги выстроились по периметру квадрата, волов и мулов уже распрягли и развели по двум отдельным загонам внутри этой оборонительной линии. Пешие части из разных бригад и подразделений строились сейчас к северу и югу от квадрата, а конница разошлась к западу и востоку.

Брол Хандар скомандовал отряду двигаться быстрым карьером. Своему главному разведчику он приказал:

– Все скачите к моим арапаям – я вижу их к западу.

– Слушаюсь!

Отряд у него за спиной стал разворачиваться, а наместник бросил лошадь в галоп и устремился туда, где, судя по небольшому лесу штандартов, у самой восточной кромки квадрата находилась атри-преда. Равнина здесь была относительно плоской. Гребень очередного небольшого подъема шел почти точно с востока на запад в тысяче шагов к югу от них, на север от него местность была более или менее ровень с дорогой и по пояс заросла серебристой травой, которую здесь называли «кинжальной», дословно переводя ее оул’данское имя, *мастхебе*.

Красной Маске нужно быть идиотом, чтобы напасть на нас здесь.

Приблизившись, Брол Хандар перешел на рысь. Он уже видел атри-преду, возбужденный румянец на ее лице смыл сейчас все следы того напряжения, которое каждый прошедший с Баст Фулмара день старило ее на целый год. Вокруг нее собрались офицеры, но они, получив свои приказы, один за другим устремлялись прочь. Когда наместник подъехал, рядом с атри-предой оставалось лишь несколько посыльных и ее собственный знаменосец.

Он натянул поводья и остановился:

– Что происходит?

– Похоже, он устал бегать, – отозвалась Биватт с яростным удовлетворением.

– Вы его нашли?

– Он сейчас движется прямо на нас, наместник.

– Но... зачем?

В ее глазах мелькнула неуверенность, потом она отвернулась и уставилась на юго-восток, где Брол тоже мог теперь различить пыльное облако у самого горизонта.

– Решил, что мы устали, вымотались. Он знает, что у нас не слишком много припасов и годного фуража, что наши повозки переполнены ранеными. И собрался еще раз ударить побольней.

Порыв теплого ветра сдул со лба Брола Хандара капельки пота. Ветер этот налетал с размеренным постоянством, словно бы дышала сама равнина, всегда с запада или северо-запада. И пожирал всю влагу до последней капли, так что кожа задубевала и лоснилась. Облизнув потрескавшиеся губы, наместник прокашлялся, потом спросил:

– Атри-преда, здесь можно использовать магию?

Ее глаза сверкнули.

– Да. Так что мы дадим ему достойный ответ.

– А что шаманы? Оул’данские шаманы?

– От них мало проку, наместник. Ритуалы слишком медленные для боя. И черпать силу напрямую они тоже неспособны. Сегодня, Брол Хандар, мы им зададим!

– Вы опять расположили тисте эдур в тылу. Мы что же, атри-преда, годимся только чтобы охранять воловий помет?

– Отнюдь нет. Думаю, на вашу долю сегодня тоже немало достанется. Наверняка будут и фланговые атаки, нацеленные на наш обоз, и вы с вашими эдур нужны мне, чтобы их отражать. И не забывайте про двух демонов.

– Забудешь их, как же, – откликнулся он. – Что ж, мы займем оборонительную позицию. – Он взялся за поводья. – Удачной вам битвы, атри-преда.

Биватт смотрела вслед отъезжающему наместнику, который успел ее разозлить своими вопросами и скепсисом. Красная Маска ничем не отличается от прочих смертных. От ошибок он не застрахован, и сегодня совершает одну из них. Обороняющийся всегда имеет преимущество, и от атакующих, как правило, требуется значительное численное превосходство. В катастрофе, которой обернулся Баст Фулмар, Биватт потеряла убитыми и ранеными больше восьмисот солдат. Но даже несмотря на это, людей Красной Маске, если он не собирался ограничиться простой демонстрацией силы, не хватало.

В идеале она предпочла бы построить свое войско вдоль гребня на юге, однако времени на это уже не было; впрочем, оставаясь там, где сейчас, она исключала этот гребень из числа факторов, влияющих на битву. Существовала вероятность, что Красная Маска займет гребень сам и будет ждать ее атаки, но больше она на такую удочку не попадется. Если хочет битвы, ему придется наступать самому. И достаточно быстро. Стоять в ожидании на гребне Биватт, в распоряжении которой будут маги, ему не позволит. *Хотя если желаешь, Красная Маска, то стой себе, а я буду обрушивать на тебя магию, волну за волной.*

Однако он наступал. И Биватт не думала, что он остановится на холме и будет ждать – не обменяет ли она свою удобную оборонительную позицию на возможность для атаки.

Нет, он потерял терпение. И тем самым проявил слабость.

Она обвела взглядом свои позиции. Тяжелая пехота Дикой Багровой бригады держит левый фланг, восточную оконечность ее построений. Тяжелая пехота Купеческого батальона – правый фланг. Тяжелая пехота Ремесленного батальона – центр. Еще дальше на флангах построилась на двойную глубину, двадцать шеренг вместо обычных десяти, средняя пехота из различных подразделений. Резерв из легкой пехоты, гарнизона Дрена и оставшихся средних пехотинцев, стоит ближе к квадрату. Синеветскую кавалерию, разделенную на два крыла, она оставила чуть позади на случай, если возникнет потребность в быстром ответе – нанести контрудар или закрыть брешь в обороне.

Тисте эдур Брола Хандара прикрывают север. Они стоят спиной к битве, однако Биватт не сомневалась, что на них тоже последует атака, вернее сказать – очередная атака на припасы. Как она и подозревала – из высокой травы к северу от дороги.

Привстав на стременах, она изучала приближающееся облако пыли. Разведчики уже подтверждали, что это действительно Красная Маска, по всей видимости – во главе своих основных сил. Похоже, пыльный след изгибался в сторону гребня. Оскалившись, атри-преда махнула рукой посыльному:

– Магов ко мне. Бегом!

Этим утром старика нашли мертвым в собственной палатке. На шее остались следы задушивших его пальцев – пятнистое свидетельство чьей-то злобы под распухшим лицом с выпученными глазами. Убийца сидел сверху и смотрел старику в лицо, ожидая, когда тот умрет. Последний из старейшин ренфайяров, племени Красной Маски, быть может, самый древний старец из всех оул’данов. Смерть, Слепой Бродяга, могла бы обойтись со столь почтенным человеком и поласковой.

Ужас и отчаяние метались по лагерю, вихрясь, словно запертый в тесном ущелье ветер, посвист которого прерывался лишь жутким воем старух и выкриками насчет дурного предзнаменования. Красная Маска явился, чтобы посмотреть на тело, когда его вынесли наружу. Разумеется, никто не видел, что происходит под чешуйчатой маской, однако он не опустился на колени рядом со своим родичем и мудрым советником. Просто стоял неподвижно, кадаранский кнут крест-накрест обернут вокруг груди, ригта небрежно сжата в левой руке.

Псы тоже завывали, голосили вместе со скорбящими, а у края склона на юге беспокойно шарахались туда-сюда стада родара.

Потом Красная Маска отвернулся. К нему приблизились его меднолицые офицеры, с ними Масарк, а в нескольких шагах позади – Ток Анастер.

– Довольно бежать, – объявил Красная Маска. – Настало время снова пролить летерийскую кровь.

Оул’данские воины давно ждали подобных слов. Они преданы ему всей душой, во всяком случае, после Баст Фулмара – однако они также были молоды и успели попробовать крови. Теперь они жаждали попробовать ее еще раз. Танец из причудливых заячьих петель, в который они вовлекли летерийцев, слишком затянулся. Хитрых засад, в которые раз за разом попадались летерийские дозорные и разведчики, им было уже недостаточно. Хаотичный, постоянно меняющий направление марш слишком напоминал бегство.

Воины собрались к северу от лагеря, в воздухе еще чувствовалась рассветная свежесть. Псаря с помощниками надевали ошейники беспокойным, огрызающимся животным, чтобы потом отвести своих подопечных немного к востоку. Кони били копытом во влажную от росы почву, длинные клановые вымпелы развевались на ветру, словно тростинки. Усиленных конными лучниками разведчиков выслали вперед, чтобы те вошли в соприкосновение с летерийскими дозорными и отогнали их обратно в логово. Тем самым организация войска Красной Маски останется неизвестной как можно дольше.

Незадолго до того, как армия пришла в движение, объявился Торант и пристроился рядом с Током. Воин хмурился, как и всегда по утрам – а также днем и вечером, – когда ему случалось забыть о том, чтобы нанести на лицо слой краски. Поскольку щеки его, подбородок и лоб в последнее время стали от нее покрываться красной сыпью, «забывал» он теперь все чаще и чаще, – но Ток встретил его враждебный взгляд обезоруживающей улыбкой.

– Настало время обнажить мечи, Торант.

– Красная Маска позволил тебе участвовать в битве?

Ток пожал плечами.

– Он ничего на сей счет не говорил – по-моему, сойдет за позволение.

– Не сойдет! – Торант заставил лошадь попятиться, потом развернул ее и поскакал туда, где на летерийском жеребце перед нестройным рядом готовых к бою воинов восседал Красная Маска.

Устроившись поудобней в непривычно высоком оул'данском седле, Ток еще раз проверил лук, потом – стрелы в закрепленном на правом бедре колчане. Битва как таковая его мало интересовала, но хотелось убедиться, что при необходимости он сможет за себя постоять. Дурные предзнаменования. Очевидно, Красной Маске до них дела нет. Ток поскреб мерзкий нарост вокруг пустой глазницы. *Как же мне не хватает дарованного Дэнцумом глаза – кажется, с тех пор уже целая вечность прошла. Боги, я тогда снова лучником сделался – а теперь от меня, будь я проклят, пользы совсем никакой. Ток Неудачник – стреляет быстро, но мимо.*

Запретит ли ему Красная Маска? Ток полагал, что вряд ли. Он видел, как Торант что-то говорит вождю, а его лошадь переступает с ноги на ногу и трясет головой. *Воистину, животные становятся похожи на своих хозяев. Выходит, держи я собак, они все были бы одноглазыми.* Потом Торант развернул коня и быстрым галопом поскакал обратно к Току.

Хмурость его лишь усилилась. Ток снова улыбнулся ему:

– Настало время обнажить мечи, Торант.

– Ты уже говорил.

– Решил сделать еще попытку.

– Он не хочет подвергать тебя опасности.

– Но ехать вместе с войском я могу.

– Я тебе не доверяю, поэтому не думай, что твои недостойные деяния останутся незасвидетельствованы.

– По-моему, Торант, многовато отрицаний на одну фразу. Но я сейчас что-то благодушно настроен и не стану придирается к твоему стилю – отпущу, так сказать, поводья. Считай, что я с этим вообще завязал.

– Поводья не завязывают, – усмехнулся Торант. – Хуже дурака, право слово.

– Тебе видней.

Войско выступило, сейчас все – включая псарей – ехали верхом, но это ненадолго. Как подозревал Ток, вместе они тоже не останутся. Красная Маска не был склонен считать битву единым событием. Скорее он рассматривал ее как набор отдельных стычек, как столкновение волей; если один из ударов оказывался отбит, он переносил свое внимание в другое место, чтобы продолжить схватку; битва выигрывалась – или проигрывалась – там, где осуществляется координация всех этих многочисленных событий. Фланги вскоре отделятся от основной колонны. Не одна атака, а много; не одна цель, а несколько.

Ток его хорошо понимал. В таком, как он подозревал, и заключалась квинтэссенция тактики всех успешных военачальников по всему свету. Малазанцы определенно воевали именно так, и весьма успешно. Они избегали показных маневров, каждая схватка была именно преднамеренной схваткой, и столь же намеренно нацелена на то, чтобы связать врага яростным, отчаянным боем.

– *Маневры оставим дворянству*, – сказал как-то Келланвед. – *Пусть забирают свои элегантные трюки с собой в могилу.* – Случилось это, когда он вместе с Дассемом Ультором наблюдал за унтанскими рыцарями на поле битвы к востоку от Джурды. Те непрерывно разъезжали – взад и вперед, взад и вперед. Изматывая и без того перегруженных лошадей, сея замешательство в рядах собственных солдат, которые ничего не видели в клубах поднимающейся пыли. Слепшие от собственной хитрости. Дассем все эти маневры породистых болванов попросту игнорировал, и еще не кончился день, как он наголову разгромил всю унтанскую армию, включая некогда вызывавших всеобщий страх хваленых рыцарей.

У летерийцев тяжелой кавалерии не имелось. Но если бы вдруг появилась, то, как полагал Ток, тоже бы только и делала, что маневрировала вслепую.

Или нет. Их боевая магия не отличается ни утонченностью, ни элегантностью. Если называть вещи своими именами, то она груба, как кулак фенна. Что заставляет заподозрить опре-

деленный прагматизм, примат эффективности над помпой, и, если на то пошло, пренебрежение ритуальной стороной войны.

Магия. Красная Маска забыл про летерийских магов?

Обширная равнина, где их поджидал враг, – оул’даны называли ее Предегар, Древняя Соль, – не была магически мертвой. В конце концов, шаманы Красной Маски сами использовали ее остаточную магию, чтобы следить за продвижением неприятельской армии.

Красная Маска, ты что, рехнулся?

Оул’даны скакали вперед.

Боюсь, обнаженными мечами дело не ограничится. Ток снова поскреб пустую глазницу и ударил коня пятками, чтобы двигался побыстрее.

Орбину Правдолюбу не нравилось ощущать под ногой что-либо мягкое. Почву, глину, песок – все, что угодно, если оно начинало подаваться под его весом. На поездку в карете он еще согласился, поскольку колеса все-таки были жесткими, когда ее трясло на каменистой дороге, это вселяло хоть какую-то уверенность, отгоняя мысли о ненадежной опоре. Сейчас он стоял на твердом камне, выветренной выпуклости скального подножия над самой дорогой, которая, извиваясь, уходила в глубь долины.

Согретый солнцем воздух дышал запахами студеной воды и сосен. Над стекающими по горным склонам тальми ручьями плясали рои поденок, время от времени шарахаясь в сторону, когда в их гуцу устремлялась стрекоза. Голубизна безоблачного неба была ясной и пронзительной по сравнению с пыльной атмосферой Дрена – как и любого другого города, – и Орбин поймал себя на том, что снова и снова бросает взгляд вверх, словно не может поверить собственным глазам.

В остальное время зрение Патриотиста было сосредоточено на трех всадниках, спускающихся им навстречу от перевала. Ранее те вырвались далеко вперед от основного отряда, взобравшись вверх и затем двигаясь вдоль горного хребта к другому отдаленному перевалу, где был перебит весь гарнизон. И, что еще более важно, бесследно пропал некий обоз с оружием. В общей картине потеря значила не так уж и много, вот только управитель Летур Аникт никогда не видел общей картины. Ему свойственно нарезать свои мотивации небольшими кусками и переводить их на язык точных инструкций, отклонений он не терпел, а столкнувшись с любой неразберихой, чуть ли не терял голову. Иными словами, несмотря на всю свою власть и богатство, Летур Аникт был всего лишь бюрократом в самом прямом значении этого слова.

Передовой разъезд наконец-то возвращался, вот только Орбин не сказать, чтобы был тому особенно рад. Поскольку прекрасно знал, что ничего хорошего они не поведают. Обычные истории о разлагающихся трупах, обугленных бревнах, криках воронья и мышах, что копошатся среди крошащихся костей. Ну, по крайней мере, у него появится повод еще раз вломиться в карету управителя и, усевшись напротив мерзкого счетоводишки, попытаться его уговорить – на этот раз с несколько большей убедительностью, – что им следовало бы развернуть колонну и вернуться в Дрен.

Только он знал, что это будет напрасно. Летур Аникт любую обиду принимал близко к сердцу, а любая неудача была равносильна обиде. Кому-то придется за нее заплатить. Как и всегда.

Повинуясь внезапному инстинкту, Орбин бросил взгляд в сторону лагеря и увидел, что управитель выбирается из кареты. Что ж, к лучшему, а то в тесноте экипажа Летура он всякий раз начинал обильно потеть. Орбин смотрел, как бесцветный человечек осторожно пробирается к нему по тропинке. Одет не по погоде тепло, белые волосенки скрыты под широкополой шляпой, прячущей от солнца бледную кожу, круглая физиономия от непривычного усилия сразу же пошла красными пятнами.

– Правдолюб, – начал он, как только достиг скального основания, – мы оба знаем, что нам сообщат разведчики.

– Верно, управитель.

– В таком случае... где они?

Орбин воздел тонкие брови и тут же моргнул – едкая капля внезапно проступившего пота попала ему в глаз.

– Как вам известно, они так и не спустились вниз – во всяком случае, ниже того места, где мы стоим сейчас лагерем. Тем самым остаются три возможности. Одна – они развернулись, чтобы пройти через перевал в обратную сторону...

– Их там не видели.

– Верно. Вторая – где-то здесь они сошли с дороги и двинулись к югу, возможно, рассчитывая попасть в южное Синецветье через перевал у Жемчуга.

– Прямо по горному хребту? Это, Правдолюб, маловероятно.

– Третья – они отправились на север.

Управитель облизнул губы, словно задумавшись. И спросил без особого выражения:

– Зачем?

Орбин пожал плечами.

– При желании можно дойти вдоль горной гряды до самого побережья, а там нанять лодку и уплыть – практически в любой рыбацкий поселок или порт Синецветского моря.

– Это займет месяцы.

– Фиру Сэнгару и его спутникам не привыкать, управитель. Никакой другой группе беглецов еще не удавалось так долго уходить от преследования на территории империи.

– Дело не только в их искусстве, Правдолюб. Мы оба знаем, что эдур могли бы захватить их добрую сотню раз в доброй сотне различных мест. Более того, мы оба знаем, почему они этого не сделали. Вопрос, который мы с вами уже долгое, долгое время старательно обходим, заключается в том, что мы по сему поводу намерены предпринять – если, конечно, намерены.

– Увы, – ответил Орбин, – на подобный вопрос может ответить лишь наше начальство в Летерасе.

– Начальство, – хмыкнул Летур Аникт. – У него есть другие заботы, поважнее. Мы должны действовать независимо в соответствии с возложенными на нас обязанностями; я бы сказал даже, в соответствии с ожиданиями, что мы с этими обязанностями способны справиться. Позволим ли мы Фиру Сэнгару беспрепятственно отыскать бога эдур? Позволим ли Ханнану Мосагу и его так называемым охотникам и далее ловко прикидываться, что их так называемая погоня не приносит результата? У вас, Орбин Правдолюб, есть хоть какие-то сомнения в том, что Ханнан Мосаг совершает измену? Против императора? И против империи?

– Карос Инвиктад, а также, я уверен, и канцлер способны справиться с изменой колдуна-короля.

– Несомненно. Однако что произойдет с их планами, если Фир Сэнгар добьется успеха? Что станет со всеми нашими планами, если эдурский Бог Тени возродится?

– Это, управитель, крайне маловероятно. – *Вернее, попросту невозможно.*

– Я, Правдолюб, – раздраженно заметил Летур Аникт, – прекрасно знаком с понятием вероятностей и принципами оценки сопутствующих им рисков.

– Чего вы от меня хотите? – поинтересовался Орбин.

Летур Аникт натянуто улыбнулся. Кинул взгляд на север.

– Они прячутся. И мы оба знаем, где именно.

Орбин не слишком-то обрадовался это услышать.

– Глубина вашей информированности, управитель, не перестает меня поражать.

– Вы меня недооценивали.

– Похоже на то.

– Правдолюб. Со мной двадцать отборных стражников. У вас – сорок солдат и два мага. У нас достаточно фонарей, чтобы развеять тьму и тем самым лишить замшелых колдунов их силы. Да и сколько их там скрывается, в убежище? Если мы не промедлим, с проклятым культом удастся покончить, уже одно это оправдает затраченные усилия. А если мы еще и захватим Фира Сэнгара, это будет дополнительной вишенкой на торте. Только подумайте о восторге, о похвалах, которые достанутся на нашу долю, когда мы доставим Каросу и канцлеру мерзкого предателя Фира Сэнгара вместе с болваном Удинаасом. В конце концов, подумайте о наградах!

Орбин Правдолюб глубоко вздохнул, потом произнес:

– Хорошо.

– Значит, вы знаете тайную тропу! Я так и подозревал.

А ты ее не знаешь, и это я знал наверняка. Он вытащил из кармана платок и промокнул пот на лице, потом – на складках подбородка.

– Подъем очень тяжелый. Кареты и лошадей придется оставить здесь.

– Ваша троика разведчиков может охранять лагерь. Они заслужили отдых. Когда отправляемся, Правдолюб?

Орбин скорчил гримасу:

– Немедленно.

Двое разведчиков остались сидеть у костра, над которым в закопченном котелке кипел чай. Третий встал, потянулся, чтобы расслабить спину, и неторопливо зашагал навстречу небольшому каравану, за спуском которого в долину они наблюдали основную часть дня.

Последовал обычный обмен приветствиями и приглашениями разделить этот вечер и эту стоянку. Начальник каравана утомленной походкой подошел поближе к разведчику.

– Это ведь на карете герб управителя Дрена? – спросил он.

Разведчик кивнул.

– Именно его.

Он неторопливо окинул взглядом малопримечательного человека напротив.

– Насколько я вижу, вы – не купцы. Однако идете с большой охраной.

– И мне думается, что я не зря на нее потратился, – кивнул тот. – Форт меня в этом вполне убедил. Пустой, полуобгоревший, повсюду трупы солдат.

Разведчик пожал плечами.

– Местность к западу от хребта кишит бандитами. Этих, я слышал, уже выследили и перебили.

– В самом деле?

– Это то, что я слышал. Туда уже выступил новый отряд, а с ним – плотники, дровосеки и кузнец. Форт отстроят еще до того, как закроются перевалы. – Он пожал плечами. – Места опасные, ничего не поделать.

Венитт Сатад снова кивнул.

– Мы по дороге никого не встретили. А управитель что же, намерен к вам здесь присоединиться?

– Да.

– Для него не совсем обычное путешествие, так? Дрен-то у моря, отсюда не близко.

– Управителю видней, что делать, – несколько резковато ответил разведчик. – А вы ведь, сударь, так мне и не ответили.

– В самом деле? А в чем, собственно, заключался вопрос?

– Я спросил, что вы такое везете – так мало груза и столько охраны.

– Увы, на это я отвечать не имею права, – сказал Венитт Сатад, окидывая взглядом лагерь. – Совсем недавно здесь было много солдат.

– Ушли вчера вниз по долине.

– Встречать управителя?

– Именно. И я вот что подумал, сударь, – если сегодня вечером они вернутся, им может не хватить места. Если ваша команда тоже здесь остановится.

– Думается, так и есть.

– Тогда, быть может, лучше бы вам двинуться дальше? В двух тысячах шагов вниз по долине есть еще одна стоянка. По-моему, засветло как раз доберетесь.

Венитт Сатад улыбнулся.

– В таком случае мы последуем вашему совету. Быть может, и с управителем по пути повстречаемся.

– Быть может, и повстречаетесь, сударь.

Венитт Сатад увидел по глазам, что тот лжет. Все еще улыбаясь, он направился к лошади.

– По коням, – скомандовал он стражникам. – Идем дальше.

Распоряжение не из приятных, однако Венитт Сатад весьма тщательно отбирал своих сопровождающих. Очень скоро отряд снова тронулся в путь.

Он понятия не имел, почему человек, к которому его отправили, оказался так далеко от Дрена. Точно так же Венитт не представлял, где Аникт сейчас – со всех сторон, если не считать дороги, возвышались лишь дикие скалы, населенные разве что горными баранами да выющими гнезда на утесах кондорами. Быть может, он еще узнает. В любом случае, рано или поздно, Летур Аникт вернется в Дрен, где его будет дожидаться он, Венитт Сатад, агент Раутоса Хиванара и Свободного попечительства Летераса.

Чтобы задать от имени господина кое-какие вопросы.

И дать кое-какие ответы.

Где-то вдалеке раздался пронзительный визг, однако его эхо быстро угасло. Поблизости же, где в мерцающем свете фонарей колыхались тени, последние звуки резни давно стихли – солдаты из охраны Орбина даже успели методично обследовать груды тел, в основном стариков, детей и женщин, проверяя, не дышит ли еще кто-нибудь.

Таковых не обнаружилось. Орбин Правдолюб лично в этом убедился, стараясь не поддаваться раздражавшим его чувствам, – отвращение боролось в нем с необходимостью не допустить ни малейшей промашки. В подземном лабиринте они провели каких-то четыре колокола, включая прорыв обороны у входа в ущелье и все, что за этим последовало, – комнату за комнатой, коридор за коридором, прокладывая себе путь светом и сияющей магией.

Они целиком уничтожили всю структуру управления пещерными чертогами, сколь бы сложной она там ни была, не потеряв ни единого летерийца, дальнейшее же оказалось банальной резней. Охотой за теми, кто пытался укрыться в самых дальних коридорах, самых тесных чуланах, за детишками, прячущимися в нишах, а в одном случае – даже в наполовину заполненной вином амфоре.

Таким образом, на весь культ Чернокрылого Господина ушло меньше четырех колоколов. И вместе с ним – на местных выродившихся тисте эдур. Если кого-то интересует мнение Орбина Правдолюб, то не стоило и мараться. Самым неприятным оказалось то, что они не обнаружили и следа Фира Сэнгара и его спутников. Ни единого признака, что те вообще здесь побывали.

Взгляд его застыл на очередной куче трупов, и он понял, что им воспользовались. Что он попросту послужил орудием Летура Аникта в его параноидальной погоне за эффективностью, в жестокой битве за то, чтобы упростить окружающий мир. Управитель Дрена избавился от очередной досаждавшей ему занозы. Надо возвращаться. Орбин уже заподозрил, что вообще весь поход в поисках нескольких груженных дешевым оружием повозок – всего лишь предлог, обманка. На которую он купился, словно ребенок.

Орбин вытащил платок и обтер кровь с длинного лезвия, потом вернул кинжал в ножны под правой рукой.

К нему приблизился один из магов.

– Правдолюб.

– Закончили?

– Да. Мы нашли алтарное помещение, а в нем – с полдесятка дряхлых священников и жриц, умолявших своего бога о спасении. – Маг скорчил гримасу. – К несчастью, Чернокрылого Господина не оказалось дома.

– Вот неожиданность!

– Именно. Однако, сударь, она все же обнаружилась. Я хочу сказать, неожиданность.

– Продолжай.

– Алтарь, сударь, был должным образом освящен.

Орбин сощурился на мага.

– В каком смысле?

– Там присутствовала Тьма – сама Обитель.

– Я и не подозревал, что такая Обитель существует.

– Среди аспектов Плиток, сударь, имеется и Тьма, хотя упоминания о ней сохранились лишь в ранних текстах. Как об одной из Опор, сударь. О Белом Вороне.

У Орбина внезапно перехватило дыхание. Он уставился на мага перед собой, на его морщинистое лицо, по которому скользили тени.

– Белый Ворон. Так зовут неизвестного эдур, сопровождающего Фира Сэнгара.

– Если неизвестного зовут именно так, сударь, то он не тисте эдур.

– Но кто же?

Маг махнул рукой на валяющиеся вокруг трупы.

– Они называют себя тисте анди. Дети Тьмы. Сударь, я мало что знаю о... Белом Вороне, что странствует с Фиром Сэнгаром. Но если они действительно вместе, то настают перемены.

– В каком смысле?

– Эдур и анди – злейшие враги, сударь. Если во всем, что мы по крупицам извлекли из эдурских преданий и тому подобной ерунды, есть хоть какая-то правда, то между ними шла война, и она окончилась предательством. Белый Ворон был убит. – Маг покачал головой. – Потому-то я и не могу поверить в Белого Ворона рядом с Фиром Сэнгаром, это, должно быть, не более чем имя, данное случайно или в насмешку. Но если я ошибаюсь, сударь, если старая вражда действительно похоронена, это может означать... повод для беспокойства.

Орбин обвел взглядом зал.

– Разве мы не перебили тисте анди всех до единого?

– Здесь – да. Но откуда нам знать, последние ли это тисте анди. Пусть даже в Синецветье их не осталось. Но разве эдур не обнаружили родичей за морями? Возможно, они вступили в контакт с кем-то еще, а наши шпионы во флотилиях не заметили. Сударь, меня все это начинает беспокоить.

И не тебя одного, маг.

– Продолжай над этим размышлять, – приказал он.

– Я обязательно буду, сударь.

Маг повернулся, чтобы идти, однако Орбин вытянул пухлую руку и остановил его.

– С управителем ты говорил?

Маг нахмурился, словно подобное предположение его обидело.

– Разумеется, нет, сударь.

– Это хорошо. Не надо говорить ему про алтарь – про то, что он освящен. – Задумавшись на мгновение, он добавил: – Про все остальное тоже не надо.

– Я бы и так не стал, сударь.

– Вот и замечательно. Иди, собирай солдат. Я предпочел бы убраться отсюда как можно быстрее.

– Буду только рад, сударь.

Пусть Летур Аникт живет в своем упростившемся мире. Вот только мир на деле совсем не таков, каким он хочет его видеть. Ваш путь, дражайший управитель, ведет к катастрофе. И пойдете вы этим путем без меня.

Чик застыл лицом к югу. Правая рука поднята, цепочка с кольцами туго намотана на палец. Он не крутил ее уже добрую дюжину ударов пульса. Незавязанные волосы треплет ветер. В нескольких шагах от него сидел на валуне Силкас Руин и водил точилом вдоль лезвия одного из поющих мечей.

С бледно-голубого неба сыпался снег – вероятно, высокогорный вариант грибного дождика, или снежинки подняло ветром с молодых горных пиков, что окружали их со всех сторон, гор не было лишь впереди. Воздух обжигал и был столь сух, что шерстяная одежда потрескивала, по ней пробегали искры. Они закончили переход через изрезанное плато еще вчера, груды черного камня, обозначавшие кратер в его центре, остались позади. Утренний подъем в гору вышел довольно опасным, поскольку каменные плиты под ногами зачастую оказывались схвачены ледяной коркой. Еще засветло они достигли гребня кальдеры и обнаружили перед собой длинный пологий склон, тянувшийся на пол-лиги к северу, где он переходил в тундру. Плоский горизонт вдалеке был очерчен туманной белой полосой. Ледяные поля, сказал Фир Сэнгар, а Удинаас на это рассмеялся.

Сэрэн Педак беспокойно расхаживала вдоль гребня. Она шла вместе с остальными, и поначалу они все сильно отстали от Чика и Силкаса Руина. Было еще достаточно светло, чтобы двигаться дальше, однако молодой тисте анди забрался сейчас на самый верх и смотрел назад, туда, откуда они пришли. Молча, без всякого выражения.

Она подошла поближе к Удинаасу, который теперь снова носил имасское копье и сейчас сидел на камне, ковыряя острием мшистую почву.

– Что происходит? – спросила она. – Ты, случайно, не знаешь?

– Вы слышали про такую лесную птичку с серым гребешком, аквитор? Джарак. Убийца и разбойник.

Она кивнула.

– И про то, что происходит, когда самка джарака находит гнездо другой птицы? Неохраняемое?

– Она убивает и поедает птенцов.

Он улыбнулся.

– Верно. Это общеизвестно. Хотя ранней весной джараки иной раз делают кое-что еще. Выбрасывают из гнезда яйцо и оставляют свое собственное. Другие птицы не замечают. Когда джарак вылупляется, то, разумеется, тоже убивает и поедает всех остальных.

– Потом начинает питать, – продолжила она. – Но писк его, судя по всему, ничем не отличается от писка других птенцов. И птицы несут ему пищу в клювике.

– А двое взрослых джараксов нападают на них из засады и убивают прямо в гнезде. Так что их птенцу будет достаточно пропитания.

– Джараки – создания весьма малоприятные. Только почему мы про них заговорили, Удинаас?

– В сущности, просто так. Иногда полезно напомнить себе, что люди в своей жестокости отнюдь не уникальны.

– Фенты верили, что джараки – души брошенных детей, умерших в лесу. Они мечтают о доме и о семье, но, обретя их, приходят в такой гнев, что уничтожают предмет своей страсти.

– У фентов что же, была привычка бросать детей?

Сэрэн Педак поморщилась.

– Разве что в последнюю сотню лет или вроде того.

– Те им мешали предаваться самоуничтожению, надо полагать?

Сэрэн Педак ничего не ответила, однако перед ее мысленным взором появился Халл Беддикт, выпрямился во весь рост, потом нагнулся, чтобы ухватить Удинааса за горло и вздернуть вверх.

Удинааса вдруг бросило вперед, он закашлялся, потянулся к ней рукой...

Сэрэн Педак отшатнулась. *Проклятье, да нет же!* Она попыталась отогнать видение.

Оно не уходило.

Лицо Удинааса потемнело, глаза выкатились, он ухватился руками за собственное горло, но на нем ничего не было...

– Сэрэн! – взвизгнула Кубышка.

Странник упаси! Как, зачем... я ж убью его! Халл Беддикт выдавливал из Удинааса последние капли жизни. Она хотела броситься к нему, оторвать пальцы от горла Удинааса, но знала, что ей не хватит сил. Нет, подумала она, здесь нужен кто-то другой...

И вызвала перед мысленным взором еще одну фигуру, которая тут же шагнула поближе, гибкая, почти неразличимая. Вылетевшая вперед ладонь ударила Халла Беддикта в его собственное горло. Летериец отшатнулся, выпустил Удинааса и упал на одно колено. Ухватился за меч.

Описавшее стремительную дугу древко копья стукнуло Халла прямо в лоб, так что голова откинулась назад. Он рухнул навзничь.

Между ним и Удинаасом теперь стоял, подняв копье в оборонительную позицию, воин эдур.

Увидев его, его лицо, Сэрэн Педак едва сама не упала. *Трулл Сэнгар? Трулл...*

Видение растаяло, исчезло.

Удинаас, кашляя и задыхаясь, скрючился на земле.

Кубышка бросилась к бывшему рабу и упала рядом с ним на колени.

Чья-то рука ухватила Сэрэн за плечо и развернула. Она обнаружила, что смотрит прямо в глаза Фиру Сэнгару, на лице которого застыло странное выражение. *Он... он же не видел. Не мог...*

– Острижен, – прошептал Фир. – Выглядит старше. Какая печаль... – У него перехватило горло, и он отвернулся.

Она уставилась ему в спину. *Какая печаль у него во взгляде.*

У него во взгляде.

– Опасные игры, аквитор.

Вздвигнув, она обернулась и увидела, что сидящий на валуне Силкас Руин внимательно ее изучает. Чик у него за спиной не повернулся, даже не пошевелился.

– Это не я. То есть. Я не хотела...

– Воображение, – прохрипел Удинаас, все еще лежащий на земле справа от нее, – времени понапрасну не тратит. – Он снова закашлялся, потом из его саднящей глотки вырвался смешок. – Спроси любого ревнивца. Или ревнивицу. Когда я в следующий раз скажу что-нибудь не то, Сэрэн Педак, просто обругай меня, да и все.

– Прости меня, Удинаас. Я не подумала...

– Именно это ты и подумала.

Ох, Удинаас.

– Прости, – прошептала она.

– Что ты за волшебство такое отыскала? – требовательно спросил Фир Сэнгар, впериw в нее несколько дикий в3зор. – Я видел...

– И что же ты такое видел? – небрежно поинтересовался Силкас Руин, забрасывая меч в ножны и вытягивая другой.

Ничего не сказав, Фир оторвал взгляд от Сэрен.

– А Чик что делает? – спросил он вместо ответа.

– Надо полагать, скорбит.

Удинаас при этих словах выпрямился и сел. Бросил взгляд на Сэрен, кивнул и одними губами вымолвил «джарак».

– О чем? – спросил Фир.

– Все, кто жил в Андаре, – пояснил Силкас Руин, – теперь мертвы. Убиты летерийскими солдатами и магами. Чик – Смертный Меч Тьмы. Будь он там, его родичи сейчас были бы живы. А недвижно лежащие во мраке тела принадлежали бы летерийцам. Он в раздумьях, не совершил ли чудовищную ошибку.

– Эта мысль, – сказал вдруг молодой тисте анди, – пришла и тут же ушла. Они охотились за тобой, Фир Сэнгар. И за тобой, Удинаас. – Он повернулся к ним, и спокойствие на его лице ужасало. Цепочка развернулась, звонко щелкнула в морозном воздухе, снова свернулась. – Мои родичи приняли меры, чтобы никаких следов вашего присутствия не осталось. У летерийских магов также не достало силы – да и ума, – чтобы осквернить алтарь, хотя они и пытались. – Он усмехнулся. – Фонари не догадались погасить.

– Врат там в любом случае уже нет, – проговорил Удинаас, голос не очень его слушался. Жесткий взгляд Чика остановился на бывшем рабе.

– Ты ничего не знаешь.

– Я знаю, Чик, что ты на пальце вертишь. В конце концов, один раз ты нам уже показывал.

Силкас Руин, который закончил со вторым мечом, тоже вложил его в ножны и поднялся на ноги.

– Удинаас, – сказал он Чику, – не меньшая загадка, чем аквитор. Знание и сила, рука и перчатка. Но нам пора идти дальше. Разве что, – уточнил он, не отводя глаз от Чика, – настало время.

Время? Какое время?

– Оно настало, – подтвердил Удинаас, опираясь на имасское копьё, чтобы подняться на ноги. – Они знали, что им предстоит умереть. Прятаться в яме – не выход. Молодежи все меньше, кровь разжижается. И однако даже эта кровь, если ее щедро пролить...

Чик молча двинулся на бывшего раба.

– Нет, – сказал ему Силкас Руин.

Смертный Меч остановился, казалось, поколебался мгновение, потом, пожав плечами, отвернулся. Засвистела цепочка.

– Мать Тьма, – продолжил Удинаас, натянуто улыбаясь. – Открывай уже треклятые врата, Чик, за все уплачено.

Вращающаяся цепочка вдруг застыла. Горизонтально. На каждом конце по кольцу, она словно балансировала у Чика на пальце. Внутри ближайшего к ним кольца клубилась... тьма.

Сэрен Педак в изумлении смотрела, как черный шар растет, словно изливаясь из кольца.

– У нее всегда так, – пробормотал Удинаас, – это вроде детородного канала.

Силкас Руин шагнул во Тьму и исчез. Через мгновение следом мелькнуло что-то призрачное – во врата устремился Сушенный. Кубышка взяла Удинааса за руку и потянула его внутрь.

Сэрен посмотрела на Фира. *Твой мир, тисте эдур, остается позади. И однако я вижу, как у тебя в глазах пробуждается осознание. Там. За этими вратами, Фир Сэнгар, ждет душа Скабандари.*

Положив руку на меч, он размахисто шагнул вперед.

Сэрен Педак, двинувшись следом, посмотрела на Чика, встретила его взгляд – он стоял, ожидая, подняв одну руку, а из ближнего кольца исходил вращающийся спиралью тоннель

врат. В каком-то другом мире, подумала она, такие же врата исходят из второго кольца. *Он его с собой носил. Проход туда, куда нам нужно. Все это время.*

Чик вдруг подмигнул ей.

Вся похолодев от этого жеста, аквитор шагнула вперед и окунулась во мрак.

Третий Девичий остров был прямо за кормой, то появляясь, когда их вздымал вверх гребень очередного вала, то снова проваливаясь вниз вместе с волной. Паром стонал, словно сиюминутно подняться на ноги животное, выгибая спину под лесом мачт, сенью самодельных парусов и грузом шайхов, в ужасе сгрудившихся на палубе. Ведьмы и колдуны на коленях издавали протяжные молитвенные вопли, сиюминутно перебивая разбушевавшийся шторм, однако они отплыли слишком далеко от берега – молитвы не помогали.

Насквозь промокший Йедан Дерриг – пена раз за разом хлестала через фальшборта с, казалось, демоническим наслаждением – пробирался сейчас к Йан Товис, стоявшей у руля рядом с четырьмя матросами. Широко расставив ноги, чтобы устоять на прыгающей палубе, она держалась за две толстых стеньги и в лице сводного брата прочитала то, что уже знала и сама.

Нам не доплыть.

Перерубив канат, как только миновали болотистый участок берега, они обогнули полуостров и пошли вдоль северной кромки рифов. Через три дня и две ночи они должны были причалить в одной из бухточек с подветренной стороны Третьего Девичьего. Погода благоприятствовала, и еще на рассвете казалось, что они доплывут.

– Швы расходятся, Сумрак, – сказал Йедан Дерриг, оказавшись рядом. – Волны лупят в борта так, что швы не выдерживают. Мы тонем... – Он расхохотался лающим смехом. – Как говорится, оставил берег – пеняй на себя. Море любит кости.

Он был бледен – как, без сомнения, и она сама, – однако в глазах его светилась темная ярость.

– Турова коса на две отметки в сторону от нашего курса, и там мели – однако, дорогая сестрица, ни до какой другой земли нам не добраться.

– И сколько из тех, кто на палубе, умеет плавать? Хотя бы один? – Она покачала головой, сморгнула соленые брызги. – На что ты рассчитываешь – что удастся выброситься на косу? Умоляя берег, чтобы удалось пройти через мели? Надеешься, мой дорогой Дозорный, усидеть у богов на коленках?

Обросшая бородой нижняя челюсть выпятилась вперед, а канаты лицевых мускулов натянулись так, что ей показалось – сейчас затрещат зубы или кости. Потом он отвернулся:

– А ты в таком случае чего от нас хочешь?

– Чтобы все эти болваны вычерпывали воду, Йедан. Если мы просядем еще, следующей волной нас попросту перевернет.

Однако она понимала, что уже поздно. Все грандиозные планы по спасению своего народа, которые она вынашивала в сердце, разлетелись в клочья. И разорвал их один-единственный шторм. Было безумием швырнуть этот паром, годный лишь на то, чтобы ходить вдоль суши, так далеко от берега, пусть даже единственным по-настоящему опасным отрезком маршрута был... *да вот этот самый, к северу от Третьего Девичьего, пока не удастся укрыться за Шпионским Камнем. Единственный отрезок, полностью открытый океану на западе.*

Буря вдруг окончательно сорвалась с цепи, словно кулаком ударила в левый борт судна. Мачта переломилась, парусина, хлопая, закружилась вокруг нее, потом парус, будто взмахнув крылом, взлетел и унес мачту с собой. Снасти сдернули с палубы нескольких несчастных и швырнули высоко в воздух. Рухнула еще одна мачта – она оказалась достаточно тяжелой, чтобы утянуть за собой парус. Сквозь завывание ветра доносились тоненькие вопли.

Паром вдруг просел, словно собираясь низвергнуться в бездну. Йан Товис обнаружила, что держится за стены так, будто рассчитывает – они смогут швырнуть ее в небеса, забрать отсюда. *Королева отдала приказ. Ее народ умрет.*

По крайней мере, и я умру вместе...

Йедан Дерриг, который уже устремился вперед, в царящий на палубе хаос, издал громкий крик, настолько громкий, что достиг ее ушей.

И она тоже увидела. Сзади к ним приблизились два огромных корабля, по одному с каждой стороны. Корабли вздымались, словно вышедшие на охоту чудища, прыгающий между ними паром казался мелким даже по сравнению с одним-единственным из парусов пришельцев. Тот, что слева, укрыл их от яростного дыхания бури, паром вдруг выровнялся на резко уменьшившейся волне.

Глядя на него, Йан Товис увидела, что вокруг закрепленной на борту баллисты суетятся люди, что другие собираются у ограждения, стигаясь под весом огромных веревочных бухт.

Пираты? Сейчас?

С растущей тревогой она обнаружила, что экипаж корабля справа занят примерно тем же самым.

Однако больше всего ее напугали сами корабли. Поскольку она их узнала.

Изморские. Как там они называются? Престолы войны. Она хорошо запомнила ту битву, магию, хлещущую по гребням волн, взрывы, обращавшие эдурские галеры в прах прямо у нее перед глазами. Крики тонущих воинов...

Огромные стрелы вылетели из баллист, однако снаряды прошли по высокой дуге, по меньшей мере в двух человеческих ростах над палубой. С них змеями упали веревки. Оба корабля выстрелили практически одновременно. Тяжелые наконечники прошили хлипкие паруса, рассекли снасти, затем стрелы нырнули в море по обе стороны от парома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.